

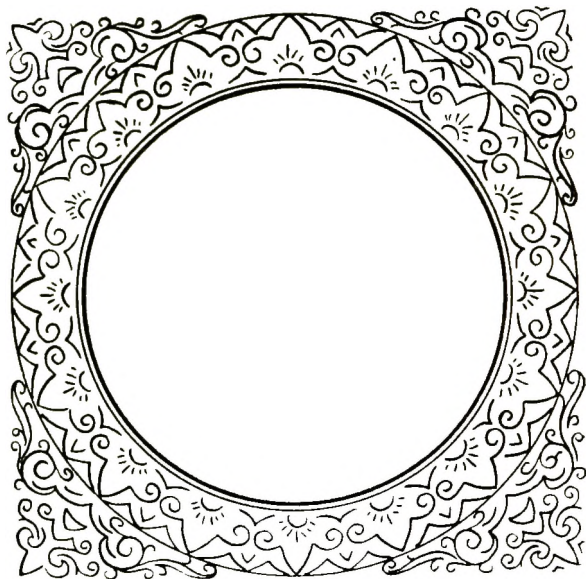

З. А. АХМЕТОВ

**СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
И ТРАДИЦИИ
КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

З. А. А Х М Е Т О В

СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
И ТРАДИЦИИ
КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АЛМА-АТА 1978

Современное развитие и традиции казахской литературы.
Ахметов З. А. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1978.
328 с.

Единство процесса развития казахской литературы и литератур народов СССР, литературные связи, некоторые проблемы развития эпической прозы, проблемы новаторства в поэтическом языке, его образном строе, пути обогащения форм стиха в современной казахской поэзии представляют основные содержание монографии. В ней дана целостная характеристика современного литературного процесса в Казахстане в его наиболее ярких проявлениях.

Художественные традиции литературы рассмотрены главным образом в плане изучения русско-казахских литературных связей, переводов Абая из русской литературы.

Современная казахская литература изучена в связи с общесоюзным литературным процессом, а художественные традиции рассмотрены с точки зрения их значения для современных литературных взаимосвязей. Прослеживаются наиболее характерные направления развития казахской советской литературы в условиях развитого социалистического общества.

Книга рассчитана на литературоведов и критиков, преподавателей вузов и школ, аспирантов и студентов. Не без интереса прочтет ее читатель, изучающий вопросы современной литературы и культуры.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

член-корреспондент АН КазССР
доктор филологических наук, профессор
Е. В. ЛИЗУНОВА

А 70202—047
407(07)—78 129—78

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1978 г.

ОТ АВТОРА

Современный литературный процесс, его содержание, характер и направление определяются задачами построения нового, коммунистического общества. Озаренная великими идеями Октября, литература социалистического реализма с первых дней своего существования неизменно следует ленинскому принципу партийности, отражает коренные интересы советского народа, строящего коммунизм, что требует от писателей активного участия в борьбе за революционное обновление мира, слияния художественного творчества «с движением действительно передового и до конца революционного класса»¹

Советская литература «отразила всемирно-исторический опыт революционного преобразования общества, борьбы за социализм, всегда несла людям высокие идеи коммунизма, свободы, мира и прогресса»².

Неразрывное единство и взаимосвязь литератур народов СССР, составляющих органическое идейно-художественное целое, отражает монолитное единство советского народа как новой исторической общности людей. По мере все более тесного культурного сближения наших народов национальные традиции развиваются и обогащаются, национальная культура все больше впитывает в себя достижения других народов, в нее органически входит общесоветский опыт художественного развития. Без учета этой важной закономерности невозможно правильное освещение проблемы новаторства в современной литературе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 28.

² Из приветствия ЦК КПСС IV съезду писателей СССР. — «Правда», 1967, 23 мая.

Современный литературный процесс в Казахстане — явление разностороннее, многоплановое. Основное место в нем принадлежит ведущим формам профессиональной литературы — поэзии, прозе и драматургии. Наряду с этим литературный процесс включает в себя поэтическое творчество народных певцов, а также литературную критику и публицистику. Значительная роль в нем отведена литературному взаимодействию с братскими народами — взаимосвязям казахской литературы с русской и другими литературами народов СССР. При этом весьма существенное значение в литературном процессе имеет перевод произведений казахской литературы на русский язык, на языки народов СССР, на иностранные языки, а также перевод на казахский язык произведений советской литературы, лучших образцов мировой литературы.

В Казахстане вместе с казахскими писателями трудятся русские, уйгурские, корейские, немецкие писатели. Взаимный обмен опытом советских писателей, пишущих на разных языках, — несомненно, важный фактор, способствующий успешному развитию литературного творчества.

Художественные традиции казахской литературы чрезвычайно богаты и разнообразны. Они включают в себя все лучшее в многовековой поэтической культуре казахского народа.

Ленин указывал, что «мы из *каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»³.

Задача художественного освоения современной действительности требует органического сочетания идейно-художественного новаторства с творческим использованием и развитием лучших национальных литературных традиций на основе социалистического реализма. Закономерно, что казахская советская литература всегда обращалась и обращается к богатым традициям литературы прошлого — устной поэзии и письменной литературы, в частности, к наследию великих казахских писателей Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина. Одной из самых плодотворных художественных традиций,

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

связанных с деятельностью казахских просветителей. является тесная взаимосвязь русской и казахской литературы.

В настоящей работе освещаются некоторые актуальные проблемы современного литературного процесса в Казахстане. Выделяя наиболее яркие, художественно полноценные образцы современной казахской литературы, автор стремится показать, какие поистине огромные возможности открывают перед национальной художественной культурой советский строй, овладение методом социалистического реализма.

Идейно-тематическое богатство казахской советской литературы, разнообразие жанров и художественных форм определяются ее активным участием в строительстве нового общества, отображением богатства и многообразия социалистической действительности. Великая Октябрьская революция, борьба за построение социализма и коммунизма в СССР явились неисчерпаемым источником для обогащения идейного содержания советской литературы, небывалого расцвета национальных литератур. Лучшие образцы казахской поэзии (в том числе таких ее новых форм, как, например, политическая лирика), достижения прозы, особенно крупной эпической прозы — романа, рассматриваемые в книге, наглядно отражают новаторские черты современной казахской литературы. Они свидетельствуют о том, что в ней, как и в литературах всех народов СССР, высокая идейность, народность и гражданский пафос органически сочетаются с художественным совершенством. Этому способствуют плодотворные поиски изобразительных средств, разработка новых жанров, обогащение поэтического языка, форм стиха и т. д.

Освещая явления казахской литературы в связи с общесоюзным литературным процессом, автор обращает внимание на характерные факты усиливающегося сближения национальных культур народов нашей страны, плодотворного творческого претворения в произведениях своеобразных черт национального художественного мышления, их обновленного использования на основе современного общесоветского художественно-эстетического опыта.

В книге рассматриваются художественные традиции в плане изучения связей казахской литературы с русской, при этом главное внимание уделяется творчеству Абая,

его переводам из Пушкина и Лермонтова, ибо в произведениях казахского поэта и просветителя наиболее ярко воплотилась плодотворная и ведущая тенденция развития казахской литературы и общественной мысли Казахстана — новаторское развитие самых жизнеспособных национальных художественных традиций на основе творческого освоения достижений передовой русской культуры.

Современные процессы развития казахской литературы, как и ее художественные традиции, исследуются в литературоведении с различных сторон, в самых разных направлениях. Мы ставим задачу сочетать изложение узловых, общих вопросов проблемы с углубленным изучением частных, важных, на наш взгляд, конкретных материалов. Большое внимание уделяется прежде всего идеологическим, политическим аспектам развития литературного процесса. Одновременно раскрываются специфические закономерности художественного творчества, показано художественно-эстетическое своеобразие произведений литературы с учетом сложного взаимодействия в литературном процессе социальных и художественно-эстетических факторов, а в художественном произведении — также и его разнообразных составных частей и компонентов.

При разборе произведений современной казахской эпической прозы автор стремится показать основные тенденции ее развития, художественное освоение в прозе прежде всего тем и проблем современности, а также некоторые явления, характерные для развития этого жанра. Вопросы о языке поэзии освещаются в связи с проблемой художественного новаторства с точки зрения образной выразительности поэтического языка, в которой ярко обнаруживаются его связи с содержанием, идейно-тематическим богатством поэзии. Анализируются ритмические, интонационные особенности казахской поэтической речи, без изучения которых трудно с достаточной полнотой представить процесс новаторского обогащения как содержания, так и художественной формы современной поэзии.

Рассматриваемые в книге материалы в совокупности призваны дать целостное представление о литературном процессе в Казахстане в наиболее характерных его проявлениях.

Часть I

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ТРАДИЦИИ:
АБАЙ И ИСТОКИ
КАЗАХСКО-РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ

АБАЙ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Великий мыслитель, несравненный художник слова, неутомимый просветитель, пламенный пропагандист идей дружбы между народами Абай был самым выдающимся явлением в общественной и литературной жизни Казахстана прошлого века.

В титанической личности Абая, которая, по образному выражению М. Ауэзова, «горным тенистым кедром высится» в истории казахской духовной культуры, наиболее мощно проявился художественный гений народа благодаря тому, что поэт в своем творчестве сумел сконцентрировать огромный комплекс социально-исторических, морально-этических, литературно-художественных проблем национальной казахской литературы. Борьба за справедливость, за просвещение и знания, призыв к общественно полезному труду, борьба за честь и достоинство женщины, утверждение высокого понимания искусства и поэзии — эти идеи, пронизывающие все творчество Абая, отражают лучшие устремления эпохи.

В период, когда жил Абай, глубоко обнажились противоречия казахского патриархально-феодального общества, втянутого в русло общероссийского капиталистического развития.

Присоединение Казахстана к России положило конец набегам иноземных завоевателей, однако феодальная знать угнетала теперь народ, опираясь на поддержку царских чиновников, в союзе с ними. Вместе с тем вхождение Казахстана в состав Российского государства создало реальные условия для сближения казахского народа

с русским. Общность исторических судеб народов России способствовала укреплению их культурных, духовных взаимосвязей.

Ярким подтверждением этого процесса во второй половине 19 века явилось плодотворное влияние передовой русской культуры на развитие общественной мысли и литературы казахского народа. Значительное воздействие на формирование казахского просветительского движения оказали русские политические ссыльные, революционеры, жившие в Казахстане. Многие из них вели большую научно-просветительную работу в крае, способствуя распространению в среде казахского народа произведений русской литературы.

Огромную роль в развитии казахской общественной мысли, в укреплении в ней демократических тенденций сыграло благотворное влияние русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, поэтов и писателей — Пушкина, Лермонтова, Крылова и др.

Прогрессивные идеи революционных демократов и лучших представителей русской литературы, тесно связавших свое творчество с русским освободительным движением и отразивших в созданных ими произведениях его существенные стороны, имели в Казахстане большое революционизирующее значение.

Под благотворным воздействием идей русских революционных демократов и русских классиков формировались выдающиеся казахские просветители Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Творческое освоение наследия русских революционеров-демократов и лучших традиций русских литераторов, связанное с глубоким пониманием явлений казахской жизни, передовых идейных устремлений казахского народа, помогло казахским просветителям стать подлинными выразителями интересов своего народа, составившими эпоху в развитии казахской общественной мысли.

В своих работах «О киргизах», «Следы шаманства у киргиз», «Киргизское родословие», «О кочевках киргиз» и других Валиханов собрал и обобщил огромный материал по истории, этнографии казахов, их быту, обычаям, культуре. В них он резко обличал жестокость, произвол казахских феодалов, лицемерие и ханжество религиозных служителей, разоблачал реакционную сущность царского

самодержавия. Он подчеркивал, что казахи «считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно...»¹ Борясь за тесное сближение казахского и русского народов, за укрепление их экономического и культурного сотрудничества, Валиханов прилагал все усилия, чтобы ближе ознакомить русских с жизнью и бытом, культурой своего народа.

Писатель-педагог Ибрай Алтынсарин в своих произведениях также призывал казахскую молодежь к овладению знаниями, пропагандировал достижения науки и техники передовых стран, убеждал казахских трудящихся в необходимости развивать хлебопашество и земледелие. Труды Алтынсарина «Киргизская хрестоматия», «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку», изданные в 1879 г. в качестве первых учебников для казахских школ, сыграли неоценимую роль в деле образования и воспитания казахской молодежи, приобщения ее к русской культуре.

Основоположник казахской письменной литературы, литературы качественно новой по своему содержанию и характеру, Абай в своем творчестве критически использовал все лучшее из многовековой национальной поэтической культуры, опираясь вместе с тем на опыт передовых русских поэтов и писателей, на их лучшие традиции.

В статье «Традиции русского реализма и казахская дореволюционная литература» Мухтар Ауэзов глубоко раскрыл исключительно важное значение передовой русской литературы для развития национальных литератур еще в дореволюционную эпоху. Он писал: «В результате глубокого восприятия русской классической литературы прогрессивные деятели национальных литератур правильно определили свои идейно-исторические и эстетические воззрения на действительность. Следуя традициям русского реализма, они рассматривали искусство как акт общественной борьбы. Выдающиеся литературные деятели и публицисты прошлого столетия в своих произведениях звали народ идти по передовому пути русской литературы»². В частности, М. Ауэзов отмечал большую роль Абая как подлинного знатока и неутомимого пропагандиста произведений классиков русской литературы.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1961, с. 499.

² Ауэзов М. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5. М., «Худ. лит.», 1975, с. 252.

Под прогрессивным воздействием русской литературы в передовой казахской литературе второй половины 19 века произошел поворот в сторону реализма, жизненно конкретного отображения явлений действительности, усиливались демократические тенденции, просветительные идеи. Призыв к овладению русской наукой и культурой занял в этот период центральное место.

Творческое освоение достижений русской литературы помогло развитию лучших черт поэзии Абая — ее глубокой связи с прогрессивными устремлениями передовой части казахского общества, демократических и реалистических принципов. Творчество Абая, отражающее самые передовые устремления своей эпохи, носит общественно целеустремленный характер, отличается беспощадной критикой, страстностью исканий и острой идейной направленностью. Критическое начало, пронизывающее все творчество Абая,— отражение все нарастающего критического отношения передовых демократических сил казахского народа к старым формам жизни, к пережиткам, к устоям патриархально-феодалного быта.

Отрицание темных и отживших сторон жизни во имя утверждения других, прогрессивных начал — таков смысл творчества Абая. Поэт-просветитель, все помыслы которого были обращены в будущее, Абай, призывая народ к труду, к знаниям и науке, утверждая принципы гуманизма, глубоко верил в прогрессивное развитие казахского общества.

Поэтическая одаренность Абая проявилась очень рано, хотя литературным творчеством серьезно и систематически он стал заниматься позже. Впечатления детских лет и ранней юности в обстановке аульной жизни, звучание народных песен и стихов, знакомство с произведениями поэтов-классиков в годы учебы в Семипалатинске способствовали развитию у Абая художественного воображения и чувства поэзии. Лирические чувства рождали в нем наблюдения над окружающей жизнью, впечатления от живописной степной природы.

Первоначально поэтический дар Абая выражался в обычных для казахской среды стихотворных экспромтах на случай, которые у него отличались меткостью наблюдений, тонким юмором. Абай не раз поражал блеском поэтического таланта, участвуя в совместных стихотворных импровизациях, когда по обычаю в кругу друзей кто-

то слагал начало строфы и неожиданно предлагал немедленно подхватить ее.

Молодой Абай тонко чувствовал поэтическую атмосферу казахской словесно-поэтической культуры, что могут наглядно подтвердить стихотворения, созданные им в ранние годы. Это, к примеру, стихотворение «О, сердце, свой жар остуди», которое по особенностям как содержания, так и поэтической формы носит характер живой импровизации.

Напряженная работа, неустанные поиски помогли развить одну из важнейших отличительных черт Абая — самостоятельность образа мысли.

В юные годы Абай имел возможность непосредственно наблюдать социальную жизнь степи: борьбу крупных феодальных властителей за могущество и влияние, за захват пастбищ, вокруг выборов волостных управителей, разжигаемые могущественными феодалами в своих интересах межродовые тяжбы, в которые вовлекались значительные массы людей. Он мог наблюдать действия и характеры людей различных сословий, представителей различных социальных групп, быт и обычаи народа.

Участвуя в решении споров, стремясь уладить раздоры и распри, Абай сам нередко попадал в сложные перипетии общественной борьбы в степи, не раз оказывался в кипящем водовороте событий, порождавших острые конфликты и столкновения. Он не сторонился споров, не боялся, отстаивая свои убеждения, вступать в ожесточенные схватки, которые требовали не только смелости, но и умения разгадывать маневры и ухищрения опытных воротил и дельцов («Гневу и хитрости я возжигал свечу»).

Чем больше принимал Абай участие в общественных делах, тем больше он убеждался, что правители, влиятельные представители казахских родов не способны по-настоящему решить насущные проблемы жизни общества. Абай некоторое время и сам являлся волостным управителем и очень скоро увидел, что для справедливого решения общественных дел и защиты нужд и интересов простых людей должность волостного управителя непригодна. Не помогли ни большой опыт и знания, ни умение распутывать сложный клубок интриг, ни редкое ораторское искусство, которым он владел безупречно.

Любое стремление Абая встать на защиту правды и решить дело в пользу обиженных, естественно, вызывало

недовольство и вражду властей и крупных феодалов. В произведении «Управитель начальству рад» Абай заклеил волостного управителя, самодовольно радующегося благосклонному вниманию высокого чиновника. В едких стихах поэт разоблачает стремление стать волостным управителем как порочное в своей основе, движимое чувством честолюбия и корысти.

Постепенно у Абая складывается убеждение, что активно бороться за интересы народа он сможет и с помощью поэтического слова. Абая давно были известны произведения многих казахских певцов, стихи и сюжетные поэмы, множество старинных изречений, народных афоризмов и пословиц. Блеском красноречия, яркостью и меткостью речи он поражал многих, превосходя своим искусством самых прославленных в народе мастеров слова. «Я не знал поражений в словесных турнирах», — скажет поэт впоследствии в одном из своих стихотворений.

Месяцами длилась напряженная работа Абая в семипалатинской библиотеке. В этот период он путем самообразования намного расширил свой общественно-научный и литературный кругозор. Большой интерес Абай проявляет не только к произведениям поэтов и мыслителей Востока, но и к достижениям общественно-философской мысли европейских стран, сочинениям авторов нового времени, в том числе к произведениям крупных представителей французского, английского и немецкого просвещения. Однако решающее значение для формирования личности и развития творчества Абая имела, несомненно, передовая русская культура и литература. Один из наиболее самобытных художников слова, твердо стоящий на почве национальных художественно-поэтических традиций, Абай прекрасно понимал значение творческого освоения опыта русской литературы. Для творческой личности Абая глубоко характерны верное и тонкое понимание духовной, поэтической культуры русского народа.

«Одной из ярчайших черт всей деятельности Абая, — писал Мухтар Ауэзов, — является его проповедь просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Ни языковые, ни религиозные различия между народами, ни исторические дали, разделяющие народы на протяжении веков, не признаются Абаем за препятствия на пути прогрессивного роста своего народа. Учиться, учиться у всех народов, имеющих накопленную ве-

ками культуру! Во имя этой великой исторической задачи просвещения своей родной страны он объявляет беспощадную борьбу всем устоям прошлого, бичует всех носителей отсталой, отживающей свой век идеологии»³.

В Семипалатинске Абай знакомится с русскими политическими ссыльными Е. П. Михаэлисом, Н. И. Долгополовым, С. С. Гроссом и другими. В эти годы Абай настойчиво изучает наследие русских революционных демократов. Об этом свидетельствует и первый биограф поэта — Какитай Кунанбаев. В частности, он указывает, что Абай читал статьи из старых книг «Современника» Чернышевского и знал о его судьбе.

Пушкин, Лермонтов, Крылов, Некрасов, Белинский, Чернышевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой — вот писатели, которых следует назвать прежде всего, говоря о художниках слова и мыслителях, оказавших глубокое и благотворное влияние на формирование творческого облика Абая. Наряду с классиками Абай внимательно читает и таких современных ему поэтов, как Я. М. Полонский, И. А. Бунин и др.

Многолетнее изучение русской литературы необычайно обогатило Абая. Его творческое развитие освящала борьба великих русских писателей за национальную самобытность и народность русской литературы, за утверждение в ней реалистического метода изображения действительности.

Произведения русских писателей явились для Абая оружием в борьбе с деспотизмом и произволом властей, с суевением и отсталостью, за просвещение, за интересы народа.

Даровитый композитор, Абай проявляет немалый интерес и к русской музыкальной культуре. Он дает вольные переводы отдельных русских романсов (А. Рубинштейна, М. Глинки).

К интенсивной работе над созданием поэтических произведений Абай приступает лишь в середине 80- годов — в период расцвета жизненных и творческих сил. Произведения поэта, относящиеся к этому времени (1882—1886 гг.), в идейном и художественном отношении очень значительны, они представляют собой итог предшествующих длительных творческих исканий. В глубине его суж-

³ Предисловие М. Ауэзова «Абай Кунанбаев». — В кн.: Кунанбаев Абай. Соч. М., ГИХЛ, 1954, с. 26.

дений о людях и нравах своего времени сказываются удивительная зоркость, способность чувствовать людей, большой жизненный опыт. Умение же сочетать верность жизненных наблюдений с тонкостью художественного лирического восприятия действительности обнаруживает необычайную силу поэтического дара Абая.

Основные идеи и темы, определившиеся в стихотворениях этих лет, проходят, углубляясь, через все его творчество, охватывающее в основном последние два десятилетия жизни.

В своих произведениях Абай ставит самые насущные проблемы, глубоко современные, социальные, общественные, моральные вопросы, касающиеся судьбы народа, нравов эпохи. Это необычайно острое чувство современности и умение выдвигать вопросы большого социального, общественно-исторического значения ярко проявляются не только в таких центральных произведениях социально-политической лирики, как «О, казахи мои...», «Восьмиштишья», но и в произведениях, самых различных по тематике и характеру.

В стихотворении «О, казахи мои...» в каждом слове, в каждом поэтическом образе ярко запечатлены подлинная глубина страдания человека, сознающего весь трагизм положения народа. Поэт видит горькую безысходность народной судьбы — порождение острых социальных противоречий в казахском обществе того времени. Групповая борьба и родовые распри, разжигаемые и искусно направляемые феодальной знатью в целях личной выгоды — порок общественной жизни, который Абай постоянно подвергает в своих произведениях особенно резкой критике. Раздоры властолюбивых, тщеславных правителей усиливают вражду различных кругов, увеличивают беды и страдания народа. Абай характеризует правителей как людей корыстолюбивых, мелких и ничтожных. В усилении между феодальными властителями распрей, являющихся тяжелым бременем для народа, поэт видит одно из проявлений социально-политического кризиса казахского общества.

В стихотворениях «Вот и старость — скорбны думы, чуток сон», «Вот и старость, сбыться мечтам не дано», «Измучен, обманут я всеми вокруг», говоря о людях разных кругов, о представителях различных слоев общества, разоблачая их пороки, общественный строй в целом, поэт

неизменно направляет свою критику на самые устои казахского патриархально-феодалного общества:

Бай залезет в карман, говоря: «Дорогой!
В черный день все тебе возвращу я с лихвой».
Волостной и судья, поживясь, обещают:
«Если, мол, кто обидит, защитник я твой»⁴

Пер. А. Гатова

Образ представителя любой социальной группы является здесь широким социально-моральным обобщением. Как и во многих других стихотворениях Абая этих лет, здесь мы видим глубокое постижение существа и характера коренных, важнейших социальных противоречий казахского общества.

Действие представителей различных слоев казахского общества Абай рассматривает как проявление нравов века, порожденных социальной средой. Поэтому критика представителей разных слоев общества и прежде всего высших кругов превращается, по существу, в обличение устоев казахского патриархально-феодалного общества.

В своих произведениях Абай с сочувствием и болью говорит о зависимом, нищенском положении казахских бедняков:

Заброшен, пустынен твой собственный дом,
И в поисках пищи ты рыщешь кругом.
Кто косточку даст иль кумыса глоток, —
За все отработать заставит потом⁵.

Пер. П. Карабана

Путь поэта-обличителя, критика был трудным и суровым. Скорбные раздумья Абая, жившего думами о судьбах народа, разделявшего его горе и печали, выражались в стихах:

Разрознен мой родной народ,
Расколот и разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон⁶.

Пер. П. Карабана

Но Абай шел твердо по избранному им пути. «Я рос там, где тропы не прохожены, где много преград. Против

⁴ Кунанбаев Абай. Соч., с. 45.

⁵ Там же, с. 194.

⁶ Там же, с. 234.

тысяч один сражался»⁷. — гордо сказал он в одном из своих произведений.

Обрушиваясь на все старое и косное, Абай утверждал новые понятия и взгляды.

Даже в самых критически заостренных его произведениях явственно ощущается стремление дать ответ на жгучие вопросы жизни народа.

Абай все чаще обращается к современному молодому поколению, возлагая свои надежды на тех, кто «сердцем прозорлив и чуток», желая воспламенить их сердца, увлечь их своими идеалами. Стремление воспитать у молодежи трудолюбие, неистовую веру в науку, знания, настойчивость в достижении цели и другие волевые качества становится одной из основных идейно-тематических линий всего творчества Абая.

Поэт с большой любовью говорит о людях талантливых, целеустремленных, он верит в их настойчивость и упорство в борьбе за достижение поставленной цели:

Но в груди, если пламя живет,
Не погаснет оно и в пургу⁸.

С надеждой смотрел Абай на казахских детей — учащихся интерната: вот они — молодая поросль, новые ростки! Идут гурьбой, вытянувшиеся, стройные, словно пальцы на руке. Именно с этой поэтической картины начинается одно из лучших стихотворений Абая («Наших множество детей»).

Призыв к казахской молодежи овладевать знаниями — таков центральный мотив стихотворения. Больше всего занимает Абая при этом вопрос, какую цель перед собой должны ставить те, кто изучает науку. Поэт зовет казахскую молодежь упорно учиться, стремиться к глубоким знаниям. Он подчеркивает, что очень важно избрать в жизни верный путь, честно и достойно трудиться. Абай советует молодым людям не стремиться к военной службе, поскольку считает, что в условиях жизни того времени она ставит человека в зависимое положение, постоянно подвергает унижениям. Преодолеть узость кругозора, мелочность интересов — для этого, по мнению Абая, казахская молодежь должна настойчиво следовать высоким идеалам Салтыкова-Щедрина и Л. Толстого.

⁷ Кунанбаев Абай. Собр. соч. В 2-х т. (на каз. яз.). Т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 223.

⁸ Кунанбаев Абай. Соч., с. 180.

Тема просвещения приобретает в творчестве Абая истинно небывалое социальное звучание. В просвещении народа, в распространении знаний он видел могучее средство освобождения людей от всякого социального зла. Абай мечтает о просвещенном человеке, умеющем стоять выше предрассудков и заблуждений, присущих окружающим. Он видит человека образованным, вооруженным знаниями, способным противостоять косности и невежеству, всякого рода отрицательному влиянию. Настоящего восхищения достоин прежде всего лишь человек образованный, ученый. Но чтобы стать таким, он должен обладать рядом таких нравственных качеств, как трудолюбие, целеустремленность, способность трезво мыслить, скромность, доброта.

Абай выступает последовательным и решительным борцом против суеверия, косности мысли. В стихотворении «Не хвастай — коль не учен», воспевающим силу познания, Абай особо подчеркивает мысль, что наукой человек сможет овладеть, если полон стремления, искания, кипит жаждой познаний и если он соблюдает условие не принимать ничего на веру, все проверить разумом и определять истинность слов на основе проникновения в их смысл независимо от мнения других. Выдвинув идею умного, рассудительного человека, Абай противопоставляет ему человека невежественного, темного, не умеющего отличать добро от зла, склонного плыть по течению. Этот отрицательный тип невежественного, тупого, ограниченного человека характерен для творчества поэта и отражает передовые взгляды Абая как поборника просвещения.

Показательно, что Абай — убежденный противник религиозного фанатизма и суеверия — характеризует как невежд и слугителей религии (мулл), разоблачая их лицемерие и ханжество.

Абай стремился устранить недостатки современного общества («түзетпек ем заманды») путем изменения сознания людей. Однако вера его в то, что можно путем убеждений исправить нравы, изменить эпоху, искоренить пороки, подрывающие общество, постепенно разрушается. В произведениях поэта все сильнее звучит горечь разочарования, несбывшихся надежд, его гнетет мучительная мысль, что в казахском обществе слишком глубоко укоренилось зло, что семена идей, которые он

желал-взрастить на казахской почве, не дали хороших, настоящих всходов:

Посеял я пшеницу —
А выросла кругом ковыль ⁹

В другом стихотворении поэт пишет:

Я надеялся — листья надежды желты,
Я долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты ¹⁰.

Пер. А. Глобы

Творческая мощь Абая как большого художника слова с исключительной яркостью проявилась в уже упомянутых выше «Восьмистишьях». Значение этого произведения — в постановке самых острых современных социальных проблем казахской жизни, в глубоком проникновении в думы и настроения передовых сил общества. Здесь в сконцентрированном виде с новой силой выдвигаются многие узловые вопросы творчества Абая — призыв к знаниям, полезному, честному труду, справедливости, осуждение невежества, косности, изобличение раздоров и распрей, злоупотребления властью и т. д. Все эти вопросы выдвигаются в связи с главными проблемами произведения — судьбой поэзии и судьбой народа, которые представляются ему неразрывно связанными, едиными. Ибо тема поэзии, которую утверждает Абай, поэзии, борющейся за идеалы познания, просвещения и социального прогресса, становится, в сущности, проблемой жизни народа, мысли о поэзии превращаются в страстные, проникновенные раздумья над судьбой, настоящим и будущим народа. С необыкновенным мастерством и убедительностью раскрывая тяжелую долю народа, Абай ставит перед собой задачу пробудить в нем стремление к борьбе за лучшие общественные идеалы. При этом восприятие людьми идей просвещения, гуманизма, прогресса, их отношение к поэтическому слову, зовущему к передовым идеям века, выдвигаются как жизненно важный пункт судьбы всего народа.

Утверждая достоинство простого человека, который трудится упорно, настойчиво, и выделяя в людях прежде

⁹ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 1, с. 237.

¹⁰ Кунанбаев Абай. Соч., с. 258.

всего такие качества, как настойчивость, целеустремленность, чувство справедливости, глубина мысли, Абай бичует мелочность интересов, праздное времяпрепровождение людей, занятых злословием, сплетнями и т. д.

В «Восьмистишьях» с особой силой проявились важнейшие черты творчества Абая, характерные для многих его произведений: глубокие раздумья о социальной жизни, мучительные поиски правды и справедливости, страстный призыв к народу выйти на верный путь — путь культурного, прогрессивного развития. Здесь со всей значимостью встает перед нами облик поэта-просветителя, постоянно буруеваемого напряженными мыслями о своей эпохе, о положении народных масс. Говорить с таким волнением, с такой страстностью о народной судьбе мог лишь подлинный поэт-патриот, которому бесконечно дороги интересы родного народа:

О, как жизнь коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернутся они,
Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь ¹¹.

Большая сила художественного обобщения заключена в уподоблении поэта путнику, который не может достигнуть далекой цели.

Исключительную художественную выразительность приобретает другой поэтический образ — образ утеса, помогающий с особой полнотой раскрыть центральную мысль произведения и рожденный страстным желанием поэта быть понятым народом:

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
Отвечали и горы и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
Как, откуда тот звук пришел.
Был все тот же утес подо мной, —
Отклик есть, но отклик пустой ¹²

Эта поэтическая картина полна глубокого символического смысла: безмолвие сумрачных скал, которые лишь

¹¹ *Кунанбаев Абай*. Соч., с. 111.

¹² Там же, с. 113.

пустым эхом отвечают на страстный голос поэта,— это образ потрясающей жизненной правды: косности и невежества среды, душевных страданий одинокого, «как могила шамана», поэта, не находившего активной поддержки в своей борьбе за просвещение народа, за справедливость.

Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.

Кожу бычью, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганный старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат,

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков, костей ¹³.

Пер. А. Гатова

В стихотворениях «Что ты ищешь, моя душа», «Что чувствуешь, сердце мое», как и в некоторых других, с особой силой проявляется непревзойденное мастерство Абая в лирическом изображении внутреннего мира человека. В этих произведениях личное органически сливается с социальным, глубоко раскрывая образ поэта-просветителя, поэта-обличителя.

Новое качество поэтического мироощущения отличает и пейзажную лирику, в которой также глубоко отразились внутренние переживания мыслителя.

Неповторимыми, свежими красками Абай описал в своих произведениях времена года: зиму, осень, весну и лето. В поэтическом изображении родной природы четко проявилось своеобразие поэта: он рисует картины природы в неразрывной связи с социальной жизнью, кочевым бытом казахского народа, используя пейзаж как фон для действий человека.

В произведениях «Осень», «Ноябрь — преддверие зимы...» поэт с чувством горечи говорит о том, как тяжела жизнь аульных бедняков, обреченных на нищету и голод.

В стихотворении «Ночь без ветра и светлая луна...», полным тонкого лиризма и подкупающей теплоты, описа-

¹³ Кунанбаев Абай. Соч., с. 90.

на ночная встреча влюбленных, мастерски созданы поэтические образы природы, светлой любви. Произведение поражает реалистичностью мироощущения лирического героя.

Перед взором читателей предстает картина аульной жизни. Безветренная, тихая ночь, которая бывает особенно приятной в летнее время, когда только к вечеру спадает зной и с наступлением ночи веет прохладой и свежестью. Лунный свет дрожит и мерцает, отражаясь в воде. Доносится шум бурной речки, текущей близ аула в овраге. Лай собак и окрики, эхо, отвечающее с гор, дополняют наше представление о звуках лунной ночи в степном ауле. Поэтическая картина степной ночи восхищает богатством красок: мы не только живо представляем озаренную луной речную воду, слышим ночные звуки, но и ощущаем аромат цветущих лугов.

Абай тонко передает лирическое очарование родного края. Поэт видит окружающую природу такой, какой она предстает в сознании казахского кочевника. В то же время поэтическое изображение природы в ее тесных связях с жизнью и бытом народа свидетельствует об умении правдиво раскрывать подлинную сущность явлений жизни современного ему общества.

Абай видел свою задачу в том, чтобы открывать перед казахской публикой новые, неизведанные тропы поэтического искусства. В стихотворении «Поэзия — властитель языка», как и в ряде других произведений, Абай со всей определенностью и ясностью говорит о том, что он не стремится идти по проторенному пути, лишь подражая прежним певцам и мастерам слова.

Огромная историческая заслуга Абая как великого художника слова заключается в глубоко верном понимании того, что новая эпоха выдвигает перед казахской литературой новые задачи, в том, что с исключительной прозорливостью он увидел необходимость обновления национальной литературы и служил этому делу всей силой своего таланта. Поэт выступает последовательным борцом за новое поэтическое искусство, проникнутое передовыми идеями эпохи, утверждает многообразное и глубоко реалистическое изображение жизни, которое возможно лишь на основе принципиально нового отношения к действительности.

В том же стихотворении «Поэзия — властитель языка»

Абай утверждает, что его поэзия несет в себе новое качество, и требует от публики серьезного отношения к поэтическому слову, понимания высокого общественного назначения литературного творчества («Обновилось слово, будь иным и ты, слушатель мой»).

Разумеется, трудно было надеяться в условиях казахской жизни того времени, что покоряющая сила новых идей, достоинства нового поэтического слова легко и просто могут быть оценены в полной мере каждым человеком. Абай превосходно понимал и учитывал это, о чем свидетельствуют его слова из стихотворения «Не для забавы я слагаю стих»:

Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой¹⁴.

Эта трезвая оценка положения вещей в значительной мере объясняет причину того, какое исключительно важное значение придавал Абай отношению общества к поэтическому искусству. В своих стихотворениях он не устает обращаться к читателям, убеждая их, доказывая необходимость отнестись к поэтическому слову с большим вниманием. Видимый интерес к поэзии питают многие, и Абай отлично видит это. Но можно ли довольствоваться этим вниманием окружающих к поэзии, если оно оказывается нередко очень поверхностным?

Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой¹⁵.

Он призывает своих слушателей глубоко вникнуть в суть сказанных им слов («моих речей пойми, подумав, смысл прямой»), самое заветное желание поэта — видеть людей, которые бы вняли его словам и последовали советам.

Исходя из своего убеждения, что поэт должен быть подлинным выразителем судеб и настроений народа, Абай резко критикует певцов и поэтов, в произведениях которых не выдвигаются острые проблемы социально-политической жизни общества. Для Абая была совершенно чужда характерная для творческой практики некоторых певцов установка на развлекательность. Он вовсе не на-

¹⁴ *Кунанбаев Абай. Соч., с. 116.*

¹⁵ Там же.

мерен восславлять «богатырей, грабивших другие народы», воспевать красавиц, разные чудеса.

Критика Абаем факта широкого обращения поэтов, певцов к сказочным и вообще занимательным сюжетам имела, безусловно, важное значение. Определяя свои взгляды на задачи поэтического искусства, Абай писал:

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих¹⁶.

Пер. Д. Бродского

В 1898 г. Абай пишет стихотворение «Разве не должен, мертвый, я глиной стать...», в котором говорит о своем творчестве, обращается к потомкам. Это стихотворение — еще одно яркое свидетельство того, что Абай прекрасно осознавал оригинальность и необычность собственного пути в литературе. Слова его проникнуты верой в то, что созданное им будет необходимо и грядущим поколениям. Сам факт обращения поэта к потомкам в этом стихотворении отражает его неизменную веру в силы человека, в будущее своего народа.

В ряде стихотворных произведений Абай поэтически воплощает идею бессмертия творческого духа человека, утверждает, что по-настоящему значительным, подлинно прекрасным созданиям поэзии суждена долгая жизнь в памяти народа.

Поэт и одаренный композитор, Абай указывал на значительную роль народной песни, видя в ней отражение горестей и радостей народа, мыслей и чувств людей, воплощение народного понимания прекрасного. Он высоко оценивает лучшие произведения народной поэтической и музыкальной культуры, свидетельствующие о неисчерпаемом богатстве фантазии и высоком художественном чувстве их талантливых творцов. В стихотворении «Птицы — мысли во всех направлениях летят» он раскрывает огромную выразительную силу, заключенную в музыкальном напеве. С любовью говорит он об «умном напеве, подобном словам мудреца», о напеве, проникнутом глубоким чувством.

¹⁶ Кунанбаев Абай. Соч., с. 116.

Тонкий ценитель русской поэзии, Абай создал около 50 переводов произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова и др. Пристальное внимание Абая привлекает пушкинский «Евгений Онегин». Из него он перевел ряд отрывков, в числе которых «Ответ Онегина» (в двух вариантах), монологи Онегина, Татьяны, Ленского. Много и настойчиво работает он над переводом произведений Лермонтова («Дума», «Выхожу один я на дорогу», «Кинжал», «Парус», «Дары Терека» и др.).

Переводы из Лермонтова («Дума» и др.) внесли в поэзию Абая сатирико-обличительные приемы русской литературы. Творчески воспринял поэт традиции и таких мастеров русской сатиры, как Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин. Он создал в своих произведениях яркие, отличающиеся большой силой художественного обобщения сатирические типы. То же самое можно сказать о его переводах. В переводе «Думы» мы видим открытое сатирическое обличение, в переводах басен Крылова — сатиру иносказательную, в форме аллегории.

Расширению объекта сатиры в творчестве Абая способствовали его переводы из Крылова. Они внесли целый ряд тем, решенных в демократическом и реалистическом плане. Поэт переводит басни «Пестрые овцы», «Ворона и лисица», «Вороненок», «Стрекоза и муравей», «Бедный богач», «Крестьянин в беде», «Дуб и трость», «Лягушка и вол», «Осел и соловей» и др.

В своих баснях Крылов показал бесправие трудового народа и, смело выступая в защиту народных масс, резко осуждал тиранию и деспотизм угнетателей. Лицемерный царь в басне «Пестрые овцы» руками своих приближенных расправляется с неугодными ему людьми. Однако народ беспощадно мстит хищникам. В басне «Вороненок» насильник, пожелавший пролить невинную кровь, поплатился своей жизнью. Переводы этих басен Абаем полно передают их обличительную силу, выразительность и простоту.

С большим мастерством выполнен Абаем также перевод басни «Стрекоза и муравей», где воспето трудолюбие и осмеиваются лень и стремление вести бездеятельный, паразитический образ жизни.

Переводы из русских классиков явились для Абая одной из форм творческого восприятия русской поэтической культуры, они тесно связаны с его собственным творчеством и являются неотъемлемой частью последнего.

Абай создал к своим переводам мелодии, и его творения распространялись и устно и в рукописном виде. Песни из «Евгения Онегина» распевались в степи как народные, имена Татьяны и Онегина сделались такими же знакомыми и близкими, как и имена героинь казахского народного эпоса Кыз-Жибек и Баян-Слу. О широком распространении переводов из Пушкина и Лермонтова свидетельствуют многие исследователи жизни и творчества Абая, а также русские путешественники и ученые, писавшие о казахам.

Абай был поэтом народным, национальным в самом полном и глубоком смысле этого слова. Ибо, как справедливо заметил В. Г. Белинский, «чем поэт огромнее, тем он и национальнее, потому что тем более сторон национального духа доступно ему»¹⁷. О чем бы ни говорил Абай — призывал ли он заниматься полезным трудом, приобретать знания, ратовал ли за серьезное отношение к искусству, обличал ли недостатки целых сословий или отдельных личностей, описывал ли картины природы — все пронизывается у него ясным пониманием народного духа, стремлений, нужд и потребностей народных масс.

Новая линия в литературе могла достаточно укрепиться только при творческом подходе к художественным традициям, на пути новаторства.

Верность правде жизни, конкретность поэтического воспроизведения действительности требовали разнообразия художественных приемов. Уже сложившиеся в рамках устно-поэтического творчества формы и способы изображения действительности не могли полностью удовлетворить запросов общественной и литературной жизни в новых условиях.

Утверждая в казахской литературе реалистический метод, борясь за новое качество народности литературы, Абай поднял на высокую ступень прежде всего лирическую поэзию. В разработке лирики с особой силой сказалась творческая индивидуальность Абая: он расширил тематику казахской поэзии, утвердил в литературе новые жанровые формы.

Лирика Абая многопланова, разнообразна по жанрам, богата оттенками. Здесь и стихи на разные темы соци-

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 465.

альной жизни: общественно-политического, философского, моралистического, сатирического содержания, и пейзажные зарисовки, любовные письма, женский портрет, описание охоты, стихи на смерть родных и близких.

Многообразны приемы раскрытия Абаем образов. Так, создавая типы правителей, как уже отмечалось, поэт использует различные приемы. Все стихотворение «Наконец волостным я стал» представляет монолог-саморазоблачение волостного управителя, оно полно едкой иронии. Образ управителя, чрезмерно кичащегося своей предприимчивостью и изворотливостью, несколько заострен, тем не менее это не ослабляет правдивости социальной и психологической его характеристики, он предстает жизненно достоверным.

Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят —
Еле слушаю, вял, сонлив...¹⁸—

этими словами, вложенными в уста волостного управителя, Абай метко характеризует людей, призванных править народом.

В стихотворении же «Управитель начальству рад» поэт лишь в нескольких строках сообщает, что управитель выслужил у начальства халат и медаль, большую же часть произведения составляет острое авторское разоблачение героя. Здесь действия мало, много обличительных рассуждений автора. Стихотворение Абая «Как сберутся на совет» насквозь проникнуто гневным осуждением корыстных и мелких тяжб и раздоров степных правителей.

Абай в совершенстве владел методом объективного повествования, картинного описания, был мастером психологически верного показа настроения человека, но прежде всего он поэт-мыслитель. Многие произведения представляют собой лирические раздумья о важнейших вопросах общественной жизни. И в поэме «Масгуд» главной является та часть, где изложена мысль о необходимости приобретения знаний и достатка, а сказочный сюжет выполняет лишь вспомогательную роль.

В другой поэме («Искандер»), где также значительное место занимают рассуждения поэта, Абай обра-

¹⁸ Кунанбаев Абай. Соч., с. 99.

тился к теме, которую разрабатывали любимые им поэты-классики Фирдоуси, Низами, Навои. Главная мысль произведения Абая — осуждение захватнических стремлений македонского полководца, честолюбия которого поэт противопоставил мудрость ученого Аристотеля.

Подлинный реализм отличает поэтический перевод «Вадима» Лермонтова, дошедшего до нас в отрывке.

Закономерным был приход Абая-мыслителя к прозе. Его прозаические беседы представляют страстные публицистические сочинения, по проблематике близкие к его поэтическим произведениям, написанные острым, гибким языком и изложенные в форме живого разговора с читателем. Здесь ярко проявились противоречия общественно-политических взглядов Абая — просветителя и мыслителя, широко изложены его религиозные верования. Но основное в прозе Абая — это демократические идеи. Он выступает борцом за просвещение народа, страстным поборником дружбы казахского народа с великим русским народом.

«Главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза»¹⁹, — пишет поэт.

Абай резко осуждает тех, кто стремится «при помощи русского языка пожить за счет других казахов». «Не имей такого намерения. Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения»²⁰, — говорил он.

Абай явился основоположником новой реалистической казахской литературы и выдающимся реформатором казахского литературного и поэтического языка.

Развивая и совершенствуя казахский литературный язык, Абай опирался на неиссякаемые богатства народной речи, почерпнутые из сокровищниц общенародного языка. А. М. Горький подчеркивал, что язык создается народом. «Деление языка на литературный и народный, — писал он, — значит то, что мы имеем, так сказать, «сырой»

¹⁹ Кунанбаев Абай. Соч., с. 363.

²⁰ Там же, с. 364.

язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевыми материалами народов, как нужно обрабатывать его»²¹

В этой связи с полным правом можно сказать, что Абай открыл новые пути совершенствования национального литературного языка на основе неизмеримо более полного, чем ранее, использования возможностей народной речи.

В соответствии с общей направленностью своего творчества Абай идет новыми путями в области разработки поэтического языка, стиля и словоупотребления. Стремление к многогранному, подлинно реалистическому отражению действительной жизни определяет совершенно новый характер поэтического языка Абая. Дыхание жизни, свежесть естественного, непосредственного художественного чувства — именно это придает новаторские черты языку произведений великого мастера слова, поражающему богатством красок, художественностью и простотой выражения.

Во всем строе поэтического языка, во всех средствах литературного выражения Абай с особой силой воплотил самобытность словесно-образных богатств казахского языка, его живость и яркость, сочность и ясность.

Стремление к новаторскому переосмыслению исторически сложившихся художественных представлений, умение достигать большей свободы и гибкости поэтического языка, более полное и разнообразное выявление образной силы слова, ритмико-интонационных богатств стихотворной речи — все свидетельствует о серьезности исканий Абая в области поэтики и поэтического языка. Художественность и поэтичность изображения, выразительность языка рождаются у Абая благодаря глубине мысли и чувства, верности деталей, точности каждого определения, ясности, реалистической конкретности речевых средств, образности.

Широко используя богатство народной разговорной речи, казахского устно-поэтического и песенного творчества, он совершенствовал выразительные средства стиха, глубоко раскрыл интонационно-ритмическое разнообразие поэтических размеров, ввел новые гибкие стихотвор-

²¹ Горький А. М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. М., Гослитиздат, 1949—1953, с. 491.

ные формы. В творчестве Абая с наибольшей полнотой и в совершенно новом качестве проявились самые жизнеспособные, истинно народные особенности многовековой казахской художественно-поэтической культуры.

Влияние Абая на все области национальной культуры огромно. Отпечаток его мыслей несет культурно-просветительское движение конца 19 и начала 20 века. Своим творчеством он оказал мощное воздействие на последующее развитие казахской литературы и литературного языка.

Основные черты творчества Абая — тесная связь с важнейшими социальными проблемами своей эпохи, глубокое выражение интересов народа, его лучших устремлений, использование наиболее жизненных элементов народно-поэтического искусства, творческое освоение достижений художественной культуры других народов и особенно русской классической литературы, характерное для всего творческого облика поэта, идейно-художественное новаторство и высокое художественное мастерство — стали неотъемлемыми особенностями процесса дальнейшего развития казахской литературы. Именно с этими чертами его творческой деятельности мы прежде всего связываем представление об абаевских литературных традициях. Эти традиции в нашу эпоху находят свое творческое продолжение в произведениях многочисленных талантливых деятелей казахской советской литературы, способствуя тем самым развитию и обогащению современного литературного процесса.

С большим уважением и восхищением писали об Абае — просветителе и поэте, поборнике дружбы между народами многие видные деятели советской литературы. А. Фадеев говорил о нем как о лучшем классикопэте казахского народа, который «ненавидел русский паризм, но высоко чтит русскую культуру»²²

Чувством горячей любви к великому сыну казахского народа полны слова Л. Леонова: «...Мы, русские люди, почитаем Абая не только как великого поэта и основоположника братской казахской литературы, — мы чтим его как великого друга русского народа и с глубоким уважением склоняем головы перед его славной памятью»²³.

²² Русские о казахской литературе. Алма-Ата, 1957, с. 99.

²³ Там же, с. 87.

Просветительская деятельность Абая, его призыв к обогащению национальной культуры в соответствии с требованиями нового времени на основе достижений передовой русской культуры имели огромное значение для народов Средней Азии, многих народов Востока.

Литературное наследие Абая — национальная гордость казахского народа — получило в советскую эпоху полное признание и вошло в культуру советских социалистических наций как ее неотъемлемая часть. Произведения поэта неоднократно издавались как на русском, так и на языках многих народов СССР

Жизнь и творчество Абая вдохновили М. Ауэзова на создание романа-эпопеи о великом поэте и просветителе, произведения, являющегося выдающимся достижением казахской и всей советской литературы. Бессмертный образ великого просветителя и поэта воплощают средствами искусства не только поэты и писатели, но и музыканты, актеры, деятели театра и кино.

Имя великого казахского просветителя и его произведения пользуются популярностью во многих зарубежных странах.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ АБАЯ
(ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ)

Задача данного раздела исследования — текстологическое изучение переводов Абая и уточнение источников некоторых его произведений.

Существенное значение имеет вопрос об уточнении круга переводов из русской литературы. Сложность этого вопроса связана отчасти с тем, что некоторые произведения Абая, относимые к числу переводов, не являются таковыми в собственном, или современном, смысле этого слова. Они представляют скорее поэтические переложения, являются свободными переводами (переводами лишь частично), нередко перерастающими в собственное произведение казахского поэта.

Кроме того, имеют место трудности, возникшие в результате своеобразных условий записей и публикаций произведений Абая. Однако прежде чем касаться этого вопроса, заметим, что наибольшее число переводов поэта — из Лермонтова, и, естественно, вопрос о текстологии переводов связан более всего с лермонтовскими произведениями. Автографы переводов из Лермонтова, как и почти всех произведений Абая, не сохранились.

Первое издание сочинений Абая увидело свет после его смерти, в 1909 г. в Петербурге. Это издание в дальнейшем пополнялось новыми произведениями. Отдельные из них были найдены в рукописи Мурсеита, который записывал стихи Абая при жизни поэта.

Едва ли Какитай Куңанбаев и Мурсеит, готовившие первое издание, могли устранить все искажения в текстах собранных ими стихотворений, не располагая их автогра-

фами. В типографии Ильяса Богаранского, где набиралось это издание, работали люди, плохо знавшие казахский язык. В связи с этим нетрудно понять, почему в текстах переводов содержатся отдельные искажения, некоторые переводы из Лермонтова не имеют конца («Вадим»), в других нет середины («Бородино»), а в третьих — начала («Күлімсіреп аспан тұр»).

Из-за недостаточной изученности текстов несколько произведений Абая, являющихся переводами из Лермонтова, длительное время считались его оригинальными сочинениями, о чем указывалось во всех изданиях поэта. В то же время отдельные произведения Абая («Жүректе көп қазна бар», «Қалқамай, мен үндемей жүремін көп») считались переводами из Лермонтова, но их оригиналы не указывались. В изданиях сочинений поэта не раз отмечалось, что лермонтовские оригиналы этих произведений установить не удалось. Видимо, комментаторы обращались только к современным изданиям Лермонтова, в которые произведения, в свое время приписывавшиеся русскому поэту, в том числе оригиналы вышеназванных произведений, не вошли.

Результаты проведенной нами текстологической работы нашли свое отражение в публикациях. Необходимость привлечения внимания к этим материалам в настоящее время вызвана тем, что некоторые факты получили дополнительное уточнение, в отдельных случаях вопрос решен лишь предварительно и нуждается в дальнейшем изучении. Поэтому очень важно участие более широкого круга литературоведов как в проведении текстологических исследований, так и в обсуждении достигнутых результатов.

Рассмотрим вначале несколько произведений, лермонтовские оригиналы которых установлены нами.

«Құлақтан кіріп бойды алар» («Сквозь ухо проникнув»). Это произведение является свободным переводом лермонтовского стихотворения «Звуки»:

Что за звуки! неподвижен внемяю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!

И в душе опять они рожают
 Сны веселых лет
 И в одежду жизни одевают
 Все, чего уж нет.
 Принимают образ эти звуки,
 Образ милый мне;
 Мнится, слышу тихий плач разлуки,
 И душа в огне.
 И опять безумно упиваюсь
 Ядом прежних дней,
 И опять я в мыслях полагаюсь
 На слова людей ¹.

* * *

Құлақтан кіріп, бойды алар
 Жаксы ән мен тәтті күй,
 Көңілге түрлі ой салар,
 Әнді сүйсен, менше сүй.
 Дүние ойдан шығады,
 Өзімді өзім ұмытып,
 Көңілім әнді ұғады,
 Жүрегім бойды жылытып.
 Аңсаған шөлде су тапса,
 Бас қоймай ма бастауға?
 Біреу түртсе, я қакса,
 Бой тоқтамас жасқауға.
 Бір күйгізіп, сүйгізіп,
 Ескі өмірді тіргізер,
 Өмір тонын кигізіп,
 Жоқты бар қып жүргізер,
 Есіткендей болады
 Құлағым ескі сыбырды.
 Ескі ойға көңлім толады,
 Тірілтіп өткен құрғырды.
 Ішіп, терең бойлаймын,
 Өткен күннің уларын,
 Және шын деп ойлаймын,
 Жұрттың жалған шуларын.
 Тағы сене бастаймын,
 Күнде алдағыш қуларға,
 Есім шығып қашпаймын,
 Мен ішпеген у бар ма? ²

Перевод сделан вольно, с рядом добавлений. Сравним начальные 6 строк (в подстрочном переводе).

У Абая:

Сквозь ухо проникнув, захватывают	
всецело	1
Хорошая песня и сладкий кюй,	2

¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. В 5-ти т. Т. I. М. — Л., «Academia», 1936, с. 280.

² Қунанбаев Абай. Собр. соч., т. 1, с. 219.

В душе рождают много мыслей,	3
Люби песню, как я люблю.	4
Перестая думать о вселенной	
(забываю весь мир),	5
Забываю самого себя ³ .	6

У Лермонтова:

Что за звуки! неподвижен внемлю
 Сладким звукам я;
 Забываю вечность, небо, землю,
 Самого себя.

Строки 3 и 4 введены Абаем, у Лермонтова они отсутствуют. Остальные четыре строки, как видим, представляя перевод соответствующих строк подлинника.

Два стиха «Что за звуки! неподвижен внемлю сладким звукам я» переданы образным выражением, близким по форме к афоризму (см. у Абая строки 1 и 2). Слову «звуки» отвечают два казахских слова «эн», «күй» («эн — мелодия», «күй» — инструментальное произведение), создающих понятие «музыка». Эпитет «сладкий» воспроизводится эпитетами «жақсы» («хороший»), «тәтті» («сладкий»), соответственно относящимся к словам «эн» и «күй».

В строке 5 слова «вечность, небо, земля» Абай передает одним словом «дүние», употребляя его в значении «мир, вселенная». Это слово также употребляется в значении «вещь». Строка 6 точно передает оригинал.

Далее перевод довольно близко отражает мысли лермонтовского оригинала. Имеется лишь ряд добавлений, но показательно, что все три добавления по две строки очень созвучны окружающим лермонтовским мотивам. Они вводятся потому, что тот или иной лермонтовский мотив, выраженный, например, в двух строках, Абай передает четырьмя, развивает и расширяет этот мотив.

Возьмем последние 8 строк абаевского текста (в подстрочном переводе):

Глубоко погружаясь, упиваюсь	1
Ядом прежних дней.	2
И за истину считаю	3
Лживые толки (шум) людей.	4
Опять верить начинаю	5
Ежедневно обманывающим хитрецам.	6

³ Подстрочные переводы, разумеется, не могут передать художественных достоинств стихотворного текста. В них мы стремились добиться лишь смысловой близости к тексту.

Обезумев, не бегу (от них).
Есть ли яд, которого я не испил?

7
8

У Лермонтова:

И опять ~~безумно~~ ^{безумно} упиваюсь
Ядом ~~прежних~~ ^{прежних} дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова ~~людей~~.

Строки 1, 2, 3, 4 полностью передают содержание четырех строк лермонтовского стихотворения. Однако в строках 5, 6, 7, 8 Абай творчески развивает и дополняет тему Лермонтова.

«Ал сенейін, сенейін» («Ну поверю, поверю») — перевод стихотворения «Исповедь»:

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуй и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не название
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт холодный
Противоречит каждый миг,
И ум как прежде безотрадный
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим ⁴.

* * *

Ал, сенейін, сенейін,
Айтқаныңа көнейін.
Шалма ораған сопының
Ішін арам демейін.
Ақ көңілді әділ жан,
Табылар деп көрейін.

⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 1, с. 198.

Я сүйсе, я күлсе
 Елжірейін, төнейін.
 Жаралы көңіл жазылар,
 Дүниеде рахат бар шығар.
 Жаксы адам деген құры сөз.
 Емес шығар, табылар,
 Өткен өмір, көрген түс
 Не қылғанда бір болар.
 Деп нанып ем «маған нан»,
 Не таптым мен нанғаннан?
 Жүрегімді қан қылды,
 Өткен өмір, өлген жан.
 Ақыл іздеп, ізерлеп,
 Бәрін сынап сандалған.
 Бірін таппай солардың,
 Енді ішіме ой салған.
 Тұла бойды улатты,
 Бәрі алдағыш сұм жалған.
 Басыңа тиді байқадың,
 Бәрінен басты шайқадың,
 Тағы бар ма айтарың?
 Нанғыш болсаң, енді нан ⁵

Перевод первых 12 строк в целом близок к подлиннику. Сопоставим первые 4 строки перевода с текстом оригинала:

Ал сенейін, сенейін,	1
Айтқаныңа көнейін	2
Шалма ораған сопының	3
Ішін арам демейін.	4

* * *

Ну, поверю, поверю,	1
Соглашусь со сказанным (тобой),	2
Не скажу, что монах, окутавшийся	3
чалмой,	3
Грязен душой (лицемерен).	4

У Лермонтова:

Я верю, обещаю верить,
 Хоть сам того не испытал,
 Что мог монах не лицемерить
 И жить, как клятвой обещал.

Далее Абай оставляет как бы без перевода строки:

Что ближних малые ошибки
 Они прощают иногда.

⁵ *Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 91.*

В соответствующих двух строках мы видим развитие мотива двух предшествующих строк:

Что поцелуй и улыбки
Людей коварны не всегда.

Таким образом, содержание этих двух строк Абаем выражено четырьмя строками:

Ақ көңілді әділ жан	1
Табылар деп көрейін,	2
Я сүйсе, я күлсе,	3
Елжірейін, төнейін.	4

* * *

Поверю, что найдется	1
Простосердечный честный человек.	2
Поцелует ли, улыбнется ль —	3
Умилась, устремляюсь.	4

Однако, как видим, смысл стиха

Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,—

воспроизводится путем перифразы эпитетом «простосердечный» («ақ көңілді»). Перевод следующих 12 строк более свободный.

Стих

И ум как прежде безотрадный
Желанной цели не достиг,—

передан Абаем следующим образом:

Ақыл іздеп, ізерлеп,
Бәрін сынап сандалған.

* * *

Ум ища, изучая, критикуя все,
измучился, устал,

причем в переводе следует за стихом:

Жүрегімді қан қылды
Өткен өмір, өлген жан.

* * *

Сердце истекает кровью
При мысли об ушедшей жизни
и о тех, кого уж нет.

Соответствующее место в подлиннике находится за вышеприведенным стихом («И ум...»), и этим 2 строчкам перевода в подлиннике отвечают следующие 4:

И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет.

Сравнивая этот текст с переводом, видим, что передан только общий смысл оригинала. Слово «қан» («кровь»), усиливающее окраску перевода, введено Абаем. Словам «видение, чувства» в переводе отвечают «өмір», «жан», («жизнь», «люди»). Далее в переводе следует 8 строк, в подлиннике же их 4. Однако мотивы этих строк далеки от соответствующего места оригинала. Приводим для примера последние 4 строки:

Басыңа тиді, байқадың,
Бәрінен басты шайқадың,
Тағы бар ма айтарың?
Нанғыш болсан, енді нан?

* * *

Пережил (ты) — узнал, почувствовал,
Отвернулся от всего (головой
покачал),
Что можешь сказать еще?
Попробуй, поверь теперь!

Таким образом, вторая часть стихотворения переведена с существенными изменениями и добавлениями.

«Қүлімсіреп аспан тұр» («Улыбается небо») — второй вариант перевода стихотворения «Выхожу один я на дорогу».

Перевод начинается со второй строфы оригинала.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!—

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел ⁶.

* * *

Күлімсіреп аспан тұр,
Жерге ойлантып әрнені,
Бір себепсіз қайғы күр.
Баса ма екен бендені?

Қапамын мен, қапамын,
Қуаныш жоқ көңлімде.
Қайғырамын жатамын,
Нені іздеймін өмірде?..

Қайтты ма көңіл бетімнен,
Яки бір қапыл қалды ма?
Өткен күнге өкінбен,
Әм үміт жоқ алдымда.

Іздегенім тәтті ұйқы,
Дүниені ұмытып.
Өлімнің суық тым сыйқы,
Тұрсын өмір жылытып.

Көз ұйқыда, ой тыншып,
Дем алып жатсын көкрек.
Кім таласса, кім ұрсып,
Көрсем оны — сол керек.

Өзім аулақ бетінен,
Бір орында оңаша.
Дүние деген не деген
Қыла жатсам тамаша.

Мансап іздер, мал куар,—
Бәрі мактан іздеген.
Мақтанынан не туар —
Ыза қылып өзгеден ⁷.

⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 141—142.

⁷ Қунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 99.

Сравним начало перевода. Вот первые 8 строк из текста Абая (подстрочный перевод):

Улыбается небо,	1
Погрузив землю в раздумье.	2
Без причины, проста	3
Мучает ли горе человека?	4
Омрачен я, омрачен,	5
Нет радости в душе.	6
Горюю я и лежу.	7
Чего ищу я в жизни?	8

У Лермонтова:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Первые два стиха оригинала воспроизводятся в переводе также в двух строках (1,2). Однако 3 и 4 строкам лермонтовского стихотворения в переводе соотносятся уже 6 строк. Более того, 2 следующие строки также являются переводами этого мотива:

Кайтты ма көңіл бетімнен
Яки бір қапыл қалды ма?

* * *

Обижен ли я чем
Иль жалею о чем?

Таким образом, содержание двух строк Абай передает 8 строками, дополняя этот мотив, при этом он не сразу приступает к переводу следующих строк, передающих внутренние переживания самого автора, а вводит две новые строки:

Без причины, проста
Мучает ли горе человека?

Такой вопрос как бы подготавливает к восприятию этого мотива читателя. Тем самым Абай напрягает его внимание, осложняет ситуацию. После этого вопроса читателю глубже раскрывается смысл строк:

Омрачен я, омрачен,
Нет радости в душе,
Горюю я и лежу.

Очевидна связь предшествующего вопроса с этими строками: если горе не мучает человека без причины, значит, есть причина и моего горя. Этот смысл подтекста, достигнутый введением вопроса, улавливается без труда. В оригинале строка «Что же мне так больно и так трудно?» вопросительна.

Передав содержание этих строк в утвердительной форме, кроме того, расширив его тремя строками, Абай несколько сгущает краски, оттеняя этот мотив Лермонтова.

Переводу следующей строки также предшествует вопрос «Чего ищу я в жизни?», перекликающийся со строкой «Ищу я сладкий сон, чтобы быть в забытии» (в оригинале: «Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть!»). Шесть следующих строк, включая и последний пример из русского текста, переведены без значительного отклонения от оригинала.

Далее в оригинале следует 6 строк, а в переводе — 10. Четыре последние строки Абаем существенно изменены. В переводе вместо «сладкого голоса», «темного дуба» стоит слово «мир» («дүние»). Этому мотиву противопоставлено содержание следующих 6 строк, введенных Абаем. Приведем пример:

Мансап іздеп, мал куар,
Бәрі мақтан іздеген.

* * *

Ищут славу, гонятся за скотом
(богатством),
Все жаждут похвалы.

В этих строках наиболее полно раскрываются причины безрадостного настроения поэта.

Позднее Абай еще раз возвратится к лермонтовским произведениям. Этот вариант перевода «Жолға шықтым» («Выхожу один я на дорогу») воспроизводит подлинник, сохраняя все его особенности.

«Адамның кейбір кездері» («Поэт») — перевод части замечательного произведения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель».

Оставив вопрос «О чем писать?», которым начинается исповедь, Абай переводит со слов:

...бывает время,
Когда забот спадает бремя.

Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса,

* * *

Бывает время у человека,
Когда утихает забота в душе.

Строки

И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой

Абаем переданы:

Журчат стройные созвучия,
Как вода в каменистом ручье.

Далее перевод звучит:

Кірлеген жүрек өз ішін
Тұра алмас әсте жуынбай.

* * *

Загрязнившееся сердце,
Не может себя не обмыть.

Нетрудно заметить, что этот мотив подсказан Абаю
лермонтовскими строками:

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Следующие четыре стиха

Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нисходят слова.—

переведены:

Тәңрінің күні жарқырап,
Ұйқыдан көңіл ашар көз,
Қуатты ойдан бас құрап,
Еркеленіп шығар сөз.

* * *

Солнце божественное светит,
Душа просыпается ото сна,
Могучей мыслью соединенные
Рождаются изящные слова.

Характерно, что следующие две строки из этой части исповеди

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит —

в переводе звучат:

Сонда акын белін буынып,
Алды-артына қаранар.

• • •

Тогда поэт, затянув крепче пояс,
Глядит на прошедшее и будущее.

Мотив прошедшего подсказан второй частью исповеди, где поэт говорит о «старых ранах». В первой части оставлены без перевода строки, относящиеся к читателям из «света», выражающие, по словам Белинского, «тонкую и едкую насмешку», Абай все внимание уделяет основной идее Лермонтова. Перевод этой части сделан с исключительным мастерством:

О чем писать?— бывает время,
Когда забот спадает бремя.
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нисходят слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.⁸

* * *

Адамның кейбір кездері
Көңілде алаң басылса,
Тәңірінің берген өнері,
Көк бұлыттан ашылса,

Сылдырлап өңкей келісім,
Тас бұлақтың суындай,
Кірлеген жүрек өзі ішін
Тұра алмас есте жуынбай.

⁸ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 73.

Тәңірінің күні жарқырап,
Ұйқыдан көңіл ашар көз,
Қуатты ойдан бас құрап,
Еркеленіп шығар сөз.

Сонда акын белін буынып,
Алды-артына қаранар.
Дүние кірін жуынып,
Көрініп ойға сөз салар⁹.

Следующие же 12 строк представляют вольный перевод отрывка из второй части исповеди. Приводим пример:

...Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум.

Перевод:

Әділет пен ақылға
Сыналып көрген білгенін.

* * *

Справедливости и разуму
Отдает все на суд.

Здесь также дана основная идея Лермонтова без стремления сохранить насмешливый тон монолога, до некоторой степени объясняющийся драматической формой произведения.

«Күнді уакыт итеріп» («Когда солнце, движимое временем...») — перевод стихотворения «Вечер»:

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
Скрывает все вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград¹⁰.

⁹ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 1, с. 204.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 1, с. 304.

Күнді уақыт итеріп,
 Көк жиектен асырса,
 Көлеңке басын көтеріп,
 Алысты көзден жасырса,

Сонда көңлім жоқтайды,
 Татуы мен асығын,
 Көзі жетіп тоқтайды
 Өткен күннің қашығын.

Көкке бақтым — «алла» деп
 Тамаша етіп құдыретін.
 Рахматы оның онда көп,
 Бізге түк жоқ тиетін.

Неге сүйсін ол мені,
 Өзім ақмақ алмадым.
 Көрдім артық бір сені,
 Рахматынан алланың ¹¹.

Сопоставим первые 8 строк абаевского текста (в подстрочном переводе):

Когда солнце, движимое временем,	1
Переходит за синий край земли,	2
Когда тень, подняв голову,	3
Скрывает даль из глаз;	4
Тогда ищет душа моя	5
Приятеля и любимую (свою),	6
И останавливается, убедившись,	7
Что прошлого не вернуть.	8

У Лермонтова:

Когда садится алый день	1
За синий край земли,	2
Когда туман встает, и тень	3
Скрывает все вдали,	4
Тогда я мыслю в тишине	5
Про вечность и любовь,	6
И чей-то голос шепчет мне:	7
Не будешь счастлив вновь.	8

В стихе 5 глагол «мыслить» в переводе заменен другим глаголом «искать» («жоқтау»); строки 7, 8 подлинника в переводе несколько изменены. Отсутствуют в переводе слова «туман», «вечность». В целом перевод довольно близок к оригиналу.

¹¹ *Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 148.*

«Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек?» («Что делать, чтобы легко народом было править?» — перевод отрывка из второй части поэмы «Измаил-бей».

805. Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком
завлекаться,
Пред ним гордиться или с ним
равняться;
Не должно мыслей открывать своих,
810. Иль спрашивать у подданных совета,
И забывать, что лучше гор златых
Иному ласка и слова привета!—
Старайся первым быть везде, всегда;
Не забывайся, будь в пирах умерен,
815. Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умей быть суеверен;
Страшись сначала много успевать,
Страшись народ к победам **приучать**,
Чтоб в слабости своей он признавался,
820. Чтоб каждый миг в спасителе
нуждался.
Чтоб он тебя не сравнивал ни с кем
И почитал нуждою — принужденья;
Умей отважно пользоваться всем,
И не проси никак вознагражденья!
825. Народ — ребенок: он не хочет дать,
Не покушайся вырвать,— но
украды!¹²

* * *

**Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек?
Жұрты сүйген нәрсені ол да сүймек.
Ішін берік боп, нәпсіге тыюлысып,
Паңсымай, жайдақсымай, ірі жүрмек.**

**Сасқаныңды көрсетпе ешкімге бір,
Сүйтсе де ірісімен кеңесіп жүр.
Кейбірін қауыптандыр мінін тауып,
Кейбірін жылы сөзбен көңілдендір.**

Көрінбе ел көзіне әсте қорқақ,
Жанды жан демейтұғын жан
шығып бақ,
Анда-санда құтырған жаман емес,
Онынды жиі қылмай және бол сақ.

¹² Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 3, с. 215.

Жат елге жадағайда сөйле шәрgez,
Тар жерде тайпалудан танба әр кез.
Жатты жау деп, елiндi үрпiтiп ап,
Жауға жабдық деп жыйып, пайда қыл
тез 18

**Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек?
Жұрты сүйген нәрсені ол да сүймек.**

* * *

Что нужно, чтобы легко народом править?
Необходимо любить то, что и он —

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен.

**Ішін берік боп, нәпсіге тыюлысып
Паңсымай, жайдақсымай ірі жүрмек.**

• • •

**Держать себя, усмирить корыстные
желания,
Не возгордясь, не унижаясь, быть
достойным.**

Не должно только слишком
завлекаться,
Пред ним гордиться или с ним
равняться.

¹³ *Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 97.*

6 («Не должно спрашивать у подданных совета») изменен в еще большей степени:

Сүйтсе де ірісімен кеңесіп жүр.

* * *

Однако советуйся с влиятельным из них.

Затем в оригинале следуют строки:

И забывать (читай: не должно), что
лучше гор златых
Иному ласка и слова приветя!

Смысл этих строк в переводе сосредоточен в стихе:

Кейбірін жылы сөзбен көңілдендір.

* * *

Иного ласковым словом сделай довольным.

Стихи

Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умеи быть суеверным

в переводе отсутствуют. Последние строки оригинала

Народ — ребенок: он не хочет дать,
Не покушайся вырвать,— но украдь!

в переводе представлены и довольно точно передают содержание оригинала:

Жұрт — бала, ешнәрсесін тартып
алма,
Білдіртпей ептеп алсаң залалы жоқ.

* * *

Народ — ребенок, не отбирай у него
ничего,
Не будет вреда, если возьмешь
незаметно.

Стих

Умеи отважно пользоваться всем

Абай истолковывает по-своему и передает таким образом:

Жатты жау деп елінді үрпитіп ап,
 Жауға жабдық деп жиып, пайда қыл
 тез.

Выдав чужих за врага, встревожив
 народ,
 Собери средства будто на борьбу и
 возьми их себе.

В целом перевод творчески свободный, местами Абай по-своему переосмысливает лермонтовские мотивы.

«Ғашықтық іздеп тантыма» («За любовью не гонись»). Это небольшое стихотворение (6 строк) является переводом стихотворения «И скушно и грустно». Если стихотворение «Әм жалықтым, әм жабықтым» («И утомился и взгрустнулось») оканчивается словами: «А годы проходят — все лучшие годы», то здесь Абай начинает перевод со слов «Любить, но кого же?...», т. е. с того места, где остановился в первом переводе:

Ғашықтық іздеп тантыма,	1
Аз күн әуре несі іс?	2
Өзінің қара артыңа,	3
Өткен өмір бейне түс,	4
Өлгенше болар бар ма дос?	5
Қуаныш, қайғы бәрі бос ¹⁴ .	6

За любовью не гонись.	1
Мучение в течение немногих дней стоит ли труда!	2
Загляни в свое прошлое,	3
Прожитая жизнь подобна сну.	4
Есть ли друг, верный до смерти?	5
Радость, муки — все ничтожно.	6

У Лермонтова:

Любить, но кого же? — на время не стоит труда,	1
А вечно любить невозможно...	2
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа,	3
И радость, и муки, и все там ничтожно ¹⁵ .	4

¹⁴ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 101.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 60.

Строке 2 у Лермонтова соответствует строка 5 в переводе. Вопросительная форма перевода этого мотива не имеет, однако, оттенка сомнения, вопрос употреблен в утвердительном значении, что сгущает эмоциональную окраску мотива.

«Рахат, мені тастап қоймадың тыныш» («Блаженство, не оставило ты меня в покое») — перевод стихотворения «Хоть давно изменила мне радость»:

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить ¹⁶.

* * *

Рахат, мені тастап қоймадың тыныш,
Ғашық жар, ағайын, дос — бәрі
алдағыш,
Жастық құмар, үміттің нұры қайтып,
Күңгірт тартты, бәрінің аяғы режіш.

Ұнатпаймын тағдырды, дүниені,
Жасқантып жалынта алмас ол да
мені.
Алладан бәрі бір деп тосып тұрмын,
Алғалы жақсылықты я өлгелі.

Қара жұрт қарап көріп, сөзге нанбас,
Ант етемін жалғанын жап табалмас.
Өзі алданып, өзгеден соққы жеген
Және өзі біреуді алдай алмас.

¹⁶ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 1, с. 307.

Соққан дауыл сияқты өмір өтер,
 Қайғырмаймын, білемін, көзім жетер.
 Кеудемде осы жүрек тұрған шақта,
 Жақсылық жоқ өзіме мен дәметер.
 Ол жүректің жалынын басар бірақ,
 Өлсе көрде бастырған су топырақ.
 Өзі сүйіп, өзгеден сүю іздеп
 Таппаған сорлы адамнан сөпер
 шырақ ¹⁷

Первая строфа переведена Абаем свободно (в подстрочном переводе):

Блаженство, не оставляешь (ты) меня
 в покое,
 Возлюбленная, сородич, друг — все
 лицемерны,
 Желания молодости, лучи надежды
 померкли,
 Потускнели — конец всему.

Глагол «изменить» («тастау», дословно «бросить») в переводе употреблен в отрицательной форме, чем несколько изменен в этом месте ход мысли подлинника. За исключением этой строфы, перевод воспроизводит оригинал с незначительными изменениями, тонко отражает оттенки чувств и настроение лермонтовского произведения. Сравним вторую строфу стихотворения у Абая (в подстрочном переводе):

Презираю я судьбу и мир.
 Нельзя ими меня испугать, заставить
 преклоняться.
 От бога я с безразличием ожидаю
 Смерти или добра.

У Лермонтова:

Но судьбу я и мир презираю,
 Но нельзя им унижить меня,
 И я хладно приход ожидаю
 Кончины иль лучшего дня.

Аналогичный пример представляют и следующие 12 строк.

¹⁷ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 100.

Остановимся на некоторых произведениях Абая, ошибочно считавшихся переводами из Лермонтова.

«Жүректе көп қазна бар, бәрі жақсы» — «Сердце» («У сердца сокровищ так много») принадлежит поэту Я. П. Полонскому. В 1888 г. в журнале «Русский архив» (1888, № 1, с. 159) это произведение было приписано Лермонтову, затем в 1891 г. печаталось в юбилейных изданиях полного собрания сочинений Лермонтова под редакцией Ф. И. Анского и Арс. И. Введенского¹⁸. Впрочем, в издании последнего принадлежность этого произведения Лермонтову подвергается сомнению. Позднее, в 1893 г., стихотворение было напечатано в одномотнике, вышедшем под редакцией А. Скабичевского¹⁹. По-видимому, Абай познакомился со стихотворением в одном из этих изданий (возможно, в журнале «Русский архив») и считал его лермонтовским, ибо в рукописи, принадлежащей Мурсеиту, оно значится как перевод из Лермонтова.

Ниже приведены тексты стихотворения Полонского «Сердце» и его перевода Абаем:

У сердца сокровищ так много!
Как в море — в открытую грудь
Они так обильно от бога
Живыми струями текут.

И жаждет душа поделиться
В избытке с другою душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно в груди молодой.

Но что? Говорят: неизбежно
Придет, злое время придет,
И все, что люблю я так нежно,
Как призрак вдали пропадет!

И будто в груди благородной
Иссякнут живые струи,
И сердцу рассудок холодный
Предпишет законы свои.

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Под ред. Ф. И. Анского. Спб., 1891, с. 388; Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Под ред. Арс. И. Введенского. Спб., 1891, с. 81.

¹⁹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Под ред. А. Скабичевского. Спб., 1893, с. 430; см. также: Лермонтов. Материалы для библиографии. Под ред. В. А. Мануйлова. Вып. 91. М., Изд-во АН СССР, 1936, с. 368.

И сердца богатства я взвешу,
На рынок пойду их менять.
Кого же я этим утешу?
Что ж будет меня утешать?

Увы! Говорят: неизбежно
Придет, злое время придет!
И все, что люблю я так нежно,
Как призрак вдали пропадет!

Жүректе көп қазна бар, бәрі жақсы,
Теңіздің түбіндей-ақ қарап бақшы.
Сол жүректен жылылық достық пенен
Бұлақша ағып ғаламға тарамақшы.

Жан шөлдер өзіндеймен танысқанша,
Бірінен бірі үлесіп алысқанша.
Құмарланар, сүйісер жүрек тауып,
Қытықсыз қызықпенен бас қосқанша.

Жүрегін пайдасы үшін жұрт ұсатпақ,
Бір антұрған еріксіз мезгіл келмек.
Осы сенің қызығың, қуанышың
Сағымша жоқ боп кетіп түгесілмек.

Бейне бір сол қазнаны бір жау алмақ,
Жүректің кең дариясы құрып қалмақ.
Суық ақыл жүрекке бұйрық жазып,
Оны бір өзі өзгеше жолға салмақ.

Жүрегін пайдасы үшін жұрт ұсатпақ,
Кірмен өлшеп базарға ұстап сатпақ.
Оны сатып, ол кімді уатады?
Оның өзін тағы да кім уатпақ?

Жұрт айтқан сол ант мезгіл келсен
керек...
Мен де — бенде, амалсыз көнсем
керек.
Қызығы зор қайран дос, қайран тату,
Сендер өлдің, мен дағы өлсем
керек!²⁰

Перевод Абая близок к оригиналу. Для примера сопоставим предпоследнюю строфу русского и казахского текстов.

У Полонского:

²⁰ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 146.

И сердца богатства я взвешу,
На рынок пойду их менять.
Кого же я этим утешу?
Что ж будет меня утешать?

У Абая (подстрочный перевод):

Сердце отдают люди тому, кто сулит
пользу,
Взвесив, выносят на рынок
торговать.
Торгуя им, кого же он утешит?
И кто же будет его утешать?

«Қалқамай мен үндемей жүремін көп». Оригинал этого произведения («И ты думаешь, будто я хладен и нем») также ошибочно приписывался Лермонтову. Впервые стихотворение было опубликовано в журнале «Русский архив»²¹. Затем печаталось в названных юбилейных изданиях. Автор текста русского оригинала в этих источниках не указан. Сопоставим русский текст с текстом стихотворения Абая:

И ты думаешь будто я хладен и нем?
Малютка, под этим молчанием
Таится ужасная буря, зачем
Вырываться наружу ей тяжким
рыданием?

Что я гордо смотрю на презренных
людей,
Ты за то ли меня упрекаешь?
Но те люди торгуют рукою твоей,
Твоим сердцем хотят торговать. Ты
их знаешь...

Дай мне руку твою! Посмотри мне в
глаза!
Я без слез горько плакать умею;
Твои ж слезы блестят, как ночная
роса,
На заре, поутру, освежая лилею.

Тебе легче — ты можешь в слезах выливать
Муки сердца; а я! Я родился
Мужчиной, я должен безмолвно
страдать:
Своих собственных слез я б невольно

²¹ «Русский архив», 1887, № 3, с. 580.

Стараясь и слабость и смерть превозмочь,
Пока не настала холодная ночь.

Стрелка видел я, как он лань подстрелил,
Животное пало в крови и без сил,
Со смертью бороться оно не могло,
И жить перестало, как солнце зашло.

Ах, мне изменила подружка моя,
И солнце померкло давно для меня;
Но смерть и покой я напрасно зову —
И с сердцем разбитым живу да живу.

* * *

Мен көрдім ұзын қайың құлағанын,
Бас ұрып қара жерге сұлағанын.
Жапырағы сарғайып, өлімсіреп,
Байғұстың кім тындайды жылағанын?

Мен көрдім ойнап жүрген қызыл киік,
Кеудесіне мылтықтың оғы тиіп,
Қалжырап, қансыраған, қабақ түскен,
Кімге батар ол байғұс тартқан күйік?

Мен көрдім сынық қанат көбелекті,
О да білер өмірді іздемекті.
Күн шуаққа жылынар қалт-күлт етіп,
Одан ғибрат алар жан бір бөлек-ті.

Мен көрдім ғашық жардан уәдесіздік,
Өмірдің қызығынан күдер үздік.
Жылы жүрек суынды, жара түсті,
Шықпаған шыбын жанмен күн өткіздік.

Мен көрдім дүние деген иттің к... ,
Жеп жүр ғой біреуінің біреуі етін,
Ойлы адамға қызық жоқ бұл жалғанда,
Көбінің сырты бүтін, іші түтін ²⁴.

Первые четыре строфы в казахском тексте в целом точно передают содержание оригинала. Пятая строфа, введенная Абаем, в подстрочном переводе звучит:

Я видел сущность жизни проклятой.
Один поедает другого живьем.
Нет радости в этой жизни для мыслящего
человека,
Многие хороши с виду, но в душе — горе.

Такая концовка коренным образом изменяет идейное содержание всего произведения.

²⁴ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 114.

Значительно изменена также и форма стихотворения. Если в русском тексте начинается словами «я видел» только первая строфа, то у Абая — все 5 строф.

Такая композиционная структура не только улучшает звуковую сторону произведения, она также усиливает и смысловую его нагрузку. Ярче проявляется единство содержания отдельных картин. Яснее ощущается роль первых четырех строф, которые, расширяя и наполняя содержанием друг друга, служат для раскрытия основного смысла произведения.

Что послужило основой для абаевского перевода: стихотворение В. А. Крылова или романс А. Рубинштейна — сейчас трудно определить. Однако вполне возможно, что Абай знал широко популярный романс А. Рубинштейна²⁵ Абай был хорошо знаком с русской песенной культурой, о чем свидетельствует его музыкальное творчество, в частности перевод им русской народной песни «Не осенний мелкий дождичек», музыка которой принадлежит М. И. Глинке, слова — А. А. Дельвигу.

Об этой песне М. И. Глинка писал в своих «Записках»: «Дельвиг написал мне романс «Не осенний частый дождичек». Музыку на эти слова я впоследствии взял для романса Антонида: «Не о том скорблю, подруженьки» в опере «Жизнь за царя» («Иван Сусанин». — З. А.)²⁶.

Ознакомиться с текстом песни в изданиях собраний сочинений А. А. Дельвига Абай не мог, поскольку автограф А. А. Дельвига не найден. Лишь впервые в 1934 г. и всего две строфы были напечатаны в полном собрании сочинений А. А. Дельвига, вышедшем под редакцией Б. Э. Эйхенбаума. По-видимому, Абай знал известную народную песню, музыка которой принадлежит М. И. Глинке. Она была в то время популярной студенческой песней. Сам М. И. Глинка песню не печатал. Автограф Глинка был найден в 1949 г. и хранится в рукописном отделе Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Первые печатные

²⁵ Есть одно обстоятельство, которое наводит на мысль, что основой для перевода послужил романс А. Рубинштейна. В переводе Абая последовательность строф иная, чем у В. А. Крылова: 2-я и 3-я строфы переставлены. Это можно объяснить тем, что Абай знал романс А. Рубинштейна, в котором расположение строф именно такое.

²⁶ Глинка и его записи. Под ред. и со вступ. статьей А. Н. Римского-Корсакова. М. — Л., 1930, с. 95.

издания песни появились лишь в середине 20-х годов нашего столетия.

Следует отметить, что стихотворение «Сұрғылт тұман дым бүркіп», в целом представляющее вполне самостоятельное сочинение, частично является переводом этой песни. Сравнив тексты, нетрудно убедиться, что источником абаевского стихотворения послужил «Не осенний мелкий дождичек»:

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман.
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан ²⁷

У Абая:

Сұрғылт тұман дым бүркіп,
Барқыт бешпент сулайды.
Жеңіменен көз сүртіп,
Сұрланып жігіт жылайды.

* * *

Серый туман брызжет влагой,
Мокнет бархатный кафтан (бешпент).
Утирая глаза рукавом,
Побледневший плачет джигит.

Далее, во второй строфе, эти мотивы Абай развивает уже по-своему.

Особо стоит вопрос об источнике поэмы Абая «Масгуд». Произведение это не переводное, а основанное на известном фольклорном сюжете.

В процессе подготовки нового издания классика казахской литературы Абая Кунанбаева, осуществлявшегося под руководством М. Ауэзова и увидевшего свет в 1957 г. (составители И. Дюсенбаев, Г. Абетов и автор этих строк), в одной из рукописных записей поэмы «Масгуд» была замечена пометка «Тургеневтен» («Из Тургенева»). (Запись сделана, как почти все рукописи произведений Абая, его помощником Мурсеитом; тетрадь, 1907 г.).

Выяснилось, что имелась в виду «Восточная легенда» Тургенева. Сюжетное совпадение произведений двух крупных мастеров художественного слова, их творческая

²⁷ Русские народные песни. Ред. и сост. проф. Е. В. Гиппиус. М., «Искусство», 1943, с. 239—240.

перекличка, несомненно, представляли значительный интерес, этому придавали большое значение главный редактор издания Мухтар Ауэзов, известный исследователь жизни и творчества Абая М. С. Сильченко²⁸.

Необходимо отметить, что общность сюжета «Восточной легенды» и «Масгуда» очевидна, хотя этот факт оставался длительное время незамеченным исследователями казахской литературы. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно простого сопоставления текста «Восточной легенды» с текстом поэмы «Масгуд».

Восточная легенда

Кто в Багдаде не знает великого Джаффар, солнца вселенной?

Однажды, много лет тому назад, — он был еще юношей, — прогуливался Джаффар в окрестностях Багдада.

Вдруг до слуха его долетел хриплый крик: кто-то отчаянно зывал о помощи.

Джаффар отличался между своими сверстниками благоразумием и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое — и он надеялся на свою силу.

Он побежал на крик и увидел дряхлого старика, притиснутого к городской стене двумя разбойниками, которые его грабили.

Джаффар выхватил свою саблю и напал на злодеев: одного убил, другого прогнал.

Освобожденный старец пал к ногам своего избавителя и, обложив край его одежды, воскликнул:

— Храбрый юноша, твое великодушие не останется без награды. На вид я — убогий нищий; но только на вид. Я человек не простой. Приходи завтра ранним утром на главный базар; я буду ждать тебя у фонтана — и ты убедишься в справедливости моих слов.

Джаффар подумал: «На вид человек этот нищий, точно; однако — всяко бывает. Отчего не попытаться?» — и отвечал:

— Хорошо, отец мой, приду.

Старик взглянул ему в глаза — и удалился.

На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаффар отправился на базар. Старик уже ожидал его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча он взял Джаффара за руку и привел его в небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами.

По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида.

Оно походило на кипарис; только листва на нем была лазоревого цвета.

Три плода — три яблока — висело на тонких, кверху загнутых ветках: одно, средней величины, продолговатое, молочно-белое; дру-

²⁸ См. в кн.: Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957, с. 139—141.

гое, большое, круглое, ярко-красное; третье маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумело, хоть и не было ветра. Оно звенело тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближение Джиаффара.

— Юноша, — промолвил старец. — Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый — будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный — будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый — будешь нравиться старым женщинам. Решайся!... и не мешкай. Через час и плоды завянут, и само дерево уйдет в немую глубь земли!

Джиаффар понурил голову — и задумался.

— Как тут поступить? — произнес он вполголоса, как бы рассуждая сам с собою. — Сделаешься слишком умным — пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей — будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!

Он так и поступил, а старец засмеялся беззубым смехом и промолвил:

— О мудрейший юноша! Ты избрал благую часть! На что тебе белое яблоко? Ты и так умнее Соломона. Красное яблоко также тебе не нужно... И без него ты будешь богат. Только богатству твоему никто завидовать не станет.

— Поведай мне, старец, — промолвил, восторженно, Джиаффар, — где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа?

Старик поклонился до земли — и указал юноше дорогу.

Кто в Багдаде не знает солнца вселенной, великого, знаменитого Джиаффара?

Апрель, 1878²⁹.

Заметим, что поэма Абая «Масгуд», по существу, состоит из двух самостоятельных частей, каждая из которых имеет свой отдельный сюжет. Приведенному выше тексту «Восточной легенды» соответствует первая часть поэмы Абая, которую приводим ниже в русском поэтическом переводе А. Глобы, в целом верно воссоздающем содержание казахского оригинала.

Масгуд

Во имя твое, друг аллаха, Масгуд,
Начинаю рассказ, и уста не солгут.
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный джигит Масгуд.

Случилось, из дальней поездки домой
Возвращался Масгуд дорогой глухой.
Вдруг он слышит, на помощь кто-то зовет,
Надрывает гортань бессильной мольбой.

²⁹ Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 8. М., ГИХЛ, 1956, с. 470—486.

Подъехав, видит: грабит вор старика,
Занеся над сединою сталь клинка.
«Кто б ты ни был, тебя я спасу», — сказал
И стиснул ногами коню он бока.

Но увертлив был вор, изменил кинжал —
И спаситель едва сам жертвой не стал.
Ранен вором Масгуд, старик невредим,
Злодей, побежденный Масгудом, бежал.

Посмотрел старик: кровь Масгуда текла
По виску, где большая рана была,
Подумал: «Добром за добро отплачу,
Это — храбрый джигит, ненавистник зла».

«Эй, джигит, я в большом пред тобой долгу!
Но от платы посильной не убегу.
Достоянье мое, мою жизнь ты спас —
Отплачу я тебе, джигит, чем смогу.

Я не важный бай, не вельможа большой,
Не хан, не батыр, человек я простой;
Ты горькую смерть от меня отвратил —
Благодарность моя не уйдет со мной.

Я странник по свету и завтра уйду
Из печальных мест, где попал я в беду.
Но в таком-то месте чуть свет жди меня,
Тебя на рассвете я там и найду.

Иди и наказ мой, о друг, соблюдай,
Во имя творца день грядущий встречай.
Всемогущий аллах да будет с тобой!
Дай обнять тебя, мой спаситель, прощай!»

«Но заслуга моя не столь велика.
Делу чести служила моя рука.
Тебе помощь нужна была — я помог.
Приду». — И покинул Масгуд старика.

В свое время пришел, куда надо джигит.
Уже старец навстречу ему спешит.
Масгуда к гробнице он древней привел.
Деревцо над гробницей листвою шелестит.

Растет деревцо, а пустыня кругом.
Три плода, уже зрелых, висят на нем:
Белый, красный и желтый — снег, кровь
и мед.
«Выбирай, как рассудишь в сердце своем.

Съешь ты белый плод — будешь всех умней,
Желтый съешь — будешь первым из
богачей,

Красный съешь — станешь всем ты
 женщинам мил,
Все любви они будут искать твоей».

Над словами старца подумал джигит,
Подумав немного, он так говорит:
«Ни того, что бел, ни другого, что желт!
Дай мне красный съесть, что, как яхонт,
горит».

«Тот иль этот — ты волен сорвать любой,
Не жалел бы потом, что взял не другой.
Однако скажи мне, достойный джигит,
Почему красный плод предпочтен тобой?»

«Плод белый сперва я подумал сорвать,
Чтоб умных умней, мудрей мудрых стать;
Но буду ль тогда властелином ума?
Нет, ум станет мною тогда помыкать.

Не найду себе равных я по уму,
А глупцы и невежды мне ни к чему.
И теперь немало их вижу вокруг —
Тогда же я другом кого назову?
Не сделаешь умным глупца никогда.
Исправлять дураков? Не стоит труда, —
Лишь сон потеряешь, тоску навивешь,
Не пойдёт никакая в глотку еда.

Плод желтый потом захотелось мне съесть,
Чтоб богатства вселенной всей приобрести.
Но подумал: богаче всех прослышу,—
А действительно ли это большая честь?

Богатство поставит меня на виду:
Продают люди силу и красоту,
Лишь только б чужого богатства урвать,—
И на зависть их не наложишь узду.

Не трудясь, богатства искать — это стыд.
И совесть и ум продавать — это стыд.
Бескорыстную дружбу забудь, богач!
На богатство друзей менять — это стыд.

Куплю совесть у многих, лишь плату дам,
С охотой они уподобятся псам;
А не дам ничего, стану сам я псом:
Либо люди все псы, либо пес ты сам.

Так не лучше ли выбрать тот из плодов,
Тот из трех, что женскую даст мне любовь?
Ведь женщин — полмира, их власть велика,
Их любовь драгоценней любых даров.

Будет враг у меня, не лишусь я сна:
У врага есть мать, дочь, сестра, жена,
У жены его также найдется мать —
Окажет заступничество хоть одна.

Ни один человек без ссор не живет.
О ссоре толкуешь с женой наперед.
Если гневен муж, на жену положишься:
Для гнева и злобы лекарство найдет...

Для того на плечах сидит голова,
Чтоб в делах человек мог размыслить
сперва.

Так и я: рассудил, а потом решил,
Взвесил мысли свои и взвесил слова».

Мудрой речи Масгуда старик внимал:
«Хорошо ты решил, хорошо сказал!
Ум есть у тебя, а богатство придет.
Будь счастлив, ты сам свое счастье сорвал!»

Тот чудесный старик был не кто иной,
Как владеющий счастьем Кыдыр — святой.
Джигита, прощаясь, он благословил,
И Масгуд возвратился к себе домой.

«Шамши — жиган» ему прозвание дано,
Означает же «светоч мира» оно.
А рассказу о нем, в назиданье нам,
До потомства дойти было суждено³⁰.

Сличение текстов обоих произведений выявляет, что совпадает не только общий ход развития сюжета, но и многие отдельные моменты.

Что же касается расхождений, то Абая могла интересоваться лишь основная линия развития сюжета. Отметим, что он счел необходимым ввести в текст довольно пространственные рассуждения, раскрывающие смысл событий в духе собственных просветительских идей.

К тому же в большинстве своем расхождения так или иначе можно объяснить. Так, в поэме Абая желтый цвет заменен красным, поскольку народному представлению о женщине в казахской литературе более соответствует красный цвет.

Возникает, однако, весьма сложный вопрос: является ли тургеневское произведение источником поэмы Абая? Возможно, основой для создания обоих произведений послужила какая-либо восточная легенда.

³⁰ Кунанбаев Абай. Соч., с. 298—300.

Имеются веские данные, свидетельствующие в пользу и того и другого предположения.

Не является ли «Масгуд» своего рода свободным (несколько дополненным) пересказом тургеневского сюжета? Тургеневское произведение написано в 1878 г. и напечатано впервые в 1882 г. в «Вестнике Европы» (№11—12) в первом цикле «Стихотворений в прозе».

Время написания «Масгуда» не указано, однако все сохранившиеся произведения Абая, за исключением небольшого числа ранних стихотворений, созданы в период с 1882 по 1903 г. К этому периоду относятся и его переводы из русских классиков.

Трудно предположить, что Абай, проявлявший исключительный интерес к произведениям русских классиков, создавая поэму на сюжет, встречающийся у Тургенева, не знал или тем более не обратил внимания на «Восточную легенду» (косвенным подтверждением этого является пометка в рукописи — «Из Тургенева»).

Каковы же данные в пользу второго предположения?

У Абая есть продолжение, которого нет у Тургенева. Правда, оно представляет, в сущности, новый сюжет, имеет самостоятельный характер, о чем будет сказано далее. (Впрочем, в изданиях Абая до 1939 г. поэма печаталась без этой части, последнюю восстановили позже на основе рукописных записей).

Кроме того, у Абая есть некоторые детали, которые отсутствуют в «Восточной легенде». Например, у Тургенева — просто халиф, у Абая — Гарун-аль-Рашид. Кроме того, Абай указывает, что главный герой стал впоследствии везиром халифа (Гаруна-аль-Рашида). В тургеневской поэме старик — «человек не простой», у Абая же сказано, что это был Кыдыр (т. е. Хызр — таинственное существо, встречающееся в восточных сказках, а также поэмах на фольклорные сюжеты) и т. д.

Абай, обладая широкими познаниями в восточной литературе, мог прочитанное у Тургенева дополнить другими известными ему сведениями, художественными фактами.

«Восточная легенда» переносит нас в Багдад времен халифа Гаруна-аль-Рашида и построена на основе легендарного, сказочного сюжета, по самому характеру очень типичного для восточной литературы. В этом смысле она заметно выделяется в цикле «Стихотворения в прозе»,

которые носят глубоко личный, в определенной мере автобиографический характер, так или иначе отражают реальные жизненные ситуации.

Прибавим к сказанному, что имя Джиаффар — главного героя произведения — часто встречается в «Тысяче и одной ночи» (Джиаффар Бармесид — везир халифа Гаруна-аль-Рашида). Абай, как указывалось выше, отмечает, что Джиаффар затем стал везиром халифа. Правда, Абай использует имя Масгуд. Подобная замена имеет место и в его поэме «Азим» (в «Тысяче и одной ночи» — Хасан, у Абая — Азим). В «Тысяче и одной ночи» также упоминается имя Масгуд (в русском тексте — Масуд), однако это имя одного из рабов некоего багдадского купца.

Описанное событие отнесено у Тургенева (и у Абая) к периоду юности Джиаффара. В «Тысяче и одной ночи», насколько можно судить по восьмитомному русскому переводу М. А. Салье, почти в самом начале (сказка десятой ночи) Джиаффар выступает как везир Гаруна-аль-Рашида. Следовательно, предположение, что изложение этого события содержалось в каком-либо более полном варианте сказок «Тысячи и одной ночи», которые могли быть известны Тургеневу и Абаю, по-видимому, должно относиться только к первым сказкам.

Просмотренные нами образцы восточной литературы пока не дали ничего определенного для уточнения вопроса в этом плане.

Возможно, этот сюжет имел распространение в устной форме. Тургенев, как полагает академик М. А. Алексеев, мог слышать устные пересказы восточных сюжетов от известного востоковеда Николая Владимировича Ханыкова (1822—1878).

Разумеется, и существование источника «Восточной легенды», о чем мы говорим лишь предположительно, не обязательно означает, что Абай не пользовался тургеневским произведением. Он мог пользоваться им, зная и другие источники.

Какие выводы вытекают из всего сказанного?

1. Общность сюжета «Восточной легенды» Тургенева и «Масгуда» Абая не подлежит сомнению.

2. Является ли источником поэмы Абая произведение Тургенева — об этом можно говорить лишь предположительно.

3. Возможно также существование общего восточного источника, к которому в той или иной мере восходят оба произведения. Однако это не противоречит сказанному выше, поскольку Абай мог обратиться к тургеневскому произведению и будучи знакомым с другими источниками.

В данном случае мы считаем важным поставить эти вопросы и высказать некоторые предварительные соображения. Хотелось бы надеяться, что они привлекут внимание востоковедов, исследователей литературных связей России и Востока, и это поможет выяснению последних.

Теперь остановимся на второй части поэмы Абая, которая, как отмечалось, носит вполне самостоятельный характер. Приводим казахский текст в русском поэтическом переводе А. Глобы:

Тот Масгуд в свое время везиром стал.
Масгуда за мудрость народ почитал.
Вот однажды знакомый старец Кыдыр
Явился везиру во сне и сказал:

«В день такой-то прольется дождь, ожидай,
Вредоносная хлынет из туч вода:
Безумным вдруг станет испивший ее, —
Но спустя семь дней будет здоров, как
всегда.

Осквернятся колодцы, реки, ручьи,
А также всех горных потоков струи.
Но ты сделай запас здоровой воды —
И безумье тогда пощадит дни твои».

Пробудившись, Масгуд встал вместе
с зарей,
Чтоб халифа смутить грядущей бедой.
Совместно они обсудили тот сон
И к такому-то дню запаслись водой.

Наступил тот день, и дождь с неба полил.
Лишился ума, кто в неведение был.
День и ночь на улицах толпы людей —
В спорах, в драках шумят, кричат
что есть сил.

Словно пьяными все базары полны,
В безумцев умнейшие превращены.
Везир и халиф с удивленьем глядят,
За несчастных не в шутку огорчены.

Уговаривать стали они народ
Разойтись по домам, пока срок пройдет:
«Переспите безумия страшный час,
Бедный разум во сне лекарство найдет».

Но люди, чей разум утратил узду,
Бесновались, вопя в свирепом бреду:
«И везир и халиф наш сошли с ума,—
Убьем их, не то заведут нас в беду!»

Их неистовый вопль дворец потрясал
И сердце халифа тревогой сжимал.
Чем ярость безумных убийц удержать?
«Найди выход, везир!» — халиф приказал.

«За разумность хотят нас глупцы убить, —
Так не лучше ль ума лишиться, чтоб жить?
Омрачился их ум от волшебной воды, —
Придется и нам ее, видно, испить».

И налили кружки водой дождевой,
И безумие разделили с толпой.
Теперь, когда стали глупцами они,
Каждый славил их мудрость под крик
и вой.

К пощаде взывал, кто им смертью грозил, —
И халиф их простил, и везир простил.
Так случилось, что сброд лишенных ума
И умных двоих рассудка лишил.

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой³¹

Оказалось, что этот сюжет почти полностью совпадает с сюжетом бирманской народной сказки «Когда все пьют дождевую воду, ее приходится пить и королю». Вот текст сказки в русском переводе В. Касевича:

Давным-давно в одной стране при королевском дворе был мудрец, по движению небесных светил он умел предсказывать будущее.

Однажды мудрец посмотрел на небо и по расположению звезд определил, что через семь дней должен пойти необычный дождь. Он пошел к королю и доложил:

— Государь! Через семь дней пойдет сильный дождь. Он будет идти ровно семь дней. Дождь этот будет не простой; всякий, кто напьется в это время дождевой воды — будь то монах или простой человек, — станет безумным.

³¹ Кунанбаев Абай. Соч., с. 301—302.

— Хорошо, мой мудрец! — решил король. — Пусть все люди пьют эту воду. Мы же с тобой прикажем заранее вдоволь заготовить чистой воды и станем пить только ее.

Король повелел наполнить во дворце все большие и малые кувшины чистой водой и хранить эту воду в дворцовой кладовой.

Когда прошло семь дней, все небо затянуло темными тучами, грянул гром и полил страшный ливень. Ливень не переставал семь дней. Все жители страны пили дождевую воду и все становились безумными. Один лишь король и его придворный мудрец ни разу не испили этой воды и сохранили разум.

На следующий день после того, как прекратился ливень, король с мудрецом решили отправиться в город. Им хотелось посмотреть, как ведут себя безумные жители города — простые люди и монахи, которые напились дождевой воды.

Когда король и звездочет вышли в город, они увидели, что его безумные жители, утративши стыд, без одежды, нагишом разгуливают по улицам. Едва эта толпа увидела короля с мудрецом, которые, единственные среди них, были одеты, да еще в праздничные одежды, все набросились на них с криками: «Это безумцы, безумцы. Гнать их отсюда!».

Поняв, что толпа, того и гляди, расправится с ними, король с мудрецом укрылись за углом и быстро вернулись во дворец.

Во дворце они стали думать, что делать. «Все жители страны обезумели, — говорили они. — Мы одни из всех сохранили разум, и, раз мы не похожи на них, они считают нас безумными. Верно, нам с ними не сладить — не дадут они нам житья. Остается только одно: напиться дождевой воды, чтобы стать, как все!»

И король с мудрецом, которым не оставалось иного выхода, напились дождевой воды и тоже обезумели.

Вот с тех пор и говорят: «Когда все пьют дождевую воду, ее приходится пить и королю»³².

Возможно, этот фольклорный сюжет, ставший известным нам пока лишь по бирманскому источнику, был популярным и у других восточных народов, в том числе у арабов, которые связывали его с именем багдадского халифа Гаруна-аль-Рашида. Тем не менее в известных нам источниках обнаружить его не удалось. Кроме того, этот сюжет не отмечен и в указателях сказочных сюжетов³³.

Бирманская сказка во времена Абая на русский язык не переводилась. Поэтому следует полагать, что этот сюжет существовал также и в фольклоре соседних народов, с культурой которых Абай был знаком, или же он

³² Сказки народов Бирмы. Составители В. Б. Касевич и Ю. М. Осипов. М., «Наука», 1976, с. 263—264.

³³ См. в кн.: Андреев Н. А. Указатель сказочных сюжетов по системе Ларне. Л., 1929; Thompson S., Roberts W. E. Types of Indic Oral Tales. Helsinki, 1960.

проник к ним из юго-восточной Азии. Для того чтобы сделать более определенный вывод, необходимо изучение большого круга материалов.

Как видим, тот и другой сюжет в поэме «Масгуд», судя по характеру, имеет древнесказочное происхождение. В отношении второй части поэмы этот вывод подтверждается ставшим ныне известным (пока по бирманскому тексту) сказочным сюжетом.

Заметим, что оба сюжета служат в поэме лишь исходным моментом; опираясь на них, Абай высказывает свои собственные идеи. Нравоучительный сюжет, в ходе развития которого перед героем повествования возникает необходимость отдать предпочтение одному из трех благ жизни: уму, богатству, благосклонности женщин, — увлекает поэта. Но Абай-просветитель не желает и в условной сказочной форме принимать прямого противопоставления уму, как и богатству, благорасположения женщин. Даже в изложении сказочного сюжета он не изменяет своему убеждению: ничто не может быть поставлено выше силы человеческого разума. Раскрывая смысл сюжета первой части поэмы, он недооценку разума считает проявлением невежества и с возмущением говорит о тупости и косности окружающей его среды.

В конце поэмы Абай раскрывает смысл и второго сюжета, подчеркивая, что разум должен уметь противостоять невежеству толпы. Этим усиливается назидательно-моралистический характер поэмы, однако мораль не вытекает сама собой из сюжета (особенно в первой части поэмы), а определяется отношением Абая к сюжету, его авторским взглядом и оценкой.

Любопытно, что сюжет другой поэмы Абая «Искандер» — об Александре Македонском — также восходит к древней легенде. Как известно, легенды об Александре Македонском давно получили распространение как на Западе, так и в странах Востока. Поэму Абая в казахском литературоведении обычно связывают с восточной традицией, что представляется совершенно естественным, поскольку сюжеты об Александре Македонском на Востоке, в том числе в литературах Средней Азии, широко разрабатывались издавна ³⁴.

³⁴ См. в кн.: *Бертельс Е. Э.* Роман и его главные версии на Востоке. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Если иметь в виду литературную традицию, то помимо «Словаря тюркских наречий» («Диван-луғат-ат турк») Махмуда Кашгарского, в котором содержатся рассказы об Александре Македонском, достаточно упомянуть такие наиболее известные поэмы о нем, как «Шахнамэ» Фирдоуси, поэмы Джами, Амира Хосрова, Низами, Навои. Вместе с тем сюжеты об Александре широко известны в фольклоре, в том числе в казахских сказках и легендах. Однако в центре сюжета поэмы «Искандер» Абая — притча о глазничной кости, весившей больше, чем все драгоценности, завоеванные полководцем. Этот сюжет, как замечено Е. А. Костюхиным в его исследовании ³⁵, более известен в европейских Александриях.

В восточной литературной традиции (Низами) встречается притча о чудесном камешке, который перевешивает огромное количество драгоценных камней, но не может перевесить лишь горсточку праха. Эта притча — напоминание о неизбежности смерти и бессмысленности жажды накопления богатств — обычно служит предостережением властелину, способствует его неожиданному духовному прозрению в конце жизненного пути. В поэме Абая лишь мельком говорится о том, что после эпизода с глазничной костью Александр прервал свой поход и возвратился в родные места. Однако в целом эта притча используется Абаем для разоблачения Александра. Так, Абай осуждает неудержимые захватнические действия Александра, сопровождавшиеся жестокими кровопролитиями и бесчисленными человеческими жертвами, как проявление его алчности и тщеславия.

Из повествования об Искандере Абай делает вывод, прямо обращенный к тем окружающим его людям, кто стремится добиться славы, продавая совесть и честь:

Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
Окружаешь себя толпою льстецов.
Но на шаг отошел — и осмеян ты, —
«Вот, скажут, беспечный, и сроду таков!»

Ничтожные любят себя похвалить, —
Где достоинства нет, нельзя прикупить!

³⁵ См. в кн.: Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968.

Говорить о цене своей надо ль тебе?
Если есть в тебе свет, он будет светить³⁶

Пер. А. Глобы

Таким образом, дидактический смысл притч у Абая направлен не только в историческое прошлое, но обращен к своим современникам. Вследствие этого в поэме с большой силой звучит мотив критики пороков казахского общества прошлого века.

Примечательно, однако, другое. Сюжет поэмы Абая «Искандер», как указал фольклорист С. Каскабасов³⁷, в своей основной части полностью совпадает со стихотворной повестью В. А. Жуковского на эту же тему.

Для того чтобы наглядно представить сходство этих двух произведений, достаточно сопоставить отрывки из них.

Искандер удивился и дар открыл, —
Сильней прежнего гнев чело омрачил.
В развернутом свертке увидел он кость, —
Сколько хочешь лежит их на дне могил!

Не постиг он урока своим умом,
Лишь увидел насмешку в даре таком.
Далеко от себя он кость отшвырнул.
«Не шути так глупо, привратник, с царем!»

При царе был мудрейший из мудрецов —
Аристотель, древнейший из мудрецов.
«Эта кость не проста, не бросай ее», —
Так сказал он, хитрейший из мудрецов.

Он, как в книге, читал мысли всех людей,
И советам его внимал царь царей.
«Принесут пусть весы, положим на них
Кость и золота столько ж, — что тяжелей?»

Царь желанье его оглашает вслух.
Обе чашки равны. На одну из двух
Положили все золото, что нашлось, —
Но в сравнении с костью оно — как пух.

Искандер видит это, он изумлен,
Бросает доспехи на золото он.
Опускается ниже мертвая кость:
Железом был золота груз облегчен.

³⁶ Кунанбаев Абай. Соч., с. 288.

³⁷ Каскабасов С. Казахские сказки об Искандере и поэма «Искандер» Абая. — «Қазақстан мектебі», 1968, № 2, с. 66—70.

К мудрецу Искандер вопрос обратил:
«Слишком мало сокровищ я накопил, —
Перевесила их даже легкая кость.
Чем ее перевесить? Как ты б рассудил?»

Аристотель нагнулся, земли взял горсть
И посыпал землю мертвую кость, —
Чашка с ней поднялась выше той, другой,
Легче стала, чем камышовая трость.

Продолжая о виденном размышлять,
Обратился к мудрейшему царь опять:
«В этом чуде урок, не понятный мне.
Объясни: как я должен его понять?»

«Кость — глазничная кость, — таков был
ответ —
В этом мире сокровищ столь ценных нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор,
Лишь земля насыщает глаза вполне.

Ненасытность глаз у иных велика,
Все им мало, хоть мир весь держит рука.
Но умрут они — и для мертвых их глаз
Алмаз и сапфир не ценнее песка³⁸

У Жуковского:

«Мне! — повторял он в гневе, —
Мне! Александру! Дар такой презренный!
Кусок истлевшей кости!» — «Сын
Филиппов, —
На то сказал один из мудрецов, —
Не презирай истлевшей этой кости;
Умей спросить, и даст тебе ответ». —
Тут принести велел мудрец весы;
Одну из чаш он золотом наполнил;
В другую чашу кость он положил,
И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александр; он вдвое
велел насыпать золота; он сам
Свой скипетр золотой, свою корону
И с ними тяжкий меч свой бросил в чашу —
Ни на волос она не опустилась.
Затрепетал на троне царь могучий;
И он спросил: «Какою тайной силой
Нарушен здесь закон природы? Чем
Ей власть ее возможно возвратить?» —
«Щепоткою земли», — сказал мудрец
И бросил он на кость земли щепотку:
И чаша с костью быстро поднялась,
И быстро чаша с золотом упала.

³⁸ Кунанбаев Абай. Соч., с. 294—295.

Мудрец сказал: «Великий государь,
 Был некогда подобный твоему
 Разрушен череп; в нем же эта кость
 Была частицей впадины, в которой
 Глаз, твоему подобный, заключался.
 Глаз человеческий в объеме мал;
 Но с ненасытной жадностью объемлет
 Он все, что нас здесь в области видений
 Так увлекательно пленяет; целый
 Он мир готов сожрать голодным взором.
 Все золото земное всыпьте в чашу,
 Все скипетры и все короны бросьте
 На золото... все будет мало; но
 Покрой его шепоткою земли —
 И пропадет его ненасытимость;
 Сквозь легкий праха груз уж не пробьется
 Он жадным взором. Ты ж, великий царь,
 В сем знаменье уразумей прямое
 Значение и времени и жизни.
 Ненасытмости перед тобою
 Лежит символ в истлевшей этой кости»³⁹.

Как в приведенном отрывке, так и в произведении в целом расхождения имеются лишь в деталях. У Жуковского мудрец (без имени), у Абая — это Аристотель (вспомним у Низами — святой Хизр). У Жуковского Александр в конце поэмы не возвращается со своим войском назад, как у Абая. Подчеркивается, что он не смирился, а совершал новые завоевательские походы, пока его не настигла смерть. Здесь Абай стоит несколько ближе к восточной традиции, вместе с тем он в духе нового времени дает резко критическую оценку Александру как завоевателю, неудержимо, любой ценой стремившемуся к славе. Еще одна деталь, которой нет у Жуковского, — это упоминание в поэме Абая о копченой рыбе, которую обмыли в ручье, и вода придала ей особый запах и вкус.

В несколько иной форме этот эпизод встречается у Низами: там рыба, погруженная в воду ручья, оживает.

В. А. Жуковский перевел на русский язык «Махабхарату» и «Шахнамэ», хорошо знал литературные памятники Востока, он мог быть знаком наряду с западноевропейскими также и с восточными легендами об Александре. Так, он сам отмечает, что нашел «Предание о древнем Александре» в «Талмуде». Если же Абай,

³⁹ Жуковский В. А. Две повести. Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. М. — Л., 1959, с. 438—439.

создавая свою поэму, пользовался текстом Жуковского, доказательством чему служит близкое текстуальное сходство двух произведений, отмеченные расхождения можно объяснить тем, что Абай знал также другие источники (в том числе русский перевод «Талмуда»), в частности устные легенды. Во всяком случае, можно с достаточной уверенностью утверждать, что Абай, который переводил Пушкина, Лермонтова, Крылова, читал также Толстого, Салтыкова-Щедрина и других классиков русской литературы, знал это произведение Жуковского.

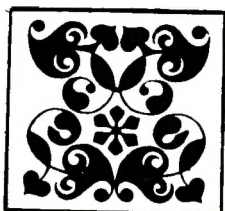
Как бы там ни было, факт совпадения сюжета произведений Абая и Жуковского налицо. Таким образом, в двух поэмах («Масгуд» и «Искандер») обращение Абая к сказочным сюжетам, которые обычно связываются с восточной литературной традицией, перекликается с фактами также и русской литературы.

Еще одна поэма Абая, сюжет которой имеет восточное происхождение,— «Азим», текст которой был записан М. Ауэзовым и включен в издание поэта 1933 г., а ее источник указал сам Абай в тексте поэмы — «Тысяча и одна ночь». В поэме излагается сказка о Хасане Басрийском (у Абая — Азим). Текст поэмы не сохранился полностью.

Вопрос же об источниках поэм «Масгуд» и «Искандер» требует дальнейшего изучения.

ПУШКИН И КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Творчество Пушкина еще в прошлом веке оказало благотворное влияние на развитие казахской литературы.

В дореволюционном Казахстане было всего несколько печатных изданий произведений Пушкина. Это — перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», изданный в 1899 г. в Казани. В 1903 г. в Казани вышла в свет «Капитанская дочка», переведенная М. Н. Бекимовым на казахский язык. В 1909 г. в Петербурге впервые были напечатаны переводы Абая из Пушкина (в собрании сочинений Абая). Из отдельных стихов можно отметить стихотворение Б. Утетлеуова «Приход весны», являющееся переводом начальной строфы из седьмой главы «Евгения Онегина» («Гонимы вешними лучами»). Оно опубликовано в сборнике «Жиган-терген» («Избранное») в 1914 г. Уместно также вспомнить перевод стихотворения «Пророк», напечатанный в 1915 г. в журнале «Айқап».

Немало переводов и переложений произведений Пушкина, сделанных казахскими поэтами и певцами, получили широкое распространение в устной передаче и в рукописях, что было характерно в отношении стихов и поэм казахских авторов. Так, в устной передаче задолго до их публикации повсеместно распространялись переводы Абая. В стихотворном переводе стала известной повесть «Дубровский», бытовали в среде народа несколько вариантов «Евгения Онегина», созданных народными певцами.

После Октябрьской революции произведения Пушкина печатаются на казахском языке массовыми изданиями.

В середине 30-х годов изданы в переводе на казахский язык «Дубровский», «Метель», «Скупой рыцарь», «Каменный гость» и др. В 1935 г. увидел свет сборник избранных произведений поэта.

В 1936—1937 гг. вышел трехтомник избранных произведений А. С. Пушкина тиражом 10 тыс. экземпляров, куда вошли «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Станционный смотритель», драмы и многие стихотворные произведения.

Юбилейный 1949 г. ознаменовался выходом на казахском языке нового однотомника избранных произведений Пушкина. Его составили свыше 40 лирических произведений, поэмы и многие драматические произведения. Широко представлена в этом издании и пушкинская проза. «Евгений Онегин» и другие произведения поэта даны в однотомнике в новых переводах.

В 1956 г. издано четырехтомное собрание сочинений Пушкина на казахском языке. В 1974 г. к 175-летию со дня рождения Пушкина подготовлен и издан новый двухтомник сочинений поэта. В эти издания также включено немало новых переводов произведений Пушкина.

Произведения Пушкина за советские годы только отдельными изданиями печатались на казахском языке свыше 40 раз. Помимо того, они публиковались в учебниках, в различных сборниках и других изданиях.

Над переводами произведений Пушкина работали такие виднейшие казахские поэты, как И. Джансугуров, К. Аманжолов, Т. Жароков, Г. Орманов, А. Тажибаев, Х. Бекхожин и многие другие. Но, разумеется, глубокое освоение творческого наследия Пушкина, полноценный перевод его произведений на другой язык — дело весьма сложное и ответственное. Не случайно многие произведения русского поэта, в том числе «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», переводились на казахский язык по нескольку раз. «Переводя произведения Пушкина, поэты все глубже постигают величие его творений»¹, — писал Мухтар Ауэзов.

Работа над переводом произведений Пушкина является для казахских поэтов и писателей подлинной школой

¹ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5, с. 276.

художественного мастерства, высокого эстетического вкуса. Поэт Халижан Бекхожин писал: «Переводя трагедию «Борис Годунов», я глубоко осмыслил историческое значение этого монументального творения, понял, что это образец социально-исторической трагедии, где приведены в движение широкие народные массы, где решаются судьбы народные. Когда я писал свою пьесу «Великий перевал», пушкинская драма была для меня ориентиром и наставником»².

Не менее интересны слова Абдильды Тажибаева: «Я перевел «Капитанскую дочку», поэму «Руслан и Людмила», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», несколько лирических стихов... Об этих работах неплохо отзывались критики, доброжелательно встретил их читатель. Сейчас, возвращаясь к ним, я вижу удачные и слабые места переводов. Я понял: Пушкина нельзя переводить единожды. Стихи поэтов его масштаба не остаются неизменными, мысль, в них сконцентрированная, всегда в движении. Сегодня ты постигаешь одно, завтра открылось другое, ты мудреешь, и тебе становится доступным новый глубинный пласт смысла. И все это — лишь часть гения, который неисчерпаем, как океан, и, как океан, бесконечно, неуловимо переменчив. И мы снова и снова погружаемся в эту живую глубину его мыслей, поражаемся волшебству нетускнеющих красок, которые, в зависимости от внешнего света, прихотливо меняют яркость своих тонов. Пушкинские герои, такие, казалось бы, до близости знакомые, не теряют своей властной и притягательной силы. Всякая новая встреча с ними важна, волнует... И поэзия гения не укладывается в жесткие однозначные рамки, она неизменна и всегда нова, глубоко проникает в душу, ранит, врачует, рождает все более обширные и точные ассоциации. Пушкин обнаруживает новые, все более глубокие связи со временем, с отечественной историей»³.

Надо сказать, что казахские читатели еще до революции познакомились с произведениями Пушкина не только по переводам, но и в оригинале. Выдающийся поэт, основоположник казахской советской литературы Сакен Сейфуллин вспоминал о том, как он, еще будучи подростком, читал пушкинские произведения: «Помню и

² «Огни Алатау», 1974, 6 июня.

³ «Ленинская смена», 1974, 6 июня.

сейчас, как в 1909 г. в Актюбинской приходской школе я впервые познакомился с «Пророком», «Капитанской дочкой»... По нашей степи — я хорошо помню эту страну своего детства — безымянно путешествовала чудесная сказка о рыбаке и рыбке» ⁴.

Литературные связи Пушкина с Казахстаном можно рассматривать в нескольких аспектах: посещение Пушкиным Казахстана; его отношение к истории и поэтической культуре казахов; перевод произведений Пушкина на казахский язык; распространение пушкинских произведений в Казахстане; роль творческого наследия Пушкина как фактора, способствующего развитию казахской литературы, прежде всего современной.

В сентябре 1833 г. Пушкин побывал в Казахстане — в Оренбурге и Уральске, в краях, где действовали отряды Пугачева. Пушкин понимал, что восстание Пугачева выражало кровные интересы как русских крестьян, так и представителей бедноты других народов России, живших в тех местах. Собирая материалы о восстании Пугачева, Пушкин проявил глубокий интерес к истории, социальному положению казахского народа, его участию в движении русских крестьян, познакомился с поэтическим творчеством казахов.

В числе исторических трудов, исследований, которые изучал Пушкин, работая над темой о Пугачеве, были книги о Казахстане. Многие вопросы, касающиеся истории Казахстана (например, взаимоотношения казахов и калмыков в 18 веке), Пушкин изучал на основании достоверных исторических материалов. В частности, Пушкин ссылается на книгу А. И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» — труд наиболее обширный и богатый материалами из всех известных в то время исторических исследований о казахах. Автора этого большого трехтомного труда о казахском народе Алексея Ираклиевича Левшина Пушкин знал лично, он познакомился с ним в тот период, когда жил в Одессе ⁵.

⁴ Сейфуллин С. Друзья степей, друзья великого поэта. — «Казахстанская правда», 1937, 10 февраля. (В тексте опечатка, следует читать: «в Акмолинской приходской школе». — З. А.).

⁵ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, с. 261, 592.

Служивший до этого в Оренбургской пограничной комиссии, Левшин уже тогда был автором ряда интересных публикаций о казахах. Книга А. И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» получила восторженную оценку еще до выхода в свет на страницах «Литературной газеты», созданной при ближайшем участии Пушкина. Выступивший со статьей в газете А. А. Дельвиг писал: «Почтенный Автор (А. И. Левшин) долго путешествовал по Киргизской степи и собрал всевозможные сведения о народе, кочующем по оной... Лестное доверие Автора познакомило нас отчасти с его сочинением: рукопись его была у нас в руках несколько времени, и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь занимательные по своему предмету и по образу воззрения Сочинителя, и притом оживленные столь хорошим, увлекательным слогом. Г. Левшин скоро напечатает сочинение свое вполне. Это будет новый и богатый вклад, приносимый Русским Ученым в общее Европейское хранилище сведений об Азии»⁶.

В книге А. И. Левшина наряду с разнообразными географическими, историческими, этнографическими сведениями о Казахстане содержались также материалы о казахском устно-поэтическом творчестве. В ней говорится, в частности, о казахской народной эпической поэме «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

Об этой поэме, как и вообще о жизни казахов, их поэтическом искусстве, многое мог рассказать Пушкину Владимир Иванович Даль, с которым он встречался в Оренбурге. В. И. Даль сопровождал поэта в его поездке по пугачевским местам, по казахской степи, его хорошее знание казахской жизни и поэзии, конечно, не могло не обратить на себя внимания Пушкина. В. И. Даль усердно занимался в это время собиранием образцов казахского фольклора, писал повесть из жизни казахов «Бикей и Мауляна».

Следует полагать, не без участия В. И. Даля для Пушкина была сделана запись казахской народной эпической поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Выбор Пушкина не был случайным. Об этой поэме писали многие русские востоковеды прошлого века. По словам одного из знатоков казахского фольклора Г. Н. Потанина, «любимая по-

⁶ «Литературная газета», 1831, т. III, № 2, с. 11.

весть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана, верх киргизской эпики — это история красавицы Баян-Слу, которая влюбилась в бедного пастуха Козы-Корпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле»⁷

Запись этой поэмы, найденная позже в бумагах Пушкина, известна по публикации Л. Б. Модзалевского, который писал: «Можно считать установленным, что Пушкин был знаком с одним из замечательных памятников народного казахского творчества»⁸.

Известно, что казахов в исторической литературе долгое время ошибочно называли киргизами или же киргиз-кайсаками. Пушкин, говоря о казахах в «Истории Пугачева», замечает, что они известны русским «под именем киргиз-кайсаков», подчеркивая тем самым условность этого названия.

В «Истории Пугачева» Пушкин подробно пишет «о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками». Историки свидетельствуют, что во время осады Оренбурга пугачевскими отрядами в восстании участвовало около двух тысяч казахов. В воззвании к казахским повстанцам Пугачев писал: «...не оставлю и буду вас жаловать...землею, водою, травами, ружьями и провиантом, солью, хлебом и свинцом»⁹.

В «Капитанской дочке» Пушкина художественно воплотились живые впечатления от его поездки по пугачевским местам и казахской степи.

Андрей Петрович Гринев прибывает на службу в Оренбург, где его сразу направляют «в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей...». «Белогорская крепость стояла в сорока верстах от Оренбурга,— читаем в повести.— Дорога шла по крутому берегу Яика... За ними простирались киргизские степи».

В «Капитанской дочке» отмечено немало фактов, которые ясно свидетельствуют о том, что казахская беднота

⁷ Потанин Г. В юрте последнего киргизского царевича. — «Русское богатство», 1896, № 8.

⁸ Модзалевский Л. Б. Запись казахского предания в архиве Пушкина. — «Временник пушкинской комиссии». Т. III. М. — Л., 1937, с. 323—325. (Запись сделана чернилами неизвестной рукой, на пяти листах большого формата).

⁹ История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1956, с. 272.

разделяла возмущения русских крестьян политикой царизма и активно поддерживала их революционные выступления. Так, в главе «Крепость» комендант говорит: «Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся...». В главе «Пугачевщина», услышав вест о приближении Пугачева в Белогорскую крепость, Василиса Егоровна Миронова говорит: «...двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев...». В этой же главе читаем: «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша. — Уж не ждут ли нападения от киргизцев?».

Таким образом, в «Капитанской дочке» нашло отражение участие казахов в крестьянском восстании под руководством Пугачева.

Через несколько лет после трагической гибели Пушкина родился поэт в далеких казахских степях, который в казахской литературе сыграл такую же роль, какую выполнил в русской Пушкин, — стал создателем новой реалистической национальной литературы. Абаю суждено было прославить Пушкина среди казахского народа.

В наши дни, когда творчество великого русского поэта стало достоянием широчайших масс казахского народа, когда его творения активно вошли в жизнь и помогают создавать социалистическую культуру, мы с чувством глубокой благодарности вспоминаем имя классика казахской литературы Абая Кунанбаева, который впервые своими превосходными переводами донес до казахского народа бессмертные творения Пушкина, сделал его любимым поэтом казахских степей.

Непревзойденные переводы Абая из «Евгения Онегина» — замечательное явление в истории казахской литературы, яркое свидетельство горячей любви казахского народа к творениям пушкинского гения, к русской литературе и культуре.

Казахская литература обращалась к русской литературе еще в середине прошлого века в лице своих выдающихся представителей — Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина. Последний оставил прекрасные переводы басен Крылова. Во второй половине 19 века к русской литературе обратился Абай, все творчество которого неразрывно связано с именами Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова и др.

Абай — просветитель, поборник дружбы с русским народом, выступал как продолжатель Чокана Валиханова, который на несколько десятилетий раньше сказал, что «без русских — это без просвещения».

Знакомый с лучшими образцами мировой литературы, Абай питал особую любовь к русской литературе, был ее страстным популяризатором. Из животворного источника русской литературы и общественной мысли постоянно обогащалось его самобытное творчество, развивавшееся на национальной почве, тесно связанное с художественным творчеством казахского народа. Поэт глубоко осознал все значение произведений русской прогрессивно-демократической литературы в условиях современного ему Казахстана. Стремясь ознакомить с ними массы казахского народа, он переводит на казахский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова.

С большой любовью Абай читает произведения великого Пушкина, пристально изучает реалистический роман «Евгений Онегин».

«Онегин» есть самое душевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотой, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы»¹⁰, — писал В. Г. Белинский.

Абай перевел из романа «Евгений Онегин» следующие отрывки: «Онегиннің сыйпаты» («Портрет Онегина»), «Татьянаның Онегинге жазған хаты» («Письмо Татьяны к Онегину»), «Онегиннің Татьянаға жауабы» («Ответ Онегина Татьяне»), второй вариант этого перевода — «Онегиннің сөзі» («Слово Онегина»), «Онегиннің Татьянаға жазған хаты» («Письмо Онегина к Татьяне»), «Татьяна сөзі» («Слово Татьяны»), «Ленский сөзінен» («Из слов Ленского»). Особое внимание Абай уделял образам Онегина и Татьяны, их любовной драме. «Онегиннің сыйпаты» («Портрет Онегина») является переводом следующих пушкинских строк:

Х

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,

¹⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. М., 1948, с. 495.

Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!

Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,

Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!¹¹

Содержание пушкинского текста Абай передает очень близко к оригиналу, сохраняя подстрочное соответствие. Изложение дается в описательной форме, размер стиха 11-сложный, обычный для казахской литературы.

Пушкин подчеркивал, что приведенный здесь отрывок из романа выявляет важную сторону характера Онегина. В предыдущей строфе романа читаем:

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 5. Изд. 2-е. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 13—14.

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень,—
Была наука страсти нежной...¹²

Праздная жизнь Онегина «среди блистательных побед, среди вседневных наслаждений» — причина того, почему «рано чувства в нем остыли». Перевод Абая свидетельствует о стремлении полнее воспроизвести образ Онегина, который в переводе выступает уже как «отступник бурных наслаждений».

Вспомним начало письма Татьяны:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня!¹³

У Абая читаем (все абаевские тексты даются в подстрочном переводе):

Нет выхода, не в силах я молчать,
О, как я могу сказать!
Из-за любви (к вам) я страдаю,
Перенесу все, чем бы ни наказали вы.

Печальная и несчастная,
Перешагнула я границы стыда,
И терплю такое унижение...

Как видно из вышеприведенного отрывка, стих «из-за любви (к вам) я страдаю» введен Абаем. А смысл двух строк

Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать —

сосредоточен в одной:

Перенесу все, чем бы ни наказали вы.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 12.

¹³ Там же, с. 69—70.

Последние три пушкинские строки

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня,

обращенные к Онегину, Абай заменяет стихами, где Татьяна говорит о себе. И только стих «печальная и несчастная» у Абая перекликается со словами «к моей несчастной доле».

Далее содержание 10 пушкинских строк Абай передает в 8 строках. Сравним тексты.

У Пушкина:

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи¹⁴.

У Абая:

Сколько в моих силах, я молчала,
Не решалась говорить.
Я б выдержала это горе,
Если бы в месяц раз видела вас.

Но невозможно видеть вас,
И нельзя слышать ваши речи.
Если б можно, я б ждала вас
И месяц, не смыкая ночами глаз.

Перевод не нарушает смысловой точности пушкинского текста. Абай с необыкновенным мастерством находит в казахском языке слова, соответствующие оригиналу. Расхождения в выражениях и оборотах двух текстов, которые особенно заметны при сравнении пушкинского текста, объясняются различиями в строе речи в русском и казахском языках.

В целом перевод «Письма Татьяны» близок к оригиналу, довольно точно передает содержание и эмоциональную

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 70.

окраску пушкинского текста. С большой художественной силой воспроизведен образ Татьяны.

В двух вариантах Абай дал перевод монолога Онегина в деревенском саду. По художественным достоинствам они равно совершенны. Однако второй вариант более близок к тексту Пушкина. Хотя в последнем случае две пушкинские строфы, т. е. 28 строк, начинающиеся словами «Когда бы жизнь домашним кругом...» и «Но я не создан для блаженства», переведены Абаем сокращенно в восьми строках, перевод довольно полно и точно передает содержание пушкинского текста. Приведем один небольшой пример.

У Пушкина:

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною¹⁵.

У Абая:

Нельзя обновить ушедшую жизнь
и характер;
Вы встретились с человеком, недостойным
вас.
Я вас люблю как брат родной,
Большого не могу обещать.
Младая дева то же, что дерево молодое,
С каждым годом меняющее свои листы.

Второй вариант этого перевода является абаевской вариацией на пушкинскую тему. Здесь Абай, зачастую не сохраняя пушкинских поэтических образов, не придерживается и пушкинских образных средств. Он смело вводит свои образы, иногда удачно использует и фольклорные образы и сравнения. Из пушкинского монолога Онегина Абай берет только общее содержание, его композиционную ткань.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

Абаевское произведение — это своеобразная исповедь Онегина, в которой ярко отражено понимание Абаем образа Онегина.

Приводим отрывок:

Когда всеми сладостями жизни
Пресытилась душа моя,
Когда опустошила ее бесцельная жизнь,—
Встретил я тебя.

Поверь мне — радость
Уже покинула мое сердце.
Теперь в жизни ничего,
Кроме смерти, нет для меня.
...Я тигр, израненный
Стрелами, пущенными в меня людьми.

Нетрудно видеть, что Абай по-своему трактует образ Онегина, понимает его несколько своеобразно. Это отношение Абая к образу Онегина особенно проявилось в стихах:

Теперь в жизни ничего,
Кроме смерти, нет для меня.

Мотив, уже ясно намеченный здесь, Абай разовьет в следующих переводах.

В понимании Абая Онегин — это человек, растративший всю свою силу и энергию без пользы для людей, не нашедший своего места в жизни, жертва общественных порядков, изгнанник общества. Онегину теперь нет места в жизни, он должен умереть. С его охлажденным сердцем он неспособен и к любви. В этой связи показательны следующие характеристики Онегина, которые дает Абай:

Душа моя изломана...
Я испытал удар жестокой эпохи...
Я уголь, оставшийся от пожара...
Я изгнанник общества (эпохи).

Характерен также и метод изображения Онегина. Онегин неоднократно противопоставляется Татьяне:

Твоя жизнь подобна розе цветущей,
Двери жизни ты найдешь.
Моя жизнь холодна и мрачна,
Как дни осени.

Перевод Абаем монолога Татьяны в Петербурге в целом верно передает содержание пушкинского текста, тем

не менее отдельные места заметно изменены, некоторые строки оставлены без перевода.

У Абая Татьяна не говорит Онегину:

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна...¹⁶

Абай вложил в уста Татьяны другие слова:

Ты был мой супруг, богом указанный мне,
Но не смог стать им...

В стихотворении Абая Татьяна не упрекает Онегина, что он добивается ее близости лишь из-за ее богатства и знатности, желая снискать в свете «соблазнительную честь» покорителя сердец. В холодном прежде отношении Онегина к себе она склонна обвинять не его, а других:

Ты испугался любящей тебя,
От других потерпев зло.

Повторяя самохарактеристику Онегина, она говорит:

Ты был тигр израненный.

Татьяна считает, что Онегин был душевно раненным уже тогда, когда она обратилась к нему с признанием. Как и в романе Пушкина, она еще раз признается Онегину в любви, но говорит о своей верности чувству долга и решительно отвергает его любовь.

Свободно перевел также Абай и «Письмо Онегина к Татьяне». В нем образ Онегина изменен, как и во втором варианте «Ответа Онегина». Характерны слова Онегина:

Ты михраб мой, поклоняюсь тебе.

Признание самого Онегина свидетельствует о превосходстве Татьяны перед Онегиным. Обращают на себя внимание строки:

Если отвернешься ты,
Глаза мои станут темной могилой,

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 188.

Лишусь я жизни,
В сырой земле найду себе место.

Из этого мотива вырастает затем созданное Абаем стихотворение «Предсмертное слово Онегина».

Мать моя — сырая земля (дословно — отец
и мать),
Открой мне объятия свои.
Нигде, кроме тебя,
Я не нашел места,—

говорит Онегин.

Так решает проблему Онегина Абай. Онегин — изгнанник общества, жертва общественных порядков, становится и жертвой несчастной любви.

«Зачем я пулей в грудь не ранен?» — так говорит Онегин у Пушкина в отрывках из «Путешествия». Абай в переводе усилил этот мотив, оттенив тем самым душевную опустошенность Онегина и сняв вопрос о возможном возрождении героя, который намечен в романе у Пушкина.

Переведенные из «Евгения Онегина» стихотворения Абая — это неразрывное целое, объединенное сюжетным и смысловым единством. Все переводы, кроме портрета Онегина и монолога Ленского, представлены в виде переписки Татьяны и Онегина. Абай не нарушает цельности образов Татьяны и Онегина, любовная драма которых определяется их жизнью и характерами. Своеобразная исповедь Онегина помогает созданию образа изгнанника общества, человека, не нашедшего своего места в жизни, неспособного и к любви.

Переведенные Абаем отрывки из романа косвенно проливают свет также и на образ Татьяны, делают его более доступным, понятным, в целом он воспроизведен Абаем довольно близко к оригиналу. Татьяна в переводе, так же как и в романе, показана прекрасной русской женщиной. С большим мастерством Абай рисует важнейшие черты ее характера — смелость в решении своей судьбы, твердость убеждений, приводящую затем к разрыву с Онегиным.

Итак, из всего романа взяты лишь его основные, стержневые моменты. И только перевод небольшого отрывка из монолога Ленского дает основание полагать, что у Абая был замысел дать более или менее полный образ Ленского, сделать его действующим лицом.

Что же касается композиционного построения этих стихотворений-переводов, то можно сказать, что стремление Абая передать основное содержание романа через переписку Татьяны и Онегина (нет встречи в деревенском саду и в Петербурге, нет и многих других деталей и подробностей, мало знакомых тогда еще казахским массам) диктовалось желанием сделать эти переводы понятными для широкого круга читателей и слушателей.

«Евгений Онегин» Пушкина значительно обогатил творчество и поэтическое сознание Абая. Принципы пушкинского реализма, которые нашли глубокое художественное воплощение в романе, были понятны и близки казахскому поэту. С поэтическими традициями Пушкина, Лермонтова тесно связаны многие лирические произведения Абая, посвященные внутреннему миру поэта-борца, неутомимого просветителя, а также его реалистические пейзажные зарисовки.

Абай приступил к переводам «Евгения Онегина» в то время, когда передовая часть казахского народа стремилась как можно ближе познакомиться с русской культурой и литературой. Лучшие сыны народа популяризовали и распространяли произведения русских ученых, писателей и поэтов.

Читатели степной газеты писали: «Мы любим стихи, отчего редакция газеты не знакомит нас в переводе с русскими поэтами? ...Желательно было бы видеть на страницах «Особых прибавлений к О. В.» («Акмолинские областные ведомости». — З. А.) статьи, знакомящие киргиз с русской литературой и историей»¹⁷

Благодаря большому интересу и любви к русской литературе переводы Абая из «Евгения Онегина» уже в 1887 г. стали широко известны по всей казахской степи.

Широкое распространение переводов из «Евгения Онегина» подтверждают многие исследователи жизни и творчества Абая, а также отдельные путешественники и ученые, писавшие о казахах. Еще при жизни Абая, в 1903 г., в 18 томе журнала «Россия», выходившем под редакцией В. П. Семенова, А. П. Седельников писал, что Абаю принадлежат хорошие переводы «Евгения Онегина» и «...таким образом от семипалатинских уленши (певцов)

¹⁷ «Сибирская газета», 1888, № 25.

можно слышать, например, «Письмо Татьяны», распеваемое, конечно, на свой мотив».

В конце 90-х годов «Письмо Татьяны» поет певец Адилхан под аккомпанемент скрипки. Песни из «Евгения Онегина» исполняют и домбрист Альмагамбет и многие другие певцы — друзья Абая.

В 1914 г. М. Рамазанов писал, что «Письмо Татьяны», переложенное на музыку, давно уже раздается в степях¹⁸. Несколько позже «Письмо Татьяны» А. Э. Бимбоэс записал на ноты в Акмолинской области. У Османа Кашаганова, певца Петропавловского уезда (Акмолинской области), запись «Письма» в начале 20-х годов сделал известный композитор и собиратель народных песен А. Затаевич.

В некоторых уездах и областях переводы «Евгения Онегина» превращались в народные песни, их исполнители не знали автора песен — А. С. Пушкина. Свидетельство об этом находим в книге Дм. Львовича (псевдоним Дмитрия Львовича Иванова.—З. А.): «Признаюсь, сразу я собственным ушам не поверил...— пишет автор,— вообразите только, старый киргиз распевал не более не менее, как... письмо Татьяны к Онегину. ...Письмо также имело всеобщий успех. Я спросил Аблая (так звали певца.— А. З.), не знает ли он, кто сочинил эту песню. По его словам выходило, что тоже какой-то ихний «уленши», об истинном авторе он, конечно, даже не подозревал»¹⁹.

Сила пушкинских идей, переданных Абаем с высокопоэтической простотой, свойственной великим художникам,— вот что сделало переводы «Евгения Онегина» широко популярными песнями всей казахской степи, любимыми народом.

Мухтар Ауэзов в романе-эпопее «Путь Абая» вдохновенно описал, как исполнялось в степи ставшее народной песней «Письмо Татьяны». И захватывающую поэтическую картину, изображающую поистине глубокое восприятие казахскими слушателями пушкинского произведения, писатель заканчивает словами: «Так в зиму тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года великий русский акын Пушкин впервые вступил в простор казахских степей, ведя за руку милую свою Татьяну. Он принес

¹⁸ См. в кн.: Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского. М., 1914, с. 228.

¹⁹ *Львович Дм.* По киргизской степи. Пг., 1914, с. 108—109.

в эти просторы радость своих песен, а его Татьяна пришла как близкая, как родная всем — и научила молодые сердца казахов тому языку искреннего чувства, каким еще никто не говорил в казахской степи»²⁰.

В настоящее время многие казахские читатели знакомятся с творческим наследием Пушкина как в переводах, так и в оригинале, его произведения неизменны в репертуарах многих драматических и оперного театров республики.

Казахский народ по праву считает Пушкина своим любимым поэтом. Неслучайно статья о Пушкине выдающегося казахского советского поэта Ильяса Джансугурова носит название «Пушкин — поэт также казахского народа». Ибо в советскую эпоху, когда дружба народов является могучей движущей силой нашего социалистического общества и советского государства, бессмертные творения Пушкина, составляющие славу и гордость великой русской нации, стали гордостью всех народов нашей страны, в том числе и казахского.

²⁰ Ауэзов М. Собр. соч., т. 2. с. 716.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕРМОНТОВСКОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В числе русских классиков, оказавших своим творчеством огромное воздействие на развитие казахской литературы, мы называем имя М. Ю. Лермонтова. Наряду с произведениями Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Л. Толстого и Салтыкова-Щедрина творчество Лермонтова явилось могучим идейным фактором, способствовавшим формированию в Казахстане в середине 19 века передового общественного и литературного движения. Большой интерес к творчеству как Лермонтова, так и других виднейших представителей передовой русской общественной мысли и литературы проявляют выдающиеся казахские просветители Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев, деятельность которых охватывает вторую половину прошлого столетия.

Произведениями Лермонтова Чокан Валиханов зачитывался уже в годы учебы в Омском кадетском корпусе (1847—1853 гг). Об этом свидетельствуют его русские друзья ¹.

М. И. Фетисов, характеризуя отношения Валиханова с поэтом С. Дуровым, писал: «Дуров многое мог раскрыть в творчестве Лермонтова, которого Валиханов особенно любил, помочь ему по-новому прочитать волнующие страницы лермонтовских произведений» ².

¹ См.: *Ядринцев Н.* Воспоминания о Чокане Валиханове. — «Зап. РГО по отделению этнографии». Спб., 1904, с. XXXVI—XXXVII.

² *Фетисов М. И.* Литературные связи России и Казахстана. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 265.

Изучение русской литературы помогало Валиханову в познании прошлого и настоящего России, в глубоком понимании национального характера русского народа, с которым он неразрывно связывал судьбу родного ему казахского народа. Валиханов как просветитель видел свою задачу в стремлении способствовать культурному сближению России и Казахстана. В этом отношении выразительны слова одного из писем к Валиханову писавшего к нему дружеские чувства Ф. Достоевского: «Не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатайством за нее у Русских. Вспомните, что вы первый Киргиз,— образованный по-Европейски вполне»³

Этой задаче в полной мере отвечали исторические, этнографические и литературоведческие труды Валиханова, в которых ярко сказалась широкая эрудиция автора, превосходного знатока русской литературы, труды, за которые он был избран действительным членом Русского географического общества.

Чокан Валиханов, вслед за ним Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев распространяли и пропагандировали идеи передовых представителей русской литературы. Они воспитывали у казахской молодежи интерес к русской науке и культуре, любовь к русскому народу и твердо верили в то, что «молодое поколение казахов будет смотреть на язык и грамоту русских, как на единственный язык культуры и знания, пристрастится к ним и будет развиваться»⁴.

В обстановке упрочения связей двух народов в среде казахов возрастал интерес к передовой русской культуре, в частности к литературе. Лучшие люди эпохи понимали, что русская наука и культура — это «ключ к жизни», как скажет потом Абай, что через них лежит дорога казахскому народу к просвещению и прогрессу. Поэтому изучению русского языка придавалось огромное значение. Передовые люди того времени выступали на страницах периодической печати с призывом учиться русскому языку, подчеркивали крайнюю необходимость его знать.

³ Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. М. — Л., Госиздат, 1928, с. 201.

⁴ История Казахской ССР Изд. 2-е. Т. 1. Алма-Ата, 1949, с. 392.

Разумеется, в условиях царизма очень многие казахи, желающие учиться в русских школах, не имели этой возможности и, как отмечала газета «Санкт-Петербургские ведомости», «ограниченный штаб учебных заведений был принужден сокращать прием»⁵. Однако нельзя было остановить возрастающий интерес казахского народа к русскому языку и грамоте, и число казахов, грамотных по-русски, увеличивалось. «Киргизы воспитывают в своей среде уже не одну сотню грамотных по-русски юношей, которые, окончив школы и особенно городские, понесли в среду сородичей свет знаний»⁶, — писали газеты.

Изучение русского языка и грамоты ставилось как вопрос хозяйственного и культурного сближения казахского народа с русским. «Нам, киргизам, не нужно познание арабского языка, нам прежде всего надо учиться русскому языку»⁷, — писал А. Жетписбаев в газете «Семипалатинский листок».

«Сильный победит одного, а образованный — тысячу», — говорит наша народная казахская пословица. Будем же запасаться этой великой силой — образованием, будем изучать русский язык так, чтобы он сделался достоянием каждого из нас», — пишет К. Жапанов⁸.

Большой интерес казахов к русской грамоте отмечает также учитель Р. Тлеулин: «Я долго ездил по киргизским степям Тургайской области... Киргизы любят учиться и охотно открывают у себя школы»⁹.

Знание русского языка диктовалось стремлением передовой части казахского общества приобщиться к русской литературе, возраставшим интересом к литературе и истории русского народа. Отвечая запросам народных масс, казахи, знающие русский язык и литературу, распространяли и популяризировали среди народа произведения русских классиков. В степи стали известны по переводам и устным пересказам произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова и др. Много сделали для распространения произведений русских поэтов и писателей учителя-казахи — воспитанники русских школ. В числе

⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 1897, № 287.

⁶ «Сибирская газета», 1888, № 25.

⁷ «Семипалатинский листок», 1905, № 150.

⁸ «Киргизская степная газета», 1894, № 37.

⁹ «Тургайская газета», 1895, № 1.

тех, кто распространял в устном пересказе произведения русских классиков, был один из младших братьев Абая — Халиулла Ускембаев, живший близ г. Семипалатинска, окончивший курс в Омском кадетском корпусе. Позднее, в 1896 г. Н. Г. Потанин писал, что «он любил рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом слушали его, что просили записать рассказы; таким образом, получились тетрадки, написанные по-киргизски и содержавшие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда, во время этих вечеров, в юрте киргизы пускались в суждения и тогда, как рассказывали очевидны, можно было слышать, как Х. Ускембаев пользовался русскими авторитетами: «А вот послушайте, что об этом говорит известный русский критик Белинский» или «вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов»¹⁰.

Великий поэт и просветитель Абай Кунанбаев, как и другие казахские просветители, понимал, что прогресс казахского народа возможен только в союзе с передовой Россией. Он решительно встает на путь борьбы за приобщение казахов к русской культуре, выступает поборником дружбы двух народов.

Абай на протяжении ряда лет упорно изучает труды русских революционных демократов, произведения классиков русской литературы. Наряду с переводами из А. С. Пушкина и И. А. Крылова большое место в творческом наследии Абая занимают его переводы произведений Лермонтова.

В числе лермонтовских произведений, ставших известными в превосходных переводах Абая, можно назвать такие стихотворения, как «Дума», «Выхожу один я на дорогу», «Кинжал», «Дары Терека», «На буйном пиршестве задумчив он сидел», «Парус», «Утес», «Не верь себе», «В альбом», «Пленный рыцарь», «Вечер» («Когда садится алый день») и др. Абай работал над переводом поэм Лермонтова, в частности «Демона», а также повести «Вадим».

Около 30 переводов из Лермонтова — результат долголетнего и пристального изучения его наследия. Какитай Кунанбаев, первый биограф Абая, отмечает исключитель-

¹⁰ «Русское богатство», 1896, № 8, с. 83.

но благоговейное отношение его к Лермонтову¹¹ Следует полагать, что осмыслению Абаем произведений Лермонтова, глубокому пониманию социального содержания этих произведений способствовало его знакомство с критической литературой русских революционных демократов. Несомненно, зачитывавшемуся произведениями Белинского, Чернышевского Абая были известны их высказывания о творчестве Лермонтова.

Результатом многолетнего изучения Лермонтова были не только переводы, хотя их значение трудно переоценить. Многие произведения поэта получили широкое распространение в устных пересказах Абая (поэмы, повести).

Абая-просветителю, отдавшему все свои силы делу приобщения родного народа к передовой культуре, борьбе с невежеством и косностью дореволюционного казахского общества, с бесчеловечной жестокостью байско-феодалов, в творчестве Лермонтова наиболее импонировали идеи отрицания существующих социальных порядков, жажда активного действия, мотивы гордого одиночества.

Сближение двух народов и влияние русской культуры на передовую демократическую часть казахского народа — таковы факторы общественной жизни, обусловившие связь Абая с творчеством Лермонтова и определившие в общих чертах характер этой связи.

Конкретное содержание связи Абая с творчеством Лермонтова определялось казахской действительностью, теми социальными задачами, которые стояли перед казахским поэтом и просветителем. Абай выступил как поэт в эпоху, когда происходила усиленная ломка старого под натиском новых форм жизни, новых веяний. Но росткам нового мешали реакционные силы, которым было выгодно держать казахский народ в темноте и отсталости. Своими произведениями Абай резко бичует все то отсталое и старое, что мешало прогрессивному развитию казахского народа, поднимает смелый голос протеста против социальной несправедливости и жестокой эксплуатации трудящихся масс казахов. В этих условиях произведения Лермонтова были во многом близки Абая.

¹¹ См. в кн.: *Кунанбаев Абай*. Соч. (на каз. яз.). Спб., 1909, с. 108.

Лермонтов — «поэт сильного негодования, поэт, чья любовь проникнута ядом гнева»¹², — утверждал Абай. В оценке Лермонтова как поэта гнева, негодования Абай выразил чувство своего духовного родства с русским поэтом. Это были слова, которые он нередко употреблял и по отношению к себе.

Горькие раздумья казахского поэта о судьбе родного народа, жестоко угнетаемого местной байской знатью и царскими сатрапами, приводили его к лермонтовским вопросам, «которые мрачат душу и леденят сердце»¹³. И лермонтовские «Дума», «И скушно и грустно», «На буйном пиршестве задумчив он сидел», «Я не хочу, чтоб свет узнал» помогали Абаю ставить волновавшие его общественные вопросы. В словах Лермонтова:

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит¹⁴,

в казахском переводе воспроизведенных с большой точностью и выразительностью, Абай глубоко передал дух несгибаемого борца, в то же время он находил в них выражение для своих мыслей и чувств.

Перед Абаем, закладывавшим основы новой казахской литературы, остро стояли вопросы о роли поэта и значении поэзии. В поисках ответа на эти вопросы Абай обращался к Лермонтову. Его переводы лермонтовских произведений «Журналист, читатель и писатель» (частично), «Не верь себе», «Звуки», «В альбом» и другие имели определяющее значение для формирования эстетических взглядов поэта.

Казахская действительность, идейно-творческие искания самого Абая неуклонно приводили его к Лермонтову. К произведениям поэта он обращался тогда, когда они содержали волновавшие его вопросы, когда он находил в них выражение своих мыслей и чувств.

¹² Ауэзов М. Биография Абая. — В кн.: Абай Кунанбаев. Полн. собр. соч. В 2-х т. (на каз. яз.). Т. 2. Алма-Ата, 1940, с. 35.

¹³ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 1, с. 653.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 29.

В 1882 г. Абай переводит «Бородино». Обращение казахского поэта к теме 1812 года не было случайным явлением.

В 1882 г. вся Россия праздновала 70-летний юбилей великой победы русского народа. К юбилею появились многочисленные журнальные и газетные статьи, научные и художественные произведения об Отечественной войне 1812 года. Абай, усиленно занимавшийся в эти годы изучением русской литературы и истории, разумеется, сталкивался с ними и был в той или иной мере знаком. Абай знал также роман «Война и мир» Л. Толстого, ему были известны, вероятно, произведения и Пушкина о «священной памяти двенадцатого года», и Лермонтова, не раз обращавшегося к теме Отечественной войны 1812 года. Еще в «Странном человеке» устами одного из студентов Лермонтов восклицал: «А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские?— такого примера не было от начала мира!»¹⁵.

«Бородино» Лермонтов написал в 1837 г. к 25-летнему юбилею Отечественной войны. Перевод его Абаем в год 70-летнего юбилея является фактом в высшей степени знаменательным: Абай выразил восхищение беспримерным героизмом и патриотизмом русского народа, проявленным им в 1812 г. Эти качества он ставил в пример своим соотечественникам.

Абай ценил и любил «Бородино» как произведение о подлинно народном герое. Ему были близки также и мотив недовольства настоящим состоянием общества и критика пассивности современников, на что в свое время указывал еще Белинский. Этот мотив, который получил затем в творчестве Абая последовательное развитие и привел его к переводу ряда лермонтовских произведений, посвященных этой теме, в том числе и к переводу «Думы», намечается у Абая уже в эти годы.

К сожалению, от перевода «Бородино» сохранилось лишь 20 строк, которые составляют четыре отрывка. Судя по ним, Абай перевел произведение полностью. Об этом свидетельствует, например, перевод стихов, посвященных ожиданию третьего дня сражения («Мы ждали третий день»).

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 4, с. 206.

«Ал, сенейін, сенейін» — перевод «Исповеди» («Я верю, обещаю верить») Лермонтова. Обращение Абая к этому стихотворению проливает яркий свет на его отношение к ревностным хранителям ислама. Абай резко критиковал мулл, фанатиков и других распространителей религиозного дурмана, разоблачал их как угнетателей народа, убедительно выявлял реакционную сущность их деятельности, раскрывал их невежество и отсталость.

Кітапты молда теріс оқыр.
Дағарадай боп сәлдесі,
Мал құмар, көңлі бек соқыр,
Бүркіттен кем бе жем жесі¹⁶.

* * *

Мулла в чалме огромной — невежда,
Читает книги вкривь и вкось,
Слеп душой темной, падок до скота.
На беркута, пожирающего добычу, походит
он,—

так писал Абай в 1891 г.

«Грязными душой» называет Абай лицемерных служителей религии в переводе «Исповеди», полностью солидаризуясь с Лермонтовым. Однако основными в лермонтовском произведении были критика современного ему общества, мотив неудовлетворенности окружающей его жизнью, страстное обличение ее пороков. Эти мысли и чувства Лермонтова оказались близкими и понятными Абаю. Близка была и жажда Лермонтова видеть человека с высокими порывами души, полезной общественной деятельностью, стремлением к другой, лучшей жизни.

В переводе Абай заменил заключительную строфу новой, а также внес значительные изменения в предпоследнюю строфу.

В строках

Жүрегімді қан қылды
Өткен өмір, өлген жан¹⁷.

* * *

Сердце обливается кровью
От жизни прожитой и умерших людей,—

¹⁶ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 132.

¹⁷ Там же, с. 132.

отдаленно воспроизводящих содержание оригинала, отражены собственные переживания поэта. У Лермонтова нет слова «умершие люди» («өлген жан»), а есть «умершие, но святые видения». Казахский поэт вложил в перевод свои настроения, знакомые по другим его произведениям.

«Ал, сенейін, сенейін» может служить примером того, как желание выразить в переводе свои чувства и думы вызывает изменение отдельных деталей, мотивов стихотворения.

Абай видел назначение поэзии в служении народу. Он резко выступал против поэтов, восхвалявших богачей, осуждал также увлечение в произведениях внешне занимательными, но малосодержательными событиями. Свой взгляд на поэзию наиболее ярко он выразил в таких произведениях, как «Өлең — сөздің патшасы, сөз сарасы» («Стих — царь слов, чистейшее слово»), «Біреудің кісісі өлсе, қаралы — ол» («Если умрет близкий; скорбит человек»), «Мен жазбаймын өленді ермек үшін» («Я не пишу стихов для забавы»). Социальная значимость, связь с передовыми идеями общества, доступность народу выдвигаются как основные критерии оценки художественного произведения. Абай переводит исповедь поэта из произведения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель». В. Г. Белинский восторженно оценивал это произведение и отмечал, что оно напоминает и идеей, и формой, и художественным достоинством «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина. Критик писал: «Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною»¹⁸.

В произведении «Журналист, читатель и писатель» внимание Абая привлёк лермонтовский вопрос: «О чем писать?». Именно с ответа на него начинается Абай свой перевод. Вопрос о содержании художественного произведения, о том, какие проблемы должны быть в центре внимания писателя, давно интересовал казахского поэта. В стихотворении «Адамның кейбір кездері» («У человека бывает время») — творчески свободном переводе лермонтовского произведения — Абай на высокий уровень

¹⁸ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 1, с. 679.

поднял обличительную поэзию, выдвигающую острозлободневные общественные темы.

Не менее показателен перевод произведения Лермонтова «Не верь себе». В этом стихотворении Лермонтов поставил вопрос о том, какой путь должен избрать себе молодой поэт. «В нем поэт решает тайну истинного вдохновения, открывая источник ложного, — писал об этом стихотворении Белинский. — Есть поэты, пишущие..., кажется, удивительно сильно и громко, но чтение которых действует на душу, как угар или тяжелый хмель, и их произведения, особенно увлекающие молодость, как-то скоро испаряются из головы»¹⁹. Именно о них говорит Лермонтов в своем стихотворении. Борец за высокоидейную реалистическую поэзию, он осудил интимную, чисто субъективную поэзию, лишенную большого социального содержания, романтический субъективизм, пустую мечтательность. Читателя не интересуют личные переживания поэта, если они не осмыслены как социально значимый факт, а есть лишь «гной душевных ран». Народные массы, измученные тяжелой жизнью, ждут ответа на важные жизненные вопросы, требуют разговора о жизни простых людей.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след
забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты!...
Поверь: для них смешон твой плач и твой
укор,
С твоим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным²⁰.

Проблемы, выдвинутые здесь Лермонтовым, волновали и казахского поэта; он понимал, как важно дать четкий

¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 1, с. 673.

²⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 45.

ответ на эти вопросы молодым поэтам. Надо быть поэтом-гражданином, к чему призывали великие русские классики, Лермонтов,— говорил Абай переводом этого произведения.

«Дума»— одно из главных итоговых произведений Лермонтова, подготовленное всем его предшествующим творческим развитием. По своим идейным мотивам оно тесно связано с «Героем нашего времени». Эту связь отметил еще Белинский, назвавший роман «грустной думой о нашем времени»²¹. В другой статье великий критик писал о «Думе»: «И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?.. Если под «сатирою» должно понимать не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования и грозу духа, оскорбленного позором общества,— то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род поэзии»²².

И вполне естественно, что Абай после перевода целого цикла произведений, отражающих основную ведущую тему творчества Лермонтова — тему негодования и беспощадной критики, обратился к «Думе». Этот путь идейных исканий Абая, который подводит его к переводу «И скушно и грустно», а затем через ряд произведений («Не верь себе», «Журналист, писатель и читатель») — к «Думе», характеризует магистральную линию развития его творчества, рост в нем обличительных гражданских мотивов.

Прежде чем приступить к разбору стихотворения Абая, отметим, что он подошел к переводу творчески и осуществил его, ориентируясь на казахскую действительность.

С то же прямоотой и «строгостью судьи и гражданина», с какой осуждал Лермонтов свое поколение последкабрьского периода, дается в переводе критика современников Абая.

Не снизить идейных и поэтических достоинств произведения Лермонтова в другой национальной среде, в других исторических условиях, сделать близким его людям иной культуры — таковы принципы, определяющие творческий подход Абая к переводу «Думы».

²¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 1, с. 626.

²² Там же, с. 672.

Большой самобытный поэт, Абай вдохнул в перевод новую жизнь. Величие Абая как художника заключается именно в том, что он, творчески переводя произведение на казахский язык, сумел полностью воссоздать весь дух произведения, его идейно-смысловую сущность, обличительный пафос.

Первая строфа стихотворения

Печально я гляжу на наше поколенье!	1
Его грядущее — иль пусто, иль темно,	2
Меж тем, под бременем познания и сомненья	3
В бездействии состарится оно ²³ —	4

передана Абаем так:

Қарасам қайғыртар жұрт бұл заманғы!	1
Салқын, қуыс өмірі я қараңғы,	2
Білім де жоқ, білімге сенім де жоқ,	3
Өнерсіз қартаяр деп біл балаңды ²⁴	4

* * *

Наводят на меня печаль современные люди:
Жизнь их иль холодна, иль темна,
Без знаний и без веры в познания,
Без дел полезных (ремесел, искусств. — *З. А.*)
состарятся наши дети.

В стихе 2 «грядущее» Абай заменил словом «жизнь». Вместо стиха «Меж тем под бременем познания и сомненья» читаем: «Без знаний и без веры в познания», что, естественно, Абай считает более применимым по отношению к своим современникам. Небезынтересно также, что Абай как просветитель, постоянно призывавший к овладению казахов русской культурой, наукой, искусствами и ремеслами, в стихе 3 слово «в бездействии» заменил более конкретным «өнерсіз», означающим «без ремесел, без искусств» (без мастерства в широком смысле слова).

Стих «И перед властью — презренные рабы» 3-й строфы у Абая звучит: «Перед властителем (начальством) покорны, как рабы» («Ұлыққа қошаметшіл құл сыяқты»). Вспомним стихотворение Абая «Управитель начальству рад» («Мәз болады болысың арқаға ұлық қаққанға»).

Свободный характер обращения с отдельными частями текста оригинала, замена или изменение их главным

²³ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 2, с. 39.

²⁴ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 2, с. 103.

образом обусловлены ориентацией перевода на казахскую действительность: Как мы попытались выше показать на отдельных примерах, ряд стихов изменен именно в плане отражения особенностей казахской жизни.

Само собой разумеется, что жизнь России 30-х годов 19 века, которую отразил Лермонтов в своей «Думе», во многом отличалась от жизни современников Абая, и вполне понятно, что перевод, претендующий на то, чтобы быть думой о казахской жизни, должен был в соответствии с этим претерпеть определенные изменения. К примеру, стих «Под бременем познания и сомнения», отражающий характерную черту Печорина, героя лермонтовского времени, теряет свое звучание в другой национальной среде. «Без познаний и без веры в познания» — так по-лермонтовски обличительно определил Абай характерный порок казахского общества. Однако отступления и изменения при переводе не помешали Абаю верно и полно передать идейно-смысловое содержание произведения.

Перевод «Думы» выполняет новый социальный заказ — критику устоев патриархально-феодального общества. И не случайно Абай счел нужным заменить последнюю строфу новой, где он выявляет еще один основной порок «героев» своего времени:

Мал үшін аш қатасың, жан сатасың,
Әкесін мал өлтірген кісідей-ақ
Неткен жұрт мал өлтірген жеті атасын! ²⁵

• • •

Ради скота идут на все, продают и совесть.
Что за люди? Для них нет ничего превыше
скота!

Смысл этих слов раскрывается еще глубже, если вспомнить, как характеризовал Абай богачей еще в 1891 г., в восьмом слове «Назиданий»: «Думают они: вот сядет им на голову птица счастья, и станут они владельцами полумира, умножат стада и все купят за свой скот. Так ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье разум, наука — все это для них ниже скота. Для них религия — скот, народ — скот, знание — скот, совесть — скот» ²⁶.

Острием своим перевод «Думы» направлен против байско-феодальной верхушки степи. О ней же Абай го-

²⁵ Кунанбаев Абай. Собр. соч., т. 1, с. 104.

²⁶ Кунанбаев Абай. Соч., с. 334.

ворит: «Покорны перед начальством (перед царским чиновником. — З. А.), как рабы».

Выше мы привели один пример, свидетельствующий о тесной связи этого мотива с произведениями Абая. И таких примеров можно было бы привести множество. Абай в своих произведениях не только сообщает эти факты, но и раскрывает на их основе всю продажность степных управителей и баев.

Одной из основных идейно-тематических линий перевода является осуждение бездельности, бессмысленной жизни, не приносящей пользы народу, и призыв к полезному труду, к знаниям и науке.

Все это подтверждает глубокую неразрывную связь перевода с предшествующими произведениями Абая.

Многие произведения 80-х и первой половины 90-х годов, в которых ведущими мотивами являются протест против байско-феодальной верхушки, острая критика основ патриархально-феодального общества и устоев старой культуры и морали, призыв к знаниям и к труду, к культурному сближению с русским народом, привели Абая к переводу «Думы» Лермонтова.

Творческий характер переводов проявляется в каждом из них по-разному, ибо многообразны методы передачи текста оригинала, различны степень проявления индивидуальности поэта-переводчика, степень близости перевода к оригиналу.

К числу переводов, которые с большой точностью и верностью воссоздают русский оригинал на казахском языке, можно прежде всего отнести переводы стихотворений «Выхожу один я на дорогу» («Жолға шықтым»), «В альбом» («Альбомға»), «Парус» («Жалау»). В них полно и верно передается смысловое содержание русского стихотворения, но степень близости к оригиналу неодинакова. С необыкновенным языковым чутьем и мастерством, находя казахские аналоги русских поэтических выражений, Абай по возможности сохраняет образы, метафоры, стилистические особенности лермонтовского оригинала. В переводах таких стихотворений, как «Выхожу один я на дорогу», «Пленный рыцарь», удается близко воспроизвести также и особенности интонационно-ритмического звучания русского оригинала.

Почти половина всех переводов — это свободные, вольные переложения. Среди них мы находим произведе-

ния, лишь частично являющиеся переводами («Адамның кейбір кездері» («Бывает время у человека») — отрывок из стихотворения «Журналист, читатель и писатель»; переводы, сделанные с установкой на казахскую жизнь («Ой» — «Дума»); переводы с добавлениями или же сокращениями («Қасиетті дұға» — «Молитва» и другие произведения).

Некоторые произведения переведены в двух вариантах («Молитва», «Выхожу один я на дорогу»).

Стремление не снизить идейную заостренность лермонтовского произведения, сделать его наиболее действенным и в то же время понятным и доступным народным массам казахов, с одной стороны, желание выразить в переводе свой внутренний мир, внести в него свои мысли и чувства, не ограничиваясь лишь рамками оригинала, с другой, — таковы принципы творчески свободного отношения Абая к переводу произведений, внесения изменений в переводы.

Именно этими принципами определяются установка перевода на казахскую действительность, внесение в перевод отдельных моментов местного быта, жизни и культуры, а также сокращение и замена отдельных малопонятных казахам стихов или поэтических образов.

Этими принципами определяются также введение новых строк, измененная передача стихов в плане отражения своей внутренней жизни.

Подавляющее большинство произведений русского поэта, переведенных Абая, ставит и проблемы, которые мы часто встречаем в его творчестве. Неудовлетворенность современным состоянием общества, острая критика социальной несправедливости, бездействия и равнодушия, тема поэта-гражданина, поэта-обличителя одинокого, гордого, не преклоняющего голову человека, являются основными мотивами этих произведений.

Круг тем и идей переводов, как и связь последних с оригинальными произведениями Абая, еще раз свидетельствует о том, что казахский поэт искал в творчестве Лермонтова опору для своего поэтического развития.

Произведения Лермонтова в переводах Абая на протяжении многих лет служили делу приобщения казахов к передовой русской культуре.

В 1903 г. А. П. Седельников писал о том, что казахскому поэту принадлежат переводы многих стихотворений Лермонтова, который для казахов «оказался наиболее понятным»²⁷.

Несколько позже краевед А. Белослюдов в статье, посвященной казахской поэзии, также говорит о широкой популярности переводов из Лермонтова²⁸. Он указывает, что Абай перевел «много стихов Лермонтова», стихи Пушкина, басни Крылова, и свидетельствует, что переводы его «встречаются во всех концах киргизской (казахской. — З. А.) степи»²⁹.

Писатель М. Ауэзов отмечает, что «грамотные девушки из абаевской среды, выходя замуж, увозили в числе своего приданого рукописный сборник стихов Абая, в котором неизменно присутствовали пушкинские и лермонтовские стихи»³⁰.

В высшей степени показательно, что лермонтовское стихотворение «Горные вершины» переведенное казахским поэтом, известно и поныне в народной среде, как и пушкинское «Письмо Татьяны». Мелодию к нему также создал Абай.

Переводы усиливали интерес казахской молодежи к русскому языку и литературе. «Через Абая я узнал о Пушкине, о Лермонтове, о Некрасове, и тогда решил научиться русскому языку»³¹ — вспоминает известный писатель Сабит Муканов.

Не так часто случается, чтобы шедевром национальной поэзии стали переводные стихотворения, а именно это и произошло с абаевскими переводами из Лермонтова. В настоящее время тысячи казахских читателей со школьного возраста знают наизусть такие стихотворения, как «Парус», «Кинжал», «Дума», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека» в переводах Абая. Эти стихотворения «до сих пор остаются непревзойденными по точности и мас-

²⁷ См. в кн.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В. П. Семенова. Т. XVIII. Спб., 1903, с. 204.

²⁸ Белослюдов А. О киргизской поэзии. — «Сибирский студент», 1915, № 3—4, с. 77.

²⁹ Там же, с. 77.

³⁰ Ауэзов М. Гениальные творения. — «Культура и жизнь», 1949, 31 мая.

³¹ Муканов С. Мои мектебы. М., «Детгиз», 1947, с. 55.

терству среди переводов Лермонтова на казахский язык»³²

Традиции Абая по освоению наследия Лермонтова и других русских классиков были подхвачены и продолжены многими казахскими поэтами и писателями демократического направления. К произведениям Лермонтова, как и Пушкина, Гоголя, Толстого и других, часто обращались в последующем казахские писатели-демократы Султанмахмут Торайгыров, Спандияр Кубеев, Мухамеджан Сералин, Бекет Утетлеуов, в общественно-литературной деятельности которых стремление к просвещению родного народа также было неразрывно связано с изучением, популяризацией произведений русских писателей.

Октябрьская революция сделала произведения Лермонтова всенародным достоянием читателей в Казахстане, как и во всей Стране Советов. В советскую эпоху русско-казахские литературные связи приобрели совершенно новое качество, определяющееся тем, что казахская литература является неотъемлемой составной частью единой многонациональной советской литературы.

Казахские писатели выступают сегодня не только как продолжатели традиций Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина. Они являются носителями всего лучшего, что создано в процессе многовекового культурного развития народов СССР, наследниками Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Толстого и Чехова, Горького и Маяковского, Навои и Низами, Шевченко и Чавчавадзе, Ахундова и Махтумкули и многих других выдающихся деятелей народов СССР. Творческое сознание казахских писателей, как и писателей других братских народов, обогащено всем тем, что создано выдающимися советскими писателями — Шолоховым, Островским, Фадеевым, Твардовским, Фединым, Леоновым и другими. Вне творческой связи с русской литературой нельзя себе представить ни одного из видных казахских писателей, с именами которых связаны наиболее значительные успехи современной литературы: Сейфуллина, Джансугурова, Майлина, Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина. Большую роль в укреплении этих связей играют видные деятели русской литературы. Великий Абай еще в дореволюционный период внес неоценимый

³² Ауэзов М. Жизнь и творчество Абая. — В кн.: Мухтар Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, КГИХЛ, 1961, с. 143.

вклад в распространение произведений Пушкина и Лермонтова в Казахстане. В наши дни замечательный русский писатель Леонид Соболев — неутомимый популяризатор произведений не только Абая, но и романа Мухтара Ауэзова об Абае.

Начиная с С. Сейфуллина и И. Джансугурова, многие казахские поэты и писатели являются страстными почитателями таланта Лермонтова. Подобно М. Горькому и В. Маяковскому Лермонтов был близок казахским поэтам и писателям — творцам новой социалистической литературы — стремлением к борьбе, к активному действию, высоким гражданским пафосом, пронизывающим все его творчество.

Так же, как в свое время русские друзья Чокана Валиханова отмечали в его облике черты сходства с Лермонтовым, современные казахские критики находят мотивы, созвучные лермонтовским, в произведениях Сакена Сейфуллина, Касыма Аманжолова и других мастеров казахской поэзии. Разумеется, в каждую эпоху по-новому раскрывается неисчерпаемо глубокий смысл лермонтовских образов и мотивов. После победы революции советские поэты следовали лермонтовским традициям, чтобы в своем поэтическом творчестве отразить революционный подвиг народных масс, стремление простых людей к свободе, к новой жизни. Они видели в поэзии Лермонтова опору идеям революционного преобразования мира, созидания нового общества. Именно так воспринимали поэзию Лермонтова в первые годы Советской власти и казахские поэты Сакен Сейфуллин и Ильяс Джансугуров, а затем Сабит Муканов, Касым Аманжолов, Таир Жароков, Жумагали Саин и другие деятели казахской литературы.

В условиях Советской власти открылись широчайшие возможности для распространения произведений Лермонтова. Сочинения великого русского поэта издаются на казахском языке массовыми тиражами. Над переводами произведений Лермонтова на казахский язык наряду с названными поэтами немало потрудились Г. Орманов, Т. Жароков, А. Тажибаев, А. Сарсенбаев, Д. Абилов, С. Мауленов, Х. Ергалиев, М. Алимбаев, К. Тогузаков, Х. Бекхожин, Дж. Мулдагалиев, К. Шангитбаев, Г. Қайрбеков, К. Жармагамбетов, С. Сеитов, Т. Алимкулов, И. Мамбетов и другие. Плодом больших творческих усилий является перевод «Героя нашего времени», сделан-

ный Ж. Саиным, а также перевод драмы «Маскарад», над которым работал К. Аманжолов.

Как справедливо отмечал казахский литературовед М. Каратаев, «в переводах Лермонтова на казахский язык принимали участие все современные казахские поэты»³³. Действительно, почти все талантливые мастера казахской литературы так или иначе вступают в своего рода творческое соревнование с великим русским поэтом, стремясь донести до читателей в казахском переводе все богатство содержания и тонкости художественной формы лермонтовских творений. Не случайно ряд произведений русского писателя, включая роман «Герой нашего времени» и ряд поэм, имеют два и более перевода.

Достаточно отметить, что «Смерть поэта» Лермонтова казахский читатель знает не только в известном переводе Ильяса Джансугурова. Имеются также два других перевода этого бессмертного творения русского поэта, один из которых принадлежит К. Аманжолову, а другой — К. Тогузакову. Произведения Лермонтова представляют собой подлинную школу высокого художественного мастерства, глубокого раскрытия жизненной правды.

Отмечая сделанное в этом направлении, следует, однако, сказать, что перевод произведений Лермонтова на казахский язык не является полностью решенной проблемой. Прежде всего необходимо значительно расширить круг переводимых произведений. Не отрицая того, что литературный уровень переводов произведений Лермонтова на казахский язык все более повышается, следует подчеркнуть, что в этой области имеются еще значительные возможности для плодотворной творческой работы казахских поэтов и писателей. Надо добиваться, чтобы переводы лермонтовских произведений на казахский язык прочно входили в национальный фонд литературы.

Разумеется, казахские читатели знакомятся с произведениями Лермонтова не только по переводам. Многие любители поэзии в нашей республике, как и в других братских республиках, читают его произведения в оригинале, на том языке, на котором их создал гениальный русский поэт.

Казахский народ в наше время знает Лермонтова уже не только по его собственным произведениям. Великий

³³ Каратаев М. Мировоззрение и мастерство. Алма-Ата, «Жазушы», 1965, с. 512.

русский поэт стал одним из любимых художественных образов: многие казахские поэты создали и создают стихи о Лермонтове, о тех местах, где в свое время бывал поэт, о его жизни и поэтическом творчестве. Не только сам Лермонтов, но и его герои стали ныне объектом казахской литературы. Каждая лермонтовская юбилейная дата празднично отмечается как в совхозах, колхозах и городах, так и в научно-творческих организациях, вызывая новые стихи-посвящения и яркие выступления о нем.

Ныне творчество Лермонтова завоевало признание всех народов Советского Союза. Они воспринимают это драгоценное наследие как часть величайшей духовной культуры, созданной русским народом, которую советский строй сделал достоянием всего прогрессивного человечества.

Часть II

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Советская литература — детище Великой Октябрьской социалистической революции. Самое ее возникновение как качественно нового, небывалого прежде явления, стало возможным лишь благодаря победе Октябрьской революции. На протяжении всей своей истории советская литература развивается под благотворным воздействием идей Октября как художественное воплощение этих идей. Принципиальная новизна советской литературы прежде всего определяется тем, что она является отражением новой социалистической действительности, советского строя, тех грандиозных революционных преобразований и тех великих свершений и побед, которые достигнуты советским народом под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Великая Октябрьская революция, ознаменовавшая рождение нового социалистического общества, создала реальные условия для беспрецедентного в истории расцвета художественного гения всех народов нашей страны. Благодаря победе революции казахскому народу, как и другим народам России, стали доступны высшие достижения человеческой мысли — науки, искусства и литературы.

«Раньше,— говорил В. И. Ленин,— весь человеческий ум, весь его гений творил для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и

гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»¹

Претворение в жизнь ленинской национальной политики дало возможность казахскому народу строить в дружной семье советских народов новую жизнь, невиданными темпами идти к вершинам культуры и прогресса.

Результатом победы Великой Октябрьской революции явилось создание Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире социалистического государства, социалистической Отчизны всех народов нашей страны.

Благодаря этому оказалось возможным возникновение и развитие новой многонациональной литературы народов СССР как единой литературы социалистического реализма. Литература казахского народа в новых условиях развивается в едином русле всей советской литературы, литературы социалистического реализма, самой идейной и самой передовой в мире.

Социализм создает новые общественно-исторические условия для развития литературы, определяет ее качественно новые закономерности. В. И. Ленин указал важнейшие особенности литературы эпохи социализма: подлинная массовость и народность, глубоко правдивое отражение жизни, принцип партийности как высшее выражение коммунистической идейности. «Это будет свободная литература,— писал В. И. Ленин,— потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность...»²

В работе «Партийная организация и партийная литература», написанной в 1905 г., В. И. Ленин выдвинул и гениально обосновал принцип партийности литературы.

«Литература должна стать партийной,— писал В. И. Ленин.— В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой,— социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

² Там же, т. 12, с. 104.

принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»³.

Раскрывая сущность принципа партийности литературы, В. И. Ленин говорил: «Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса»⁴.

Лишь благодаря своим новым качествам — коммунистической идейности, народности и правдивости — литература в стране победившей социалистической революции полностью отвечает требованиям новой эпохи, насущным задачам строительства социализма.

Отражая социалистическую действительность, все то новое, что рождается к жизни советским строем как результат революционной преобразующей деятельности Коммунистической партии и советского народа, литература становится новой по содержанию, тематике и образам, новаторской по выразительным средствам: жанровым формам, языку и стилю и т. п. Она выдвигает совершенно новый художественный метод — социалистический реализм, что является закономерным процессом развития литературы в условиях социализма.

Выдвинутое Лениным положение о том, что художественное творчество в социалистическом обществе должно быть неотъемлемой частью общепартийного, общепролетарского дела, определило собой главное направление политики нашей Коммунистической партии в области литературы и искусства. Осуществление ленинского принципа партийности литературы на практике было важнейшим условием развития и полного расцвета социалистической литературы. Принцип партийности литературы явился основой сплочения всех прогрессивных деятелей литературы и искусства на идейно-политической платформе Советской власти. Направляя партийное руководство развитием советского искусства в первые годы после Октябрьской революции, Ленин отдал немало сил и энергии последовательному проведению в жизнь принципа партийности литературы.

Руководствуясь ленинским учением о литературе, ленинским принципом партийности литературы, Коммуни-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100.

⁴ Там же, с. 100—101.

стическая партия сплотила писателей, деятелей искусства для борьбы за создание социалистической литературы, теснейшим образом связанной с насущными задачами строительства нового общества.

Разработанный Владимиром Ильичем Лениным и подтвержденный всем последующим опытом развития социалистической литературы в нашей стране и в других странах ленинский принцип партийности литературы представляет собой неоценимый вклад в науку о художественном творчестве.

Ленинский принцип партийности литературы стал основой метода социалистического реализма, в котором правдивое историческое изображение действительности в ее революционном развитии сочетается с задачей идейного воспитания трудящихся в духе социализма. Метод социалистического реализма получил широкую и всестороннюю разработку и развитие в многонациональной советской литературе и искусстве. Вместе с тем он успешно завоевывает видное место в прогрессивной литературе всего мира. Никогда ранее литература не была поднята на такую высоту и не играла такой важной роли, как в нашем социалистическом обществе. Никогда еще перед писателями не ставились столь масштабные и благородные задачи, какие поставили перед ней Ленин и Коммунистическая партия.

Примером подлинной партийности явились произведения М. Горького, В. Маяковского, в которых воплощены высокие идеалы коммунизма, утверждается красота духа советского человека, его чувств и мечтаний. Советские писатели и деятели искусства создали немало замечательных произведений, правдиво и всесторонне отражающих борьбу и созидательный труд народных масс.

Служение народу, делу строительства коммунизма, преданность ленинской Коммунистической партии — вот качества советского писателя, характеризующие его как писателя нового типа.

«Мы живем в счастливой стране,— писал М. Горький, — где есть кого любить и уважать. У нас любовь к человеку должна возникнуть — и возникнет — из чувства удивления пред его творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной трудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является вождем тру-

дового народа всей страны и учителем пролетариев всех стран»⁵.

Казахская советская литература — одно из ярких проявлений грандиозной культурной революции, происшедшей в республике за годы Советской власти. Большие успехи художественной литературы свидетельствуют об огромных достижениях казахского народа в строительстве новой социалистической культуры, о невиданном расцвете его духовных богатств.

Путь развития, который прошла казахская литература за сравнительно короткий исторический период, характеризуется необыкновенной насыщенностью содержания, стремительностью темпов.

Победа Октябрьской революции, социалистическая действительность определили все развитие казахской литературы, ее содержание, характер и направление. Лишь литература, кровно связанная с задачами новой социалистической эпохи, с помыслами народа, поднявшегося на борьбу за новую жизнь, могла плодотворно развиваться и стать подлинно народным, партийным искусством. Писатели и поэты черпали вдохновение в идеях Октябрьской революции, в своих произведениях утверждая идеи Октября, звали народные массы к активному участию в строительстве социалистического общества.

Революция в корне изменила общественное положение народных певцов и поэтов. Избавившись от прежней экономической и духовной зависимости от эксплуататорской верхушки феодального общества, они теперь получили полную свободу для проявления и развития своего таланта.

Партия и правительство проявляют повседневную заботу о трудящихся, последовательно поддерживают расцвет культуры, искусства, литературы и народного творчества. Народные певцы, поэты, освобожденные от экономического, политического и нравственного гнета и окруженные заботой и вниманием, полным голосом славят счастливую жизнь, которую принесла трудящимся революция.

Развитие народного творчества, расцвет художественной культуры явились неотъемлемой частью процесса

⁵ Горький М. О социалистическом реализме. — В кн.: М. Горький о литературе. М., «Советский писатель», 1953, с. 614.

больших культурных изменений, культурной революции в Казахстане, планомерно и последовательно проводимой партией. Деятельность партии и правительства по ликвидации неграмотности, расширению сети школьного образования, подготовке кадров советской интеллигенции в республике, развитие печати, большая культурно-просветительная работа среди населения — все это способствовало расцвету поэтического творчества, развитию сознания певцов и поэтов, росту уровня их поэтической культуры.

В стихотворении «Песня Октября» Джамбул выразил глубокое понимание народными певцами поистине всеобъемлющего характера темы революции. Тема победы революции явилась центральной в произведениях певцов и поэтов. В самой гуще народа слагались песни и стихи, восславляющие победу Советской власти, вождя революции В. И. Ленина.

Тема революции уже в 20-х годах занимает видное место в песнях и поэмах народных певцов Джамбула Джабаева, Нурпеиса Байганина, Исы Байзакова (замечательного поэта-импровизатора, умело соединявшего в своем творчестве традиции народных певцов с достижениями письменной поэзии), Кенена Азербаева, Нартая Бекежанова, Доскея Алимбаева, Саядыла Керимбекова, Омара Шипина, Нурхана Ахметбекова и многих других.

Устно-поэтическое творчество казахского народа, имевшее богатые традиции, становится после победы Октября качественно новым искусством. В создании его участвуют широчайшие массы освобожденного народа. Его народность проявляется прежде всего в горячей любви к советскому государственному строю, Коммунистической партии. В народном творчестве, в произведениях таких крупных народных мастеров, как Джамбул, художественно воплотились важнейшие политические события в жизни народа. Акыны воспевают победу революции в Казахстане, новую, счастливую жизнь советских людей.

Песни народных акынов наглядно подтверждают, как трудящиеся массы восприняли Октябрьскую революцию, победу Советской власти. В сознании трудящихся Советская власть, освободившая народ от гнета, давшая ему свободу, землю, право на труд, и Ленин — организатор революции, вождь народа, неотделимы. В песнях народных певцов о революции, об установлении Совет-

ской власти, о партии, Ленине, его соратниках отразился процесс обновления сознания трудящихся масс.

Победа Великой Октябрьской революции в сознании народных масс воспринималась как величайшее событие, в корне изменившее судьбы народов. Через все произведения о революции, о новой жизни проходит контрастное сопоставление дореволюционного прошлого и настоящего. Дореволюционной бесправной, безрадостной жизни противопоставляется жизнь в советскую эпоху — свободная и счастливая.

Революция — «заря», «солнце»; она принесла свет, счастье всем трудящимся, освободила их от эксплуатации. Здесь старые традиционные сравнения («заря» — «таң» и др.) осмысливаются по-новому. В старой системе образов народное поэтическое мышление ищет и находит выражение для новых понятий. «Таң» («заря»), «күн» («солнце») — оптимистические полноценные образы народного творчества. Именно их употребляет народ, при их помощи художественно осмысляет и обобщает значительные явления социальной действительности. Посредством их народ выражает свое отношение к социальным явлениям мирового значения, новым сторонам общественно-политической жизни. Революция в народном сознании воспринимается не как счастье, ниспосланное богом, а как историческое событие, совершенное самим народом под руководством партии Ленина.

Казахские трудящиеся чувствуют себя кровно связанными с вождем революции, питают к нему глубокую любовь. Любовь к Ленину у казахского народа неотделима от любви к советскому государству. В этой связи важно отметить, что само понятие родины в сознании акынов расширилось, приобрело новое значение. Казахстан мыслится составной частью Страны Советов, возрастает понимание общности судеб народов СССР. В процессе общей совместной борьбы народов за новую жизнь преодолеваются национальная ограниченность, остатки былого недоверия одного народа к другому.

Значительное место в устном народном творчестве этого периода занимают произведения о гражданской войне. В них нашла отражение героическая борьба казахского народа, защищавшего великие завоевания Октября вместе с другими братскими народами под руководством великого русского народа.

В произведениях народного творчества Красная армия изображается подлинно народной армией Ленина. Бедняки-казахи охотно идут в ее ряды («Бай и красноармеец»).

В своем произведении «Октябрь нұр ғой» («Октябрь — свет») Р Малабаев воспел победу Красной Армии и описал бесславный конец Деникина, Врангеля, Семенова. Волга поглотила армию Толстова, Колчака, Дутов бежал в сторону Монголии. Вместе с ними ушли нужда и горе.

Та же участь постигла и алашордынцев, этих защитников баев, отстаивающих интересы эксплуататоров:

Күзеткен Алашорда байлар бағын,
Жоқ болды секілденіп жазғы сағым ⁶

• • •

Алашорда, сторожившая счастье байское,
Подобно мимолетному отблеску летнего
солнца исчезла.

В борьбе за утверждение завоеваний революции, в ходе гражданской войны окрепла дружба двух народов. Вот почему во многих произведениях, изображающих события этих лет, одной из главных является тема дружбы русского и казахского народов, идея их братства.

В песнях и поэмах народных певцов художественно убедительно раскрывается роль таких замечательных сынов русского народа, принявших прямое участие в борьбе за установление Советской власти в Казахстане, как Фрунзе, Куйбышева, Фурманова, Чапаева и др. Произведения, в которых народ славит видных деятелей партии, героев гражданской войны, ярко свидетельствуют, что казахские трудящиеся глубоко осознавали ведущую роль русского народа в совместной борьбе казахских и русских трудящихся за установление и укрепление Советской власти в Казахстане.

Народные певцы создали замечательные поэмы об Амангельды Иманове, А. Джангильдине, Т. Бокине и других, воспели их как руководителей нового типа, выращенных в среде казахского народа Коммунистической партией, деятелей, воспитанных на идеях ленинизма.

⁶ Материалы рукописного фонда Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР.

Образы таких людей, как Амангельды Иманов, боровшихся за идеи социализма, за победу и укрепление Советской власти, стали в устно-поэтическом творчестве идеалом народного героя, и это явилось отражением перелома в сознании казахских трудящихся; восприятие народом образов таких деятелей, как подлинных героев, означало, что трудящиеся казахи все более проникались идеями социализма, преданности Советской власти, Коммунистической партии.

С равной любовью и гордостью воспевают акыны героические подвиги Чапаева, Фрунзе и казахского батыра — Амангельды. В образе Амангельды как национального героя, борющегося за Советскую власть в Казахстане, выражено народное отношение к Советской власти, поддержка ее казахскими трудящимися как родной им и близкой. Русские большевики помогают Амангельды. Дружба русского и казахского народов в ходе гражданской войны закалялась в совместной борьбе, и эта тема нашла свое отражение в произведениях народных акынов, воспевающих события этих лет, классовую борьбу русских и казахских трудящихся против белогвардейцев и алашордынцев (поэма Н. Ахметбекова).

Тема классовой борьбы проходит через все произведения народного творчества этого периода, поскольку это было время ожесточенной классовой борьбы, борьбы с баями, муллами и другими представителями эксплуататорского класса.

Специфика постановки этой темы в данный период вытекает из того, что классовая борьба после революции приобретает новые формы. До революции в устном народном творчестве эта тема широко освещалась, однако тогда классовая борьба являлась борьбой угнетенных и зависимых с властью имущими, протестом эксплуатируемых против господ. Когда же трудящиеся классы победили, взяли в свои руки власть, классовая борьба принимает формы подавления сопротивления со стороны свергнутого класса эксплуататоров. В произведениях народного творчества немалое место занимает критика баев, прежних властителей, которые всячески стараются нанести вред делу восстановления народного хозяйства в стране.

В одном из произведений акына К. Баймагамбетова («Атқа мінер» — «Властитель») разоблачается богач, об-

манным путем уклоняющийся от уплаты налогов советскому государству. Он на словах за Советскую власть, тем не менее это лишь маскировка. Он не брезгует никакими средствами, чтобы обмануть органы Советской власти, скрыть свой скот⁷. однако эксплуататоры уже теряют почву под ногами («Атқамінер әлсіреп, ала көзді буралар мұрындықтан жырылды» — «Властители лишились былой силы, они уже не страшны»)⁸

Созданные народом многочисленные произведения о кедеях-бедняках, где они выступают как активные деятели, борцы за новую жизнь, свидетельствуют о развитии политического сознания трудящихся, о ясном понимании ими своих классовых интересов: «...Бай соғылып теңселді, төре менен министр, шен тағынған офицер, төмен төсеп еңсені... кедей алды кеңсені» («Богачи потерпели крах, төре и министры, офицеры в погонах свесили головы, а у власти встали бедняки»)⁹.

Видную роль в народном творчестве этого периода играет тема Советской власти как истинно народной. В повседневной жизни народ все более убеждается, что Советская власть последовательно защищает интересы трудящихся, интересы народа («Қорғаушы еңбегінді советің тұр»), на деле осуществляет равноправие всех народов:

Советке бәрі өзінің баласындай,
Орыс, қазақ, өзбек, татар дағы.
Советтей шын жүректен қарай қоймас.
Тапқан шеше таптырған атаң дағы¹⁰.

* * *

Советам все народы как родные сыновья —
Русский, казах, узбек и татарин.
Едва ли могут так сердечно относиться к тебе
Даже мать родная, родной твой отец.

Трудящиеся массы при Советской власти получили возможность приобщиться к просвещению:

⁷ «Еңбекші қазақ», 1929, № 165.

⁸ Баймағамбетов Қ. Бет ауылға бұрылды. — В кн.: Кедей жыры. Алма-Ата, 1929.

⁹ Там же.

¹⁰ Материалы рукописного фонда Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова.

Мұғалім ауыл басы школ беріп,
Халықтың жатыр совет көзін ашып ¹¹.

* * *

Давая каждому аулу школу и учителя,
Советы открывают глаза народу.

— «Да здравствует многие годы Советская власть!»
(«Советтің үкметі көп жасасын!») — вдохновенно поет
Джамбул в песне «Қазақстан тойына».

Во многих песнях акынов поется о том, что казахская женщина, ранее бесправная и забитая, при Советской власти становится общественным деятелем, руководящим партийным работником.

В народном сказе «Бай и красноармеец»¹² повествуется, как бедняк, честно служивший в рядах Красной Армии, вернулся в родной аул и стал председателем колхоза вместо бая, пробравшегося на эту должность под видом бедняка.

Новые взгляды, новые понятия народных певцов, их новое отношение к жизни особенно ярко выразились в создании образа Ленина. Ленин в народном сознании — образец вождя нового времени, выражение социалистических идеалов масс. В дооктябрьском фольклоре отношения масс и вождей представляли как отношения неспособных к активной, деятельной защите своих интересов людей с их покровителем, защитником и предводителем, наделенным исполинской физической силой и внутренней стойкостью. Теперь же масса, пробужденная к исторической деятельности, идет за Лениным, строя под его руководством новую жизнь.

С большой поэтической силой раскрывается образ Ленина в произведениях Джамбула:

Шестьдесят лет отвалило, когда
И я к семидесяти шагал —
Долю, невиданную никогда,
Увлекающую, как вода,
Долю Ленин нам показал!
Из рабов создавая бойцов,
Величие нашим дням показал.
Тут с царя сорвали венец,
Трон его осыпал свинец,
Ветром развеяли грозы его...

¹¹ Материалы рукописного фонда Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова.

¹² «Рабочая Москва», 1936, № 119.

В блеске утренних огней
 Люди вздыбили коней
 И, обернувшись лицом к Москве,
 Ринулись по земле своей
 С Лениным на устах... Эгей!
 Тогда-то и мы прогнали своих
 Баев, манапов и волостных.
 С той поры любой казах
 Приобрел для движения путь.
 Душу вдохнула в себя его грудь!¹³

Пер. И. Сельвинского

В произведениях народных акынов Ленин — вождь угнетенных, он разрушил старый эксплуататорский строй, в суровой борьбе привел народ к счастью, дал свободу и землю казахским трудящимся. Революция в народном понимании — это прежде всего победа угнетенных над эксплуататорами, Ленин — вождь и организатор этой победы.

«Ноқталанып байланған
 Өңкей бейнетқорлардың
 Суырып күшпен желісін,
 Бұғауынан ағытты
 Езілген ұсақ таптарды,
 Жоқ қылды жойып ақтарды.
 Он жетінші — жылында
 Октябрьдің ішінде
 Өкіметті қолға алды»¹⁴.

* * *

Лишенным свободы,
 Закабаленным труженикам
 Завоевал он свободу.
 Освободил от цепей
 Угнетенные массы,
 Белых разгромил.
 В семнадцатом году
 В октябре
 Была завоевана власть.

Революция осмысливается народом как начало новой жизни. Во всех произведениях, посвященных строительству новой жизни, свободному труду советского чело-

¹³ Антология казахской поэзии. М., ГИХЛ, 1958, с. 286—287.

¹⁴ Жанғабылов С. Асқан Ленин данышпан. Материалы рукописного отдела Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР.

века, освобождению веками угнетенной казахской женщины, социалистическому строительству, в песнях-призывах беднякам приобщиться к активной общественной жизни, в произведениях, где бичуются враждебные действия свергнутых революцией баев и мулл,— везде главной является тема революции, положившей начало счастливой жизни, воспеваются вождь партии и государства — Ленин.

Ленин — («данышпан») мудр, всесилен. Но это мудрость не мудрость старого бия и пайгамбара (пророка),

Ақылына Лениннің
Болмаған ешкім шамалас,
Үш жүз жылдай бекінген
Төңкеріп тауды болды бас ¹⁵.

* * *

Умом с Лениным
Никто не сравнится.
Он стал вождем, свергнув гору,
Триста лет прочно стоявшую,—

это мудрость борца за новый строй, за интересы трудового народа, человека, который знает, как бороться и побеждать.

Народные массы осознают идею социалистической революции как ленинскую идею. На фактах революционной действительности, на своей судьбе, на фактах жизни аула зримо и конкретно трудящиеся-казахи проникаются идеями ленинизма. В политическое сознание народа новое входит вместе с жизнью, вместе с теми изменениями, которые вызвала в ауле революция.

С именем Ленина в народном сознании связываются все победы, одержанные трудящимися, все новое, рожденное в результате победы Советской власти в ауле.

Поэтические определения и образы выражают новый аспект самосознания народа, который повседневно на жизненных фактах видит осуществление ленинских декретов. «Ақ жолың адым сайын анықталған» («Справедливость твоего пути становится яснее с каждым шагом») — поется в песне того времени.

¹⁵ Сұлтанмұратов Ә. Еңбекші таптың Ленині. Материалы рукописного фонда Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР.

Народное сознание наделяет Ленина исключительными качествами. Ленин велик и прост, он доступен массам, ибо он — вождь трудящихся, он объединил в Советы «многие народности». Ленин — защитник малых народов («Уақ ұлттың қыраны»).

Понимание образа Ленина народом и конкретно широко. Ленин — вождь трудовых людей, близки каждому простому человеку. Он вождь и казахского народа, в чем заключается понимание интернационального характера образа Ленина. Народная мысль при создании образа Ленина идет от конкретных фактов к политическим обобщениям, к осмыслению политических событий как явлений всемирного масштаба. В народном сознании вместе с осмыслением новых сторон политической жизни преодолеваются моменты старого узкородового мышления и представлений.

Ленин — вождь трудящихся всего мира. Эта идея особенно ярко выражена в стихах Джамбула о Ленине созданных акыном позднее. Трудящиеся всех стран в их борьбе за свободу и национальную независимость вдохновляются примером Ленина. Знамя Ленина указывают им путь; они борются за свое счастье с именем Ленина.

Особенно много произведений было создано в народ в связи со смертью В. И. Ленина.

Раскрывая образ Ленина, образы представителей партии — носителей лучших черт большевиков, народные поэты возвышаются до понимания роли партии:

Ленин — бүтін коммунистер жүрегі,
Жүрек оны өлді деп те сенген жоқ.
Жер жүзіне коммунизм орнығар.
Жаңа дүние жасарлық-ақ орны бар ¹⁶

* * *

Ленин — сердце всех коммунистов,
Нельзя верить тому, что он умер.
Во всем мире победит коммунизм,
Новая эпоха (строй) пусть здравствует.

Центральное место образ Ленина как вождя нового типа занимает в казахской письменной литературе, а также и в устном творчестве. Ленин — вождь народов

¹⁶ Байзаков И. Ленин. — «Еңбекші казак», 1924, № 17.

стремящихся к сознательной, активной жизни, вождь, который ведет народные массы на созидание новой жизни, черты образа Ленина качественно отличают его от всех образов вождей, созданных в прежней дореволюционной казахской поэзии.

Для художественной разработки казахскими авторами ленинской темы большое значение имел тот факт, что образ Ленина получил глубокое и всестороннее освещение в таких произведениях советской литературы, как очерк А. М. Горького «В. И. Ленин» и поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

В лучших произведениях казахских поэтов наблюдается стремление во всей полноте раскрыть живой облик Ленина, в котором величие сочеталось с простотой, о чем очень метко сказал Горький («прост как правда») и что глубоко верно выражено в словах Маяковского «самый человечный человек».

С. Сейфуллин в стихотворении, написанном в 1923 г., выдвигает задачу поэтического изображения Ленина:

Символ счастья на планете
Отчей,
Вышей радости на свете
Зодчий,
Зодчий пламенного мира,
Ленин,
Клич замученных и сирых,
Ленин!

Смысл науки, воплощенье
Цели,
В ком надежды и решенья
Зрели,
Предводитель неимущих,
Ленин,
Провозвестник дней грядущих,
Ленин!

Сбросим баев, станет краше
Доля.
Смерть иль равенство — вот наша
Воля.
Ты трубач зари крылатой,
Ленин,
Нашей воли ты глашатай,
Ленин.

Справедливая дорога
К людям,

Твой завет хранить мы строго
Будем,
Клич великого сраженья,
Ленин!
Ты — Коран преображенья,
Ленин.

Ты — поднявший угнетенных
Братство
С тиранией пресыщенных
Драться,
Ты как свет от золотого
Солнца,
Что на смену мраку снова
Льется.
Ты бесстрашен. Нет острее
Стали.
Чтоб буржуи поскорее
Пали.
Твой пример для молодежи
Ценен.
Для нее всего дороже
Ленин¹⁷.

Пер. П. Карпа

Несмотря на некоторые неточности (например, в оригинале в начальной строке сказано: «Ступень для счастья человечества»), общий характер поэтической образности языка произведения воссоздается в переводе без существенных отклонений. Это стихотворение является одним из первых смелых опытов поэтического описания образа вождя в казахской литературе. С. Сейфуллин обращается к таким привычным для многих в то время представлениям, как «пайгамбар» («пророк»), «аят», «хадис» («стихи из корана», «молитва»). Это необходимо было поэту для того, чтобы показать, что Ленин как вождь и руководитель нового типа стоит выше всех прежних представлений. Называя Ленина, как и другие казахские поэты, писавшие о вожде пролетарской революции в тот период, пророком нашего времени, С. Сейфуллин стремился подчеркнуть мудрость ленинских идей, показать, что они есть воплощение высших идеалов, рожденных революционной эпохой.

Важно отметить, что, раскрывая образ Ленина, поэт вводит целый ряд совершенно новых понятий, имеющих

¹⁷ Джансугуров И., Сейфуллин С. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», 1973, с. 425—426.

четкую социальную и политическую направленность, по своему духу в полном смысле современных. Ленин — «красное знамя» («қызыл ту»), «заря свободы» («бостандықтың азаны»), «опора и защита угнетенных» («төмен таптың ол айбары»), «человек, обладающий стальной верой» («кажымас ер, кұрыш»), «закаленный в горниле политических битв» («саясаттың мыс қазаны») и т. д.

В произведениях казахских поэтов образ Ленина воспринимается как символ революции («знамя революции — Ленин», — пишет И. Джансугуров).

Художественному изображению образа Ленина большое место уделяется в произведениях народных певцов. В народных песнях и стихах выражена глубокая любовь и преданность народа делу Ленина, понимание правильности ленинского пути.

Создавая образ Лени́ца как вождя нового типа, народные певцы используют лучшие, наиболее полноценные сравнения и образы из народного устного творчества. И традиционные сравнения «асыл тас» («драгоценный камень»), «ай» («луна»), «тулпар» («скакун»), «сункар» («сокол»), такие привычные понятия, как «данышпан», «кеменгер» («гений», «мудрый»), расширяются, наполняются новым смыслом, например: Ленин — «туған айы кедейдің» («светлая луна для бедняков»). Эти традиционные сравнения, олицетворяющие в народном представлении самое лучшее, передовое, при умелом их использовании для изображения явлений современной жизни, выражают новое в политическом сознании народа.

Касаясь изображения образа Ленина в произведениях народных певцов, М. Каратаев справедливо отмечал: «Самые лучшие сравнения, самые прекрасные слова выбираются из сокровищницы народного творчества для того, чтобы создать образ Ленина. Этой цели служили и те черты, которыми наделялись самые любимые герои фольклора, — человечность, сердечность, смелость, высота помыслов. Для сравнения черпалось все прекрасное и величественное в природе: солнце, звезды, луна, цветы, сады, рассвет, утесы, моря, океаны. Рожденные фантазией народа крылатые тулпары и всепобеждающие соколы также привлекались в поэмы и стихи о Ленине»¹⁸.

¹⁸ Каратаев М. Рожденная Октябрем. Алма-Ата, КГИХЛ, 1958, с. 130.

Художественно воплощая идеи победы революции, становление новой социалистической страны, казахские поэты обращаются к символическому образу корабля, получившему в советской литературе огромное общественно-политическое содержание. Так, в поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковского Владимир Ильич изображен как капитан, ведущий корабль революции:

Залив
Ильичем
указан глубокий
и точка
смычки-причала
найдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина¹⁹.

В стихотворении «Ленин өлді» («Умер Ленин») И. Джансугуров также художественно изображает великого вождя как капитана, который бесстрашно ведет могучий корабль в открытом океане. Образ Ленина как опытного капитана «красного корабля» («қызыл кеме») возникает и в другом стихотворении И. Джансугурова «Единство трех желаний» («Ұштасқан үш тілек»).

Эту художественную традицию продолжает С. Сейфуллин в поэме «Альбатрос», в которой ярко раскрывается образ Ленина — вождя пролетарской революции, создателя Советского государства. В поэме выделяются некоторые решающие моменты борьбы народа за победу революции и установление Советской власти в стране. Поэт с особой художественной силой передает пафос революционных событий Октября, показывая героизм народных масс, которыми руководили Ленин и партия — «сталь, выкованная Лениным» («Ленин соққан сталі»).

Ленин — «главный большевик», «главный командир» революционных сил страны, руководит борьбой народов за победу социализма. Сейфуллин рисует поэтическую картину сражений с врагами молодой Страны Советов на суше и на море. Так в поэме возникает образ Ленина,

¹⁹ Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., «Худ. лит.», 1969, с. 506.

который ведет огромный корабль и командует военным флотом, олицетворяющим могущество Советской страны.

Несмотря на то, что картины революционных событий С. Сейфуллин дает как художественно обобщенные, допуская в изображении элементы поэтической условности, он достигает глубокой жизненности и убедительности описания. Использование разнообразных художественных приемов изображения дает поэту возможность с большой силой показать громадное всемирно-историческое значение деятельности Ленина как организатора и руководителя пролетарской революции, создателя Советского государства.

Образ Ленина в поэме С. Сейфуллина является, бесспорно, заметным успехом казахской эпической поэзии 30-х годов:

Вот Ленин —
на трибуне.
И как к магниту —
Все сердца к нему!
Весь фронт он видит. Все ориентиры.
Все вехи.
И простерта вдаль рука.
Вокруг — войска.
С ним рядом — командиры
И монолитный штаб его —
ЦЕКА!
Забывшую окраину и Питер
Перед собой он видит в этот миг...
Как далеко и глубоко
Он видел,
Всю даль просматривая
Напрямик!
И, сплачивая волею единой,
Народ,
Страну,
Наш строй непобедимый,
Он в будущее светлое глядит!
...Я снова вспоминаю
Годы те,
И вижу вновь:
В грозовой высоте —
Стоит Ильич!
Он с высоты орлиной
Последней битвою
Руководит!...
Такой обычный,
Небольшого роста,
В кепчонке, в пиджаке, доступен,
прост,

Стоит **Ильич**.
Над строем красноезвездным
Стоит — во весь свой
исполинский рост!²⁰

Большая морская птица — альбатрос, смело парящая над волнами океана, символизирует в поэме борцов за победу революции, социалистического строя, представителей «стального поколения» («болат буын»), которое Ленин воспитал в революционных боях.

Естественно, что Сакен Сейфуллин — один из самых активных участников борьбы за победу социалистической революции в Казахстане — ощущал свою принадлежность к этому революционному поколению, говорил о себе как о солдате революции:

Был я тогда просто бойцом
Родины — рядовым.
Но Ленина видел
Лицо в лицо,
Всюду —
Был рядом с ним!
Не расставался я с Ильичем!
Вот он — как свет, как знамя,
С нами в походе —
Плечо в плечо.
В битве — бок о бок с нами!...
Был я матросом,
Кавалеристом,
Лазил по тросам,
Мчал во поле чистом.
Вьюга зимою,
Где бы ни жгла меня,
В ямине, на небе,
В плаванье, в пламени —
С нами,
Со мною,
В дальних концах,
Ленин — на знамени!
Ленин — в сердцах!
Ленин!

И каждый в строю бесстрашен ²¹.

В заключительной части поэмы С. Сейфуллин призывает, не зная страха и усталости, бороться с врагами советского строя:

²⁰ Сейфуллин С. (*Садвакас*). Избранные стихи и поэмы. Алма-Ата, КГИХЛ, 1958, с. 259—260.

²¹ Там же, с. 258—269.

думаем,
дышим,
боремся
и живем!...²⁴

С этими словами Маяковского перекликаются стихи многих казахских поэтов.

Беспредельная вера в бессмертие дела Ленина, глубокая убежденность в величайшем значении деятельности Ленина для судеб всех угнетенных народов мира звучат в стихотворении И. Джансугурова «Мавзолей». «Путь его светел, слова его — клич, призыв, дела его — живой пример (наследие) для миллиардов борцов», — говорит автор:

Он — зная,
что реет над миром сейчас.
Он — с нами,
когда мы на битву идем.
Делами его,
Словами его,
Мечтами его —
живем!
Для всех
неимущих,
голодных,
рабов,
Рвущих железные звенья
оков,
Имя его —
клич
и призыв.
Ленин жив!
Ленин жив!
Жива
стальная гвардия —
Им созданная Партия!
Весь мир
воздвигал
Ему Мавзолей.
Не меркнет накал
Бессмертных идей.
И тысячи тысяч
лет,
Так же,
как солнца свет,
Будет сиять
всем людям

²⁴ Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы, с. 360.

Ленинский
ясный
портрет.
И в памяти поколений
Будет вечно нетленен
Мудрый
ленинский гений!...²⁵

Пер. А. Кафанова

Создание образа Владимира Ильича Ленина привлекает все большее внимание казахских поэтов в последующие периоды развития литературы. Проследив разработку ленинской темы в казахской поэзии, мы увидим, что образ вождя постепенно все более приобретает черты конкретности и простоты. Казахские литераторы стремятся раскрыть образ Ленина во всей многогранности, отразить самые различные стороны жизни и деятельности вождя.

Заметных успехов в создании образа Ленина достиг Д. Абилов в поэме «Сердце Алтая». Для изображения облика Ленина в поэме характерно, как верно отметил М. Каратаев, «обилие новых приемов и свежих деталей:

Ленин прост, в движениях быстр,
широкогруд,
Очи зоркие весь мир в себя вберут,
Взгляд, исполненный раздумья
и вниманья,
Ясный лоб вождя высок, и чист,
и крут.

Такие штрихи ленинского портрета не встречались в стихах казахских поэтов. Здесь налицо умение живо писать и на основе конкретных деталей и на стремлении осмыслить образ вождя в кратких и емких строчках»²⁶.

Задачу создать детализированный яркий поэтический портрет Ленина выдвигает, например, Х. Ергалиев в своем стихотворении «Ленин говорит»:

Вот пред нами облик великана,
Рука простерта высоко вперед,
Он говорит, речь его чеканна,
И внемлет слову каждому народ.

²⁵ Джансугуров И., Сейфуллин С. Стихотворения и поэмы, с. 86.

²⁶ Каратаев М. Рожденная Октябрем, с. 133.

Его страстей великое горенье
И мыслей нескончаемый поток
Не может передать стихотворенье —
Им тесно в строфах, тесно между строк.

Пора благоуханий и цветений —
Апрель, ты возродил родной народ,
И потому, что символ жизни — Ленин,
Его зовет своей весной народ ²⁷.

Стремление казахских поэтов сочетать при изображении образа вождя точность и верность портретно-психологических характеристик с глубиной художественных обобщений с большой наглядностью выступает в стихотворении С. Мауленова «Ленин в своем кабинете»:

...Жизнь в комнату стучится эту.
В карманы руки, взад — вперед
Ильич пройдет по кабинету,
В два Совнарком он соберет.

Задумался — и подбородок
Лег на руку... Вся жизнь его,
Все мысли служат лишь народу —
Залог прекрасного всего.

142

К нему крестьяне по дорогам
Идут из далей полевых.
Гостей встречая за порогом,
К себе приводит Ленин их.

Я в доме том, где ходишь тише,
Прикован к каждой вещи взгляд.
И кажется, что Ленин вышел
Отсюда пять минут назад²⁸.

Пер А. Гатова

В казахской литературе последних лет выдвигается задача многогранного воплощения в поэтических произведениях образа великого вождя трудящихся, подробного изображения борьбы Ленина за победу социалистического строя, важнейших этапов его жизни и революционной деятельности (поэма «Ильич» М. Макатаева).

В казахском дореволюционном обществе не было условий для широкого развития профессиональной письменной литературы. Многие мастера художественного слова продолжали творить как певцы и сказители. Партия и народ взрастили за годы Советской власти огромный отряд профессиональных поэтов, прозаиков и драматургов, литературных критиков и переводчиков. И для всех деятелей литературы в той или иной степени характерно сочетание литературной деятельности с общественной, активное участие в политической жизни страны.

Разумеется, становление новой социалистической казахской литературы в первые годы Советской власти было сложным процессом. Идеино-творческие позиции представителей пролетарской социалистической литературы могли определиться лишь в острой, непримиримой борьбе с разного рода реакционными идейными течениями. Чтобы быть последовательным борцом за идеи Октября, необходимо глубоко понимать и правильно осмысливать революционные перемены в окружающей жизни, рассматривая их с классовых позиций, т. е. исходя из интересов трудящихся масс. Нелегкой оказалась также задача найти полноценные художественные решения в освещении новых тем, новых явлений жизни. Характерно, например, что в первые годы Советской власти во многих произведениях утверждение революции, нового строя сочеталось с отрицанием старого мира, с критикой его пороков. Такое

²⁸ Антология казахской поэзии, с. 738—739.

сопоставление для своего времени было естественным, оно было подсказано самой действительностью, обладало известной выразительностью, однако при недостаточно умелом использовании превращалось в готовую схему.

Овладение идейными и художественными принципами новой социалистической литературы, отвечающей запросам новой эпохи, ее методом — социалистическим реализмом, требовало настойчивых поисков, накопления опыта, творческого освоения достижений русской советской литературы.

Благодаря стремительному расширению масштабов социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни деятели литературы все глубже и сильнее ощущают воздействие идей революции.

Под влиянием революционной действительности, благодаря проведению в жизнь политики Коммунистической партии, оказавшей активную поддержку писателям, по-настоящему преданным делу революции, молодая казахская советская литература стала развиваться быстрыми темпами. Основное ее содержание составляла борьба за утверждение высоких идеалов социализма. Изображение того нового, что рождалось благодаря победе Октябрьской революции, являлось основной темой многих произведений казахской литературы. Вполне естественно, что в первые годы становления казахской советской литературы само обращение к теме революции было весьма важным показателем общественной, гражданской активности писателя.

По следам революционных событий рождаются в казахской литературе многочисленные поэтические произведения, представляющие собой первые отклики на эти события, воспевающие победу Октябрьской революции в нашей стране, установление Советской власти в Казахстане, к этой тематике тяготеет уже и новая казахская проза. Во многих произведениях находят художественное воплощение важнейшие этапы развития социализма в нашей стране. Постепенно тема революции получает все более широкое осмысление как тема построения нового социалистического общества, революционного преобразования общественной жизни на социалистических началах. В этом широком понимании она является центральной и наиболее многоплановой темой как казахской, так и советской литературы в целом.

Перед казахской, как и всей многонациональной советской литературой, после победы революции встала задача всестороннего и правильного изображения нового человека в условиях социалистического общества.

Новые человеческие характеры, новые принципы типизации явлений жизни в литературных произведениях, новое художественное мировосприятие — все это свидетельствовало о коренном изменении многих сложившихся ранее эстетических взглядов.

Главное и решающее значение в художественном творчестве приобрело умение художественно воспринять и выразить красоту духовного облика современного человека, показать многообразные черты характера новых людей, для которых борьба за строительство нового общества стала главным смыслом и страстью их жизни.

Казахская литература переживает яркий расцвет уже с первых лет революции.

Стихи о революции и Советской власти, о партии и Ленине были первыми произведениями казахских поэтов о новой социалистической действительности, знаменовавшими собой начало новой казахской литературы. Это были произведения, утверждающие новые социалистические идеи, произведения, пронизанные духом революционной эпохи.

Идеи Октябрьской революции явились для писателей и поэтов неиссякаемым источником творческого вдохновения.

Произведения, созданные в годы становления казахской социалистической литературы (20-е годы), различны по характеру, силе социальных обобщений и художественным качествам, тем не менее они с большой полнотой отразили непреложную истину о том, что в великих идеях Октября, воплотивших в себя лучшие идеалы трудящихся всего мира, казахский народ нашел выражение вековых чаяний, помыслов и устремлений.

В казахской советской поэзии уделяется огромное внимание творческой разработке таких основных тем советской литературы, как победа Октябрьской революции, социалистическое строение, строительство новой жизни, тем, с которыми неразрывно связано представление о партии и Ленине.

Под могучим воздействием революционной действительности, на основе плодотворного взаимодействия ли-

тератур народов СССР и особенно на основе творческого освоения братскими литературами опыта русских советских писателей в казахской литературе прочно утверждаются новые художественные средства, многочисленные поэтические образы, в равной мере свойственные литературе и искусству, отражающие новые художественно-эстетические представления советских людей.

Очень характерно в этом отношении употребление в казахской литературе поэтических образов, символизирующих революцию.

В стихотворениях С. Сейфуллина, И. Джансугурова, С. Муканова, Б. Майлина и многих других авторы обращаются к теме победы Октябрьской революции, рождение новой жизни выражается в поэтических образах зари, утреннего рассвета, восходящего красного солнца, разогнавшего тьму, озарившего все вокруг.

В одном из стихотворений И. Джансугурова образ Советской страны, идущей по пути социализма, в поэтическом воображении автора рождает картину движения каравана. Начавший свой путь ранним утром, на рассвете могучий караван идет к вершине, к живописному склону горы. Под красное знамя, реющее над караваном, встают и казахские кочевья, жители степных аулов, обретшие свободу и равноправие, ощутившие подлинную силу народовластия.

Содержание этих поэтических образов, выработанных опытом всей советской литературы, постепенно обогащается и расширяется в процессе углубленного понимания величайшего значения революции, ее идеалов.

По мере того, как в литературе находят все большее отражение грандиозные успехи происходивших в стране революционных преобразований, основным в теме революции становится воспевание ее как организующей, созидательной силы, преобразующей мир на новых началах. Поэтому поэтические символы революции типа бури, урагана, ветра в произведениях последующих лет или получают иную окраску, чем в поэзии первых лет революции, или же уступают место другим поэтическим образам.

Во многих произведениях, изображающих новую жизнь, символическое значение приобретает художественное описание весны. С поэтическим образом весны в литературе всегда было связано представление о буйно расцветающей жизни, но в современной поэзии он стано-

вится символом революционного обновления страны, духовного возрождения народа.

У Маяковского образ страны — весны, рожденной в трудах и в бою, пронизан глубоким пониманием того, что социалистический строй завоеван кровью революционных борцов, что новое общество создается вдохновенным трудом советского народа.

Казахская советская литература, рожденная Октябрьской революцией, выступала с самого начала как художественное творчество нового типа, как литература, развивающаяся в общем русле нового социалистического многонационального искусства народов нашей страны. На примере произведений зачинателей казахской советской литературы С. Сейфуллина, М. Ауэзова, И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Муканова и целого ряда других писателей, а также народных певцов можно со всей ясностью увидеть, что главный объект изображения молодой казахской советской литературы — рожденная социалистической революцией советская действительность, новая жизнь народа. В казахской литературе все более утверждались принципы социалистического реализма, правда новой жизни, образ нового человека — человека труда, борца за идеалы социализма. Уже в отношении литературы 30-х годов можно с полным правом говорить об освоении передовых традиций русской, а также мировой прогрессивной литературы.

Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Беимбет Майлин — эти имена, равно как и имена Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова, Габита Мусрепова, творчество которых, охватывая последующие десятилетия, также тесно связано с периодом становления новой социалистической литературы, неоспоримо свидетельствуют о том, сколь блистательными были успехи казахской советской литературы, взращенной Великим Октябрем, в самом начале ее зарождения и на первых этапах развития. Вступившие на литературную арену в годы революции и в первые годы Советской власти, все они навсегда связали свою судьбу, свое творчество с судьбой народа, с судьбой Коммунистической партии за революционное преобразование общества.

Тесная связь литературы с борьбой народа за социалистические преобразования способствовала рождению и развитию новой по своему характеру публицистической

поэзии. В произведениях С. Сейфуллина, И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Муканова на социально-политические темы со всей силой проявился революционный пафос, боевые, призывные интонации. Видные деятели казахской советской литературы и искусства формировались и становились творческими व्यक्तностями, активно участвуя в революционной борьбе народа, в его борьбе за победу социализма, в их творчестве в жизни коммунистических идеалов. Партийной ответственности и высокой идейной убежденности в этих произведениях С. Сейфуллина, М. Дуздова, И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Муканова и других казахских писателей, художественный талант которых начинает расцветать уже в первые годы Советской власти. В произведениях казахских советских писателей нашли отражение стремление простых людей активно участвовать в борьбе за новую жизнь, революционный и трудовой энтузиазм масс, которые под руководством коммунистической партии строили социализм. В казахской, как и во всей советской литературе, художественно отразилась целая эпоха — эпоха, начинающаяся с победы Октябрьской революции, эпоха строительства социализма, борьбы за коммунизм.

Утверждение новой жизни в произведениях поэтов и писателей неразрывно связывается с пониманием необходимости борьбы за укрепление нового строя, с призывом к активному участию в этой борьбе.

Основной темой многих произведений казахской литературы этихлет становится Великая Октябрьская социалистическая революция, борьба советского народа за социалистическое переустройство жизни.

Все творчество С. Сейфуллина явилось выдающимся образом служения делу революции, социализма и в этом смысле имело огромное значение для развития молодой казахской литературы. Поэтические произведения С. Сейфуллина — это широкая картина жизни народа, возрожденности Октябрьской революцией. В центре их осмысление громадного значения революционных изменений в жизни народа, социальных преобразований в стране, воспевание успехов хозяйственного и культурного строительства. В стихотворениях, глубоко проникнутых духом революционной романтики («Марсельеза казахской молодежи», «Товарищи», «Новая песня степей», «Дожидаться», «Рабочим», «Мы»), поэт призывает к актив-

гообразием живых впечатлений автора. Наряду с опытными, профессиональными революционерами, организаторами революционной борьбы мы видим ее рядовых участников, разбуженных революцией простых людей, также обладающих огромной волей и нравственной силой, которую им придает осознание великих идей социалистической революции. Показывая на многочисленных фактах, как недовольство и сопротивление казахских бедняков жестокости угнетателей вливаются в русло организованной революционной борьбы, С. Сейфуллин тем самым с большой силой убеждает читателей в закономерности победы Октябрьской революции в Казахстане.

Изображению жизни советских людей, показу достижений социалистического строительства в республике посвящены повести Сейфуллина «Наша жизнь», «Плоды».

В поэтических произведениях И. Джансугурова также воспеваются Советская власть как подлинно народная, близкая всем трудящимся, широко изображается созидательный труд советских людей, ставших в результате победы Октябрьской революции хозяевами своей страны. Он призывает молодежь к борьбе, к труду во имя упрочения социалистического строя, зовет их быть в первых рядах борцов за построение коммунистического общества.

Пламенные стихи, полные любви к вождю революции, посвятил поэт В. И. Ленину.

В поэме «Степь» Джансугуров повествует о революционных преобразованиях в казахской степи, о счастливой жизни возрожденного народа. Революцию символизирует в поэме наряду с утренней зарей другой поэтический символ — звуки, гул новой эпохи. Тему революции поэт решает оригинально, глубоко и масштабно, вводя в произведение символический образ старца, являющегося художественным воплощением истории народа. До слуха этого старца как бы доносится эхо разных времен — смутных, тяжелых, когда степь содрогалась то от набегов воинственных племен, то от грозного выступления народной бедноты против гнета и насилия. Одна картина истории сменяет другую. Гул прошлых эпох — то тревожный и мрачный, то грозный — сменяют мощные набатные звуки Октябрьской революции.

Сопоставляя победу Советской власти в Казахстане с историческими событиями из прошлой жизни народа, И. Джансугуров с большой художественной убедитель-

ностью раскрывает всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Взволнованным гимном Октябрю, Советскому Казахстану, отмечавшему свое десятилетие, звучит заключительная часть поэмы, стихи, сложенные в форме традиционного «Той бастау» («Провозглашение праздника»), удивительно легкие, музыкальные, динамичные, в которых с особой силой проявился эмоционально насыщенный художественный темперамент поэта. Легкость, звучность, высокая эмоциональность этих стихов достигаются в известной мере благодаря призывному характеру речи, стремительности ее темпа, обилию коротких предложений, четко построенных фраз, в которых центральное место занимают глаголы в повелительном наклонении типа «қи-мылда» («шевелись»), «тақылда» («звени»), «сорғала» («лейся», «струись»), подбору легких полнозвучных рифм, богатой звуковой инструментровке. Отмеченные качества стихов этой части, полной чарующей жизнерадостности, несомненно, ярко передают пафос революции, социалистической эпохи. Высокими художественными достоинствами отличается и вся поэма, для которой характерно глубокое понимание всемирно-исторического значения Октябрьской революции.

Социалистическое переустройство казахского аула составляет главную тему произведений Б. Майлина. Писатель смело вводит в литературу образы и картины из жизни казахского колхозного аула, где шла острая борьба за новые порядки, и народные массы все активнее принимали участие в социалистическом строительстве. Герой его рожден революционной действительностью.

Блещут юмором и поражают силой сатирического обличения произведения поэта, в которых изображаются представители свергнутого революционным движением масс эксплуататорского класса («Мы — Ибрай, я — Ибрай», «Богач», «В пост»).

Неутомимый разоблачитель паразитизма, ханжества баев и мулл, Майлин обрушивает огонь сатиры на всех, кто стремится защищать старые обычаи и порядки, оправдывая ими свои преступные, неблагоприятные действия.

В стихах и поэмах он вдохновенно воспекает победу колхозного строя, гигантский размах социалистического строительства в стране, осуществляемого совместными усилиями братских народов. Любимым героем многих

стихотворных произведений Майлина становится вчерашний бедняк, ставший ныне хозяином своей судьбы, сознательным борцом за новую жизнь. Таковы его стихотворения «Бедняку», «Песня о коллективизации», «Подражаем празднику», поэмы «Раздел», «Мыркимбай».

Обусловленные вековой Пынтэ трудящихся масс о счастливой жизни поэт связывает с деятельностью Коммунистической партии, с именем Ленина. В стихотворениях, посвященных великому вождю революции, содержится призыв к народу бороться под руководством партии за претворение в жизнь ленинских заветов.

Через многие стихотворения и поэмы Майлина, как и произведения других жанров, проходят образы женщин, привлеченных революцией к активному участию в политической и культурной жизни страны.

Активным борцом за социалистическое строительство становится молодая, энергичная Гайша в романе «Азамат Азаматович».

В названном романе, как и в целом ряде рассказов, повестей, драматических произведений, писатель широко отобразил отношение представителей разных слоев общества к происходящим в стране переменам, при этом большое внимание уделяется тому, как утверждаются в жизни и быту новые социалистические отношения. Главного героя Азамата, человека честного, преданного делу народа и партии, писатель подвергает большим испытаниям, стремится показать его в гуще борьбы с враждебными силами. Победа в этой схватке с защитниками старых порядков закаляет Азамата; он многому учится у опытных коммунистов. Одновременно происходит и перемена в личной жизни героя. Азамат разрывает с фрейлстиншей его некогда Марьям, сумевшей в мирных, эгоистических интересах.

Но и другие старые пути, решительные и волевые, становятся героями многих рассказов и повестей («У подножия Коктерека», «Рассказ Амиржана», «В кофтах у смерти» и др.). Писатель создает образы смелых борцов за укрепление Советской власти, участников социалистического строительства, образы представителей интеллигенции, партийных и советских работников, комсомольских активистов.

В романе «Болатов» Муканов отразил борьбу казахских трудящихся за установление Советской власти в Ка-

захстане. Роман охватывает события, происходившие в Казахстане в предреволюционные годы, а также в период Октябрьской революции и гражданской войны. Революционное выступление казахских трудящихся против гнета и произвола байско-феодалной верхушки и царских чиновников, развернувшееся в дореволюционном Казахстане, вливается в совместную борьбу русских и казахских трудящихся за свержение самодержавия, за победу социалистического строя.

Один из главных героев произведения Аскар проходит нелегкий путь исканий и борьбы, жизнь все больше убеждает его в том, что казахский народ сможет найти путь к освобождению от несчастливой жизни лишь в совместной борьбе с русским народом, под руководством большевиков. Простой аульный учитель, посвятивший себя борьбе за народные интересы, постепенно вырастает до сознательного революционера-большевика, зрелого политического руководителя. Активным борцом за Советскую власть выступает в романе Амантай, возглавивший выступления казахских трудящихся против их угнетателей. Он организует партизанский отряд, который, поддерживая части Красной Армии, активно участвует в разгроме войск Колчака. Большим достижением писателя является в романе образ Ботагаз, духовные силы которой раскрываются в политической борьбе, в борьбе за свободу и счастье народа. Ботагаз воплощает лучшие черты нового поколения казахской женщины: смелость, решительность, стремление к полезной деятельности.

Тема революции, борьбы за установление Советской власти в Казахстане в дальнейшем нашла широкое художественное воплощение в таких значительных произведениях казахской литературы, как «Яик — светлая река» Х. Есенжанова, «Токаш Бокин» З. Шакирина, «Кровь и пот» А. Нурпеисова и др.

Главным героем новой казахской литературы, как и всей советской, стал человек нового мира — человек труда, активный борец за строительство социализма. В широком изображении людей труда большие успехи были достигнуты в литературе 30-40-х годов, особенно в произведениях послевоенного периода.

Следуя призывам партии об усилении внимания писателей к проблеме современной жизни, казахские поэты и писатели разносторонне отразили массовый трудовой по-

рыв советских людей, раскрывая величие и красоту сознательного, творческого труда. В произведениях, где с большой силой ощущается дыхание современности, глубоко проникнутых пафосом коммунистического строительства, наибольшее внимание художников слова привлекают люди, которые трудятся на промышленных предприятиях, новостройках, в колхозах и совхозах республики,— люди большого творческого дерзания, энергичные и смелые.

Воплощая в ярких и живых образах героические подвиги тружеников, казахская советская литература через образы людей труда, через их судьбы с новой силой выразила преимущества социалистического строя, богатство духовного мира простого советского человека. Здесь особенно важно подчеркнуть, что лучшие произведения, посвященные этой теме, правдиво и художественно убедительно отражают присущее советскому человеку новое отношение к труду: его высокую сознательность, понимание того, что труд каждого советского труженика — это вклад в дело построения коммунизма.

Одна из основных идей, которой руководствуются писатели в разработке темы труда,— труд для советского человека является источником радости и счастья, приносит огромное моральное удовлетворение. Здесь следует назвать такие прозаические произведения, как «Сыр-Дарья» С. Муканова, «Миллионер» Г. Мустафина, обозначающие собой определенные вехи в развитии казахской литературы. Яркие примеры находим в поэзии послевоенных лет, когда в разработке этой темы уже был накоплен большой опыт. Новое в художественном решении темы труда в произведениях этих лет можно видеть не только в самом факте разностороннего отражения новых жизненных явлений, но и в том, что в лучших образцах поэзии достигается более выпуклое изображение духовного мира героев, наблюдается стремление к большой художественной конкретизации описания.

Умение подмечать и поэтически раскрывать типические черты человека труда — активного строителя нового общества — определяют достоинства многих произведений К. Аманжолова, Т. Жарокова, А. Тажибаева, Г. Орманова, Х. Ергалиева, С. Мауленова, Д. Абилева, А. Сарсенбаева, Х. Бекхожина, Дж. Мулдагалиева и других.

К числу их можно отнести такие стихотворные произведения, как «Вышли в поле колхозники» К. Аманжолова,

«Волны урожая» Г Орманова, «Песня хлеборобов» А. Сарсенбаева, «Песня чабана» Т. Жарокова, «Девушка-колхозница» Дж. Мулдагалиева.

Радостным ощущением полноты жизни проникнуто стихотворение К. Аманжолова «Песня доярки», представляющее собой лирический монолог, который правдиво передает ее заслуженную гордость своим трудом, ее глубокую преданность делу.

Рост социалистической промышленности Казахстана нашел свое художественное отражение в цикле стихов С. Мауленова о труде сталеваров: «В мартеновском цеху», «Ночь Магнитки», «Вечер на Магнитке». Рисует ли поэт поистине героический образ рабочего-сталевара, изображая его в самом процессе труда, живописует ли он новый индустриальный пейзаж республики, рассказывая о жизни промышленного комбайна-гиганта («Ночь Магнитки», «Вечер на Магнитке»), стихи неизменно наполнены ощущением радости творческого труда.

На всех этапах социалистического строительства в нашей стране наиболее значительные достижения во всех областях нашей жизни осмыслены в литературных произведениях как плоды Октябрьской революции. Характерно, например, что К. Аманжолов, раскрывая в поэме «Наш дастан» тему Отечественной войны, освещает ее в тесной связи с темой Октябрьской революции. В этой лирической поэме, а позднее и в известной поэме Дж. Мулдагалиева «Я — казах» ярко обнаружилось свойственное многим поэтам стремление, охватывая взором исторический путь, пройденный народом за годы Советской власти, раскрыть значение великих завоеваний Октябрьской революции, которые в конечном счете сделали возможным все дальнейшие завоевания советского народа. Характерно и то, что авторы этих поэм нашли выразительные слова для создания образа Ленина.

Глубокое чувство советского патриотизма пронизывает стихотворения казахских поэтов, посвященные теме Родины, воспевающие могущество и силу нашей страны.

В этой связи заслуживают внимания произведения, в которых нашла поэтическое воплощение гордость казахских поэтов за свою республику, превратившуюся в поистине цветущий край («Моя республика» С. Муканова, «Казахстан», «Песня молодости» К. Аманжолова, «Респу-

«Бавка моя» Т. Жарокова «Родная земля» А. Тажибаева, «Мой Казахстан» М. Алимбаева и др.) По-разному подходят авторы в названных произведениях к решению поэтической темы, однако здесь важно отметить другое: в целом казахская поэзия воссоздает широкую картину всестороннего прироста экономики и культуры Казахстана, видя в нем реальное воплощение социалистических идей. Весьма существенно то, что во всех произведенных казахской современной поэзией тема патриотизма раскрывается в подлинном и глубоком ее понимании как любви к советской многонациональной Родине. Поэтом У. А. названы стихотворения, исполнены чувства «безавесной» любви и преданности Родине, заренным мыслям о великом достижении Казахстана во всех областях хозяйственной и культурной жизни есть результат совместных усилий всех братских народов нашей страны, внутренних и внешних стремлений бороться всеми силами за торжество коммунизма. Не случайно в выше названных произведениях Мухомова, Аманжолова и других поэтов воспеваются не только замечательные успехи преобразованного Казахстана, но в них возникает и величественный образ Страны Советов.

Расцвет материальных и духовных сил советского народа поэты связывают с деятельностью Коммунистической партии. В казахской поэзии все более углубленным отражением находит тема партии, создается много новых стихотворных произведений, в глубокой всесторонней раскрывающей доль и ширину как главной руководящей и организующей силы советского общества («Коммунистическая партия», С. Мухомова, «Песня о партии» Т. Жарокова, «Коммунисты» Дж. Мудралиева «Денин говорит» Х. Ергалиева и др.) Идеино-тематическим содержанием близки к ним стихи о великом вожде революции В. И. Ленине («Слово о вожде» Ж. Саипбаева «Слово о Ленине» Д. Абилова, «Ленин в своем кабинете» С. Мауленова, поэма «Идиз» М. Макашева).

Горячую любовь казахского народа к Коммунистической партии передает в проникнутых искренним чувством словах поэта Т. Жарокова:

С тех пор как заря Октября зажеглась,
С тех пор как Ленин декрет подписал,
С тех пор как ты велел, партия, идти
Казакстан мой цветущим стал! («Настоящий Казак»)

гие произведения казахской литературы переведены на русский язык, на языки народов Советского Союза, стран народной демократии и других стран. Лучшие произведения казахской советской литературы стали достоянием всего советского народа, пользуются популярностью за рубежом.

Казахская советская литература, боевой отряд многонациональной советской литературы, сильна своей глубокой связью с жизнью народа, преданностью делу построения коммунизма, тем, что казахские писатели, как и все советские писатели, воспитывают трудящихся в духе идей советского патриотизма и братской дружбы народов.

«Наша литература, литература социалистического реализма, — говорится в письме VI съезда писателей Центральному Комитету партии, — сильна своей партийностью, идейностью, жизнеутверждающим пафосом, верой в человека, его творческие силы. В ней всегда будет находить отклик самое важное, самое существенное, чем живет страна, что является смыслом жизни и борьбы миллионов советских людей» ^{27а}

Советские писатели, творя по зову своего сердца, всегда выверяли и выверяют свой путь в жизни и творчестве верным компасом ленинского учения о коммунистической партийности литературы. Именно в силу своей коммунистической идейности, определяемой ленинским принципом партийности, советская литература выступает как самая передовая, самая революционная литература мира.

Принцип партийности литературы и определяемый им боевой, наступательный дух советской литературы активно противостоит буржуазной идеологии антикоммунизма. Блистательные успехи многонациональной советской литературы приводят в смятение иных зарубежных советологов. Освещая вопросы развития советской литературы и культуры, они стремятся в искаженном виде представить процессы развития социалистической литературы в нашей стране. Так, например, профессор Колумбийского университета Э. Олуорс, выступивший с рядом публикаций по вопросам литературы народов Средней Азии и Казахстана, всячески пытается убедить читателей, что метод социалистического реализма и принцип партийности литературы якобы мешают плодотворному развитию ли-

^{27а} «Правда», 1976, 24 июня.

тературы этих народов. Вкупе с ним советологи Дж. Уиллер, В. Коларз и другие стремятся умалить поистине огромные достижения литературы Средней Азии и Казахстана, говорят о выдуманном ими же отрыве современной литературы от ее национальных истоков.

Современная казахская литература — литература больших мыслей и чувств, создавшая множество ярких и возвышенных художественных образов тружеников и борцов, людей мужественных и деятельных, воплощающих в своих помыслах, поступках и действиях лучшие идеалы социализма. Опираясь на богатые традиции русского классического реализма и на опыт русской и всей советской литературы, казахская литература достигла высокого профессионального уровня, приобрела союзное и благодаря этому мировое значение. Взаимообогащение литератур братских народов, составляющих семью советских республик, способствует воспитанию трудящихся нашей страны в духе пролетарского интернационализма.

«Победа подлинной культурной революции в Средней Азии и Казахстане, расцвет национальных культур — результат проведенных под руководством партии смелых социально-экономических преобразований, результат политики равенства и дружбы народов, их нерасторжимого братства, когда культура одного народа не подавляет культуру другого, а, взаимодействуя с ней, активно обогащается сама и в свою очередь отдает братской культуре все лучшее из того, что имеет. В итоге такого процесса происходит щедрое взаимообогащение, чрезвычайно плодотворное для развития всей общесоветской культуры»²⁸.

Идеи дружбы народов и пролетарского интернационализма глубоко пронизывают многие произведения казахской советской литературы. Дружбу народов художественно воплотил М. Ауэзов в своем получившем мировую известность романе-эпопее «Путь Абая», где сумел глубоко проникнуть во внутренний мир своих героев, поднять изображение событий и явлений жизни казахского общества на уровень большого историко-философского обобщения. «Путь Абая» — произведение, в котором наиболее полно воплощены художественно-эстетические

²⁸ Кунаев Д. А. Исторический опыт КПСС в борьбе за укрепление мира и дружбы между народами. Доклад на Всесоюзной научно-теоретической конференции 1 июня 1977 года. Алма-Ата, «Казахстан», 1977, с. 31.

взгляды, идеалы и устремления писателя. При этом Мухтару Ауэзову в равной мере чужды как идеализация старины, так и стремление оосовременить прошлое.

«...Мертвое художественное произведение писал В. Г. Белинский, — если оно изображает жизнь для того, чтобы изображать жизнь, без всякого могучего субъективного побуждения, имеющего свое начало в преобладающей думе эпохи, если оно не есть вопль страдания или дифирамб восторга, если оно не есть вопрос или ответ на вопрос»²⁹.

Изображая эпоху Абая, создавая монументальное эпическое произведение об исторической жизни народа, Мухтар Ауэзов вдохновлялся великими идеалами нашей современной эпохи. Идеалы М. Ауэзова — это идеалы литературы социалистического реализма, самой идейной и передовой литературы мира. И именно тем, что это произведение представляет собой современный взгляд на историю и дает глубоко верное освещение важнейших проблем исторической жизни, определяется его огромное познавательное и идейно-воспитательное значение.

Заслуженное признание благодаря значительности выдвигаемых проблем и глубокой правдивости изображения жизни получили произведения писателя Героя Социалистического Труда Г. Мусрепова, в которых перед нами встает панорама человеческих страстей, и за плечами каждого из героев лежит большая поучительная жизнь.

Герои его в основном люди труда. Читая произведения Г. Мусрепова, мы оказываемся среди горняков Караганды и нефтяников Мангышлака, рыболовов Гурьева и животноводов Кзыл-Орды, встречаемся с воинами, отважно защищавшими Родину от фашистских захватчиков, знакомимся с жизнью и бытом рабочих дореволюционного Казахстана. Почетное место в его творчестве занимает образ мудрой матери, дарящей людям жизнь. Всем этим определяется жизнеутверждающий характер творчества писателя, произведения которого рождают в душе читателей высокие представления о человеке, о красоте жизни.

В произведениях казахских писателей нашел яркое отражение процесс обогащения духовного мира личности в условиях строительства социализма. Наряду с писателями, имена и произведения которых отмечались выше,

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., с. 271.

здесь следует сказать о таких видных писателях, как А. Алимжанов, О. Сулейменов, И. Есенберлин, Т. Ахтанов, Б. Момыш-улы, в творчестве которых правдиво освещены многие важные темы современной жизни.

В обществе развитого социализма все ярче проявляется монолитное единство многонационального советского народа как новой исторической общности людей. Советская литература призвана глубже проникать в суть этого жизненного процесса, полно и художественно убедительно отразить все более усиливающиеся интернациональные черты в характере нашего современника.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивается: «Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик. Его образование и успешное развитие являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационалистского характера, великим завоеванием социализма... Обеспечено фактическое равенство всех наций и народностей во всех сферах жизни общества, расцвела культура — национальная по форме и социалистическая по содержанию, утвердилось подлинное братство людей труда, независимо от их национальности, братство, спаянное общностью коренных интересов, целей и марксистско-ленинской идеологии. Последовательная реализация ленинских принципов национальной политики ведет к дальнейшему всестороннему сближению всех народов нашей многонациональной социалистической Родины»³⁰.

Один из главных итогов развития нашего общества за шесть десятилетий, прошедших после победы Великого Октября, — это социалистический образ жизни.

«Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — говорил в докладе XXV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие

³⁰ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., Политиздат, 1977, с. 11—12.

завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности»³¹

Социалистический образ жизни — единый для всех наций и народностей нашей страны — тесно связал интересы личности с интересами общества, индивидуальные судьбы людей с жизнью всей страны. Братская дружба и сотрудничество народов являются одной из важных движущих сил общества, воспитывают всех советских людей в духе интернационализма. Духовный мир советского человека обогащается достижениями культуры всего многонационального советского общества. Расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей благотворно сказываются на развитии национальной культуры и литературы всех народов СССР. Ярким примером этого является Казахстан. Лучшие завоевания культуры нашего социалистического общества давно стали органической частью современной культуры казахского народа. Большую роль в этом процессе играет русский язык, являющийся вторым родным языком тысяч людей как могучее средство межнационального общения.

Роль деятелей искусства особо возрастает в современных условиях, когда наша страна ведет развернутое строительство коммунизма. Партия, олицетворяющая, по словам Ленина, «ум, честь и совесть нашей эпохи», постоянно вдохновляет писателей, деятелей искусства на новые творческие успехи, ставит перед советской литературой и искусством задачу правдиво, с позиций партийности отражать жизнь во всех сложностях, в реальных противоречиях, в борьбе нового со старым, создавать произведения большого гражданского звучания, глубокой философской мысли, активно помогающие народу в строительстве коммунизма.

«Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю,

³¹ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 26 февраля 1976 года. М., Политиздат, 1976, с. 105.

чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания»³²

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» указало деятелям литературы развернутую и конкретную программу дальнейшего развития литературно-критической мысли, способствовало оживлению критических жанров в литературе и периодической печати. В нем подчеркивается необходимость «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса»³³.

Перед нашей литературной критикой стоит задача, глубоко анализируя разнообразные явления живого литературного процесса, раскрыть и показать своеобразие нового сегодняшнего этапа в развитии социалистического реализма. Партия призывает деятелей литературы и критиков активно вторгаться в современный литературный процесс, постоянно обобщать живой богатый опыт развития литератур народов СССР.

Принятие Новой Конституции СССР в канун 60-летия Великого Октября будет, несомненно, способствовать умножению завоеваний нашего развитого, зрелого социалистического общества, в том числе дальнейшему развитию советской многонациональной литературы и культуры.

Выступая с докладом на сессии Верховного Совета СССР от 4 октября 1977 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркнул: «Мы принимаем новую Конституцию в канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Это не просто совпадение во времени двух крупнейших событий в жизни страны. Связь между ними гораздо глубже. Новая Конституция — это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь»³⁴.

³² Программа КПСС. М., Госполитиздат, 1961, с. 131.

³³ «Правда», 1976, 26 июня.

³⁴ «Правда», 1977, 5 октября.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАЗАХСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУСЛЕ ОБЩЕСОЮЗНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Коммунистическая партия Советского Союза последовательно и настойчиво претворяет в жизнь провозглашенные Лениным принципы интернационального братства народов нашей страны. Под руководством партии проведена поистине титаническая работа, в результате которой оказался возможным всесторонний подъем всех наций и народностей.

В процессе социалистического строительства все больше усиливалось морально-политическое единство советского общества, укреплялись дружба и интернациональное братство наших народов. Ленинская национальная политика КПСС, направленная на упрочение экономической, идейно-политической, социальной и культурной общности всех наций и народностей СССР, глубоко отражает их общие и национальные интересы, способствует непрерывному развитию и расцвету материальной и духовной культуры советских народов.

Общность исторических судеб социалистических наций и народностей, единство образа жизни, мировоззрения, представлений и понятий всех советских людей, тесное общение представителей различных народов между собой в процессе повседневной жизни и трудовой деятельности, хорошее знание жизни и быта друг друга — все это сближает и роднит советские народы.

Формирование общих духовных черт советских социалистических наций и народностей, укрепление общности их целей и задач определяют принципиально новый ха-

рактер взаимосвязи и взаимодействия национальных культур и литератур народов Советского Союза.

«...Советский народ — это не простая сумма наций, которые живут бок о бок в одном государстве, под одной, так сказать, крышей,— говорил Л. И. Брежнев в речи на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном вручению Казахской ССР ордена Дружбы народов.— У наших людей, независимо от их национальной принадлежности, есть много общих черт, которые объединяют их в одно монолитное целое. Это — общность идеологии, общность исторических судеб. Это — общность условий социально-экономической жизни, коренных интересов и целей. Это — развивающаяся общность советской социалистической культуры, которая вбирает в себя все истинные ценности каждой из национальных культур»¹.

Выдвинутое партией положение о советском народе как новой исторической общности людей имеет исключительно важное значение для глубокого понимания процессов развития современной литературы. Оно неизмеримо расширяет кругозор советских людей, учит их прежде всего видеть общенародные, общегосударственные интересы.

В эпоху зрелого социалистического общества вместе с непрерывным укреплением монолитного единства советского народа как новой исторической общности усиливается также тесное взаимодействие и взаимовлияние литератур, развитие которых представляет единый процесс.

Социалистическая действительность, совместная борьба народов СССР за построение коммунистического общества составляют основу единства современного литературного процесса в нашей стране, способствуют все большему укреплению интернационального начала в литературах народов СССР.

Важным концентрирующим фактором единства советской многонациональной литературы является братская дружба народов нашей страны — одна из мощных движущих сил советского общества. Немаловажное значение для усиления черт интернациональной общности в литературе имеет практический опыт объединения усилий народов в культурном строительстве.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., Политиздат, 1974, с. 243.

Общность литератур народов СССР — в их философско-эстетических и идейно-художественных принципах. Их объединяет единый художественный метод отражения действительности — социалистический реализм.

Основой творческих принципов советской литературы, ее художественного метода является коммунистическая идеология, марксистско-ленинское мировоззрение. В беззаветной преданности всех советских писателей коммунистическим идеалам, ленинскому принципу партийности находит свое яркое выражение идейная сплоченность, монолитное единство всей советской многонациональной литературы.

Общим для всех советских писателей является и характерное для литературы социалистического реализма новое понимание жизни, новое отношение к труду, новый взгляд на общественный долг человека. Для каждого из советских литераторов судьба своего народа неотделима от интересов всей страны, от борьбы за построение коммунистического общества.

Верная ленинским принципам дружбы народов, Коммунистическая партия воспитывает советских людей в духе патриотизма и социалистического интернационализма. Советские писатели гордятся своей принадлежностью к великой многонациональной семье народов, преданностью своей социалистической Родине.

«От Пушкина до Твардовского,— писал Расул Гамзатов,— русские поэты подарили мне Россию с ее историей, судьбой и душой. Шевченко и Рыльский подарили Украину — с ее печалью и радостью, Руставели и Леонидзе — Грузию с ее нежностью и мужеством. Я благодарен Исаакяну — он оставил мне, аварцу, сияние Севана и снежные вершины Арарата. Когда я был в Кабардино-Балкарии, Кайсын Кулиев сказал мне: «Я отдаю тебе и Эльбрус, и мое родное Чегемское ущелье». ...И если я раньше говорил: «Мой Дагестан», то теперь могу сказать «Моя Россия», «Моя Грузия»...»².

И естественно, что в произведениях писателей находит разностороннее и глубокое выражение эта важная отличительная черта наших людей — осознание каждым человеком, к какой бы национальности или народности он ни принадлежал, своей причастности к труду и помыслам всего советского народа.

² Гамзатов Р. И песнь моя — страна родная. — «Известия», 1972, 2 июня.

Советская литература отразила всемирно-исторический опыт революционного преобразования общества, богатый и многогранный опыт строительства развитого социализма в нашей стране, воплощает в себе высшие идеалы коммунизма.

Лучшие герои советской литературы отражают духовный облик человека, воспитанного социалистическим строем. Достаточно здесь назвать Павла Корчагина, молодогвардейцев. Эти и многие подобные им литературные образы в равной мере близки и понятны всем народам нашей страны.

А. М. Горький выдвинул и всесторонне обосновал положение о советской литературе как литературе всесоюзной, многонациональной. Еще в 1928 г. он отмечал: «В России совершается то, чего никогда и нигде не было, — русский рабочий народ действительно объединяет всех инородных людей в одном великом деле — в творчестве новых форм жизни... Идет процесс взаимного обмена свойств и качеств, создается тип нового человека. Россия дает миру великий урок, показывая, как надо соединять разнородное — в единое по духу, по цели»³.

В 1934 г. на Первом всесоюзном съезде советских писателей Горький говорил, что «разноплеменная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира»⁴. Горький подчеркивал необходимость теснейшего сближения народов СССР, возможно более полного обмена культурными ценностями. «Идеальным было бы, — отмечал он, — если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единственной социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен, создала бы единственную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру»⁵.

³ Архив А. М. Горького. Т. X, кн. 2. М. Горький и советская печать. М., 1965, с. 357.

⁴ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 27. М., 1953, с. 296.

⁵ Там же, т. 30, с. 365—366.

Как русские советские писатели, так и писатели всех братских народов СССР, подчеркивал Горький, «работают не только каждый на свой народ, но каждый — на все народы Союза Советских Социалистических Республик и автономных областей»^{5а}.

Если писатель следует идейно-творческим принципам советской литературы, прежде всего ленинскому принципу партийности, коммунистической идейности советской литературы, его произведение в силу объективной закономерности нашей жизни — полного совпадения коренных интересов любой нации и народности с общими интересами всех советских народов — будет близким и понятным представителям всех народов СССР.

Литература народов СССР многообразна по своим национальным формам, тем не менее различие их не препятствует ее единству. Более того, этим определяется богатство, многогранность, полнота советской литературы, поскольку каждая национальная литература вносит в общую художественную сокровищницу советского искусства свои специфику, особенности, колорит, живые традиции.

Для художественного мышления советского писателя характерно глубокое понимание единства и неразрывности общесоюзного литературного процесса — развития всей многонациональной советской литературы.

Единство советской литературы не сводится к обычным формам литературного взаимодействия, а включает в себя все выработанные историко-литературным опытом многих народов способы обмена культурными ценностями: переводы, разработка в литературе интернациональной темы, использование образов и мотивов литературы других народов, встречи и контакты между писателями — представителями разных литератур и т. д. Единство общесоюзного литературного процесса — это принципиально новое явление, ибо его природа, характер и особенности определяются тесной, все более усиливающейся консолидацией советского народа как социальной и интернациональной общности. В этих условиях переводы, обмен опытом между писателями и другие формы взаимодействия литератур получают новое, более глубокое значение, становятся фактами укрепления духовной, культурной общности советского народа.

^{5а} Горький А. М. Собр. соч., т. 27, с. 341.

Ведущая роль в развитии культурного взаимодействия между литературами народов Советского Союза принадлежит русской литературе, для которой в высшей мере характерен пристальный интерес к духовным ценностям других народов. С первых дней победы революции она служила и служит ярким примером литературного содружества советских народов.

В укреплении этого содружества велика роль А. М. Горького. Во всем облике Горького как выдающегося организатора многонационального литературного процесса в нашей стране, активного борца за расцвет всей советской литературы, его разносторонней творческой деятельности с наибольшей яркостью и полнотой воплотились интернациональный дух и характер советской литературы.

Многогранную связь Горького с литературами народов СССР и его исключительно большую роль в становлении и развитии национальных литератур убедительно раскрыл в своей книге «Горький и национальные литературы» Н. К. Пиксанов⁶ Вопрос о влиянии Горького на казахскую литературу освещали в своих работах Т. Беисов, И. Габдиров⁷

Творчество великого пролетарского писателя оказало огромное воздействие на становление и развитие как казахской, так и всей многонациональной советской литературы. Освоение богатейшего художественного опыта Горького требовало, разумеется, высокого художественного мастерства, глубокого изучения жизни.

Великий художник слова, произведения которого отличаются глубиной проникновения в сущность жизненных явлений, поражает воображение как читателей, так и писателей прежде всего правдивостью своих произведений, учит раскрывать глубокие пласты жизни. В творчестве Горького писателей привлекают новизна восприятия жизни, масштабность художественного мышления. Об этом свидетельствуют, в частности, полные искреннего восхищения высказывания о Горьком видных казахских писателей.

⁶ См. в кн.: Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., 1946.

⁷ См. в кн.: Беисов Т. Некоторые вопросы горьковских традиций в казахской советской литературе. Алма-Ата, 1953; Габдиров И. Горький и казахская советская литература. Алма-Ата, 1966.

«Я полюбил гениального художника слова сразу, всем сердцем, как только прочел первые его рассказы,— писал И. Джансугуров.— Книги Горького усилили во мне желание писать, открыли глаза на мир, обогатили душу, звали вперед. Особенное влияние оказывали на мое творчество высокопоэтические «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике». Звавший человечество к свободе голос Буревестника великой бури громко звучал в моем сердце. Я перевел эту песню, разбудившую меня, на казахский язык. Ее с любовью и сейчас читает казахский народ»⁸.

«На меня,— вспоминал С. Муканов,— незабываемое впечатление произвели его книги «Детство», «В людях», «Мои университеты», они побудили меня к созданию повести «Школа жизни». В книгах Горького я увидел большое сходство — тяжелой скитальческой судьбы молодого Горького и моей батраческой юности. Но, разумеется, не только это заставило меня написать автобиографическую повесть. Горький изумил меня своим непревзойденным художественным мастерством, свежестью и выразительностью языка, выпуклостью созданных им образов. Он тронул и взволновал до глубины души, как гениальный мастер-музыкант, и к его первой скрипке в оркестре захотелось присоединиться, чтобы пропеть на своем языке тот же мотив»⁹.

Г. Мусрепов писал: «В юности, когда я, овладев грамотой, начал писать книги, передо мной стали раскрываться картины жизни ранее неизвестных мне окраин, я как бы становился очевидцем судьбы совсем неизвестных мне людей. Особенно глубокое впечатление оставляли рассказы М. Горького, порою я не мог оторваться от них и, окончив чтение, начинал переводить рассказ предложение в предложение на казахский язык. Так я стал переводчиком рассказов М. Горького, а затем начал писать сам. Книги родили во мне любовь к жизни, и я неустанно изучал ее, стараясь отобразить то, что видел, что волновало, огорчало или радовало меня»¹⁰.

Воздействие творчества Горького определяется прежде всего тем, что он учит писателей активному вторжению в жизнь, неразрывной связи с жизнью народа, смелому ху-

⁸ Джансугуров И. Наш великий учитель. — «Казахстанская правда», 1968, 13 февраля.

⁹ Муканов С. Наш учитель и друг. — Там же, 1951, 17 июня.

¹⁰ Там же, 1958, 15 марта.

дожественному новаторству. Поэтому дело заключается не в сходстве отдельных тем, мотивов и образов, хотя и такая творческая переключка писателей с Горьким представляет, по-видимому, определенный интерес. Важно уметь видеть своеобразие всей художественной системы Горького, его творческих принципов и их значение для развития всей советской литературы.

Горький проявлял большой интерес к художественной культуре всех братских народов нашей страны, в частности к народному песенно-поэтическому творчеству казахского народа. Он восторженно встретил публикацию казахских песен А. В. Затаевичем в сборнике «Тысяча песен казахского народа». В 1929 г. в очерках «По Союзу Советов» Горький писал: «Вот передо мной сборник «Тысяча казахских-киргизских песен», они положены на ноты, оригинальнейшие их мелодии — богатый материал для Моцартов, Бетховенов, Шопенов, Мусоргских и Григов будущего. Отовсюду — от зырян, бурят, чуваш, марийцев и т. д. для гениальных музыкантов будущего льются ручьи поразительно красивых мелодий... И слушаешь пение... думаешь, конечно, не только о музыке будущего, а о будущем страны, где все разноязычные люди труда научатся уважать друг друга и воплотят в жизнь всю красоту, издревле накопленную ими. Это должно быть, и это будет»¹¹

Эта горьковская традиция, продолженная советскими писателями, служит обогащению как русской, так и всех литератур народов СССР.

В 1939 г., выступая на XVIII съезде партии, М. Шолохов с полным правом говорил: «Творчество поэтов и писателей братских национальных республик, прежде мало известное русскому народу, стало теперь общенародным. Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее и сделали подлинно интернациональной. Кого из вас не восхищали эпические, мужественные в своей простоте песни Джамбула? Кто оставался равнодушным, читая узорные, певучие строки Сулеймана Стальского? Даже утратив при переводе частицу своей первобытной прелести, слова этих писателей находили прямую дорогу к нашим сердцам...»¹²

Горьковские идеи о единстве многонациональной со-

¹¹ Горький А. М. Собр. соч., т. 17, с. 133.

¹² Шолохов М. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М., 1960, с. 136.

ветской литературы, о тесном взаимодействии литератур народов СССР подхвачены многими видными деятелями национальных литератур. Большое внимание этому вопросу уделял классик казахской литературы академик Мухтар Ауэзов, заслуги которого отмечены, в частности, в книге «Интернациональное и национальное в литературах Востока»: «Известный казахский писатель М. Ауэзов в своих статьях 40-х и начала 50-годов, подчеркивая благотворную роль русского языка и литературы для литератур других народов СССР, развивал горьковские идеи на основе анализа национальных литератур народов Советского Востока»¹³.

Интенсивное, ускоренное развитие казахской социалистической культуры и литературы оказалось возможным именно в условиях тесных культурных взаимосвязей народов СССР, развития их всестороннего содружества и братской дружбы. Укрепление дружбы казахского народа с русским и всеми другими народами СССР отвечало коренным интересам казахских трудящихся, ибо иначе было бы невозможно осуществить те грандиозные социальные преобразования, которые произошли в Казахстане за советские годы.

«Мы глубоко сознаем, — говорил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев на XXV съезде КПСС, — что достигнутое нами — не случайность, а закономерный результат ленинской национальной политики, плод общих усилий и сотрудничества всех советских народов во главе с великим русским народом, давшим миру образец подлинной революционности, давшим миру великого Ленина»¹⁴.

Казахская советская литература развивается, опираясь на творческий опыт всех народов нашей страны. Огромное воздействие на ее развитие, как и других литератур народов СССР, оказали произведения таких выдающихся русских советских писателей, как М. Горький, В. Маяковский, Д. Фурманов, Н. Островский, К. Федин, Л. Леонов, М. Шолохов, Н. Тихонов и др.

Творческое восприятие казахскими писателями богатейшего опыта русской классической и советской литературы способствует развитию и новому расцвету наиболее жизнеспособных элементов казахской литературы.

¹³ Интернациональное и национальное в литературах Востока. М., «Наука», 1972, с. 270.

¹⁴ «Правда», 1976, 26 февраля.

Немалое значение для упрочения русско-казахских литературных взаимосвязей имело и имеет творческое сотрудничество писателей, постоянное и очень тесное общение многих казахских писателей с видными деятелями русской литературы — писателями, переводчиками, критиками.

Переводы произведений русской литературы занимают значительное место в современном литературном процессе в Казахстане. Весьма существенно, что в этом важном деле активно участвуют многие виднейшие казахские писатели.

Габит Мусрепов отмечал большую роль С. Сейфуллина в ознакомлении казахских читателей с произведениями русской советской литературы. Он писал: «Отлично понимая огромную роль русской классической и советской литературы в развитии и росте национальных литератур страны, Сакен Сейфуллин был у нас первым популяризатором творчества Горького, Маяковского, Демьяна Бедного, Серафимовича, Gladкова и других. Сам был переводчиком Маяковского, редактировал казахский перевод «Юности Маркса» Галины Серебряковой»¹⁵.

В переводах М. Ауэзова наряду с шекспировскими «Отелло» и «Укрощение строптивой» получили известность «Ревизор» Н. Гоголя, «Дворянское гнездо» И. Тургенева, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Аристократы» Н. Погодина.

Над переводами произведений Горького, а также А. Толстого, М. Шолохова и многих других выдающихся русских писателей работали писатели И. Джансугуров, Г. Мусрепов, А. Нурпеисов, М. Каратаев, Т. Ахтанов и другие.

Ныне мощное и разностороннее влияние русской литературы исключительно плодотворно сказывается на всем литературном процессе в Казахстане, оно не только питает творчество писателей, но и формирует также художественно-эстетическое сознание читателей.

В современных условиях в нашей стране вместе с развитием и обогащением национальных языков, в том числе казахского, непрерывно возрастает роль русского языка как могучего средства межнационального общения. И весьма существенным является здесь то обстоятельство, что в нашей республике, как и в других республиках, сот-

¹⁵ «Казахстанская правда», 1964, 2 мая.

ни тысяч казахских читателей наряду со своим родным языком свободно владеют русским, знакомятся с произведениями русских писателей в оригинале.

Таким образом, художественный вкус казахских читателей, по крайней мере их огромного большинства, воспитывается как на произведениях родной литературы, так и на лучших образцах всей советской и мировой литературы. Следовательно, требования, предъявляемые читателями к идейно-художественным достоинствам произведений, неизмеримо возрастают. Вместе с тем более строгой, взыскательной оценке произведений способствует и следующее обстоятельство. Благодаря переводу на русский язык всех значительных произведений национальных литератур перед писателем — представителем любой национальной литературы, талант которого действительно заслуживает всеобщего признания, открывается возможность иметь многотысячного, более того, многомиллионного читателя, и при этом не только у нас в стране, но и за рубежом. Такая возможность включения лучших произведений национальной литературы в активный фонд всесоюзной литературы и выход их на широкую арену общественной оценки и признания — не только привилегия писателя, одновременно это означает повышение критериев оценки произведения. Только произведения, обладающие ярким национальным своеобразием, глубоко отражающие достижения национальной культуры и одновременно имеющие широкое интернациональное звучание благодаря важности, актуальности, общечеловеческой значимости поставленных проблем, могут стать на уровень общесоюзного, а также мирового художественного опыта.

В свете сказанного очевидна чрезвычайно важная роль русского языка как могучего средства приобщения всех народов нашей страны к величайшим сокровищам русской и всей мировой культуры, как неиссякаемого источника знаний и культуры. Следует здесь также заметить, что огромное число представителей национальных республик, для которых русский язык является вторым родным языком и которые читают произведения русских писателей в подлиннике, имеют возможность знакомиться с образцами мировой литературы как в переводах на национальные языки, так и по многочисленным прекрасным русским переводам. Вместе с тем благодаря русскому

языку лучшие произведения национальной литературы становятся доступными многим народам. Он выступает как фактор, неизмеримо расширяющий рамки национальных литератур, возможности их взаимодействия с литературами других народов, открывает широкий простор для межнационального сотрудничества и взаимообогащения всех народов нашей страны.

«Русскому языку, первому среди великих языков мира,— пишет чукотский писатель Юрий Рытхэу,— выпала честь служить орудием освобождения поработенных царизмом народов. Он не только средство общения и объединения трудящихся многонациональной Советской страны, но также язык, через который проникают в сознание людей ленинские идеи. Изучение русского языка, овладение им послужило толчком к дальнейшему развитию и обогащению национальных языков. Достаточно беглого обзора истории культуры и литературы любого народа и народностей нашей страны, чтобы убедиться в том, что выдающиеся деятели искусства и литературы, как правило, отлично знали русский язык и это знание служило мощным стимулом для развития собственного языка, собственной культуры и литературы»¹⁶.

О роли русского языка для развития казахской литературы и литературного языка известны глубокие высказывания Мухтара Ауэзова. Он, в частности, писал: «Для многих из наших писателей русский язык является таким же родным языком, как и казахский. Хотя произведения свои казахские литераторы создают на своем родном языке, они знакомятся с мировой литературой русского и других братских народов через посредство русского языка. Нельзя не учитывать ввиду этого, что в мыслях, чувствованиях, в речи, в метафорах, в выборе слов наших писателей сильно сказывается влияние русского языка и русской литературы. Второй наш язык — русский язык — если не в отношении словаря, то в отношении построений образа, предложений играет огромную роль. Иногда мастерство писателя, пишущего на казахском языке, определяется воспитанием на основе не только казахского, но и русского языка»¹⁷.

¹⁶ Рытхэу Ю. Четвертое измерение. — «Правда», 1969, 15 декабря.

¹⁷ Ауэзов М. Некоторые вопросы развития казахского литературного языка. — «Литературная газета», 1951, 4 октября.

Насколько широко в духовную жизнь одного народа входят в нашей стране достижения литературы и культуры всех советских наций и народностей, можно отчетливо видеть на примерах взаимодействия литератур народов СССР. В золотой фонд социалистической культуры советского народа вошли отличающиеся яркой национальной самобытностью произведения таких писателей старшего поколения, как Я. Купала, Я. Колас, М. Танк, П. Тычина, М. Рыльский, М. Бажан, О. Гончар, А. Корнейчук, А. Упит, В. Лацис, С. Айни, Б. Кербабев, Айбек, М. Турсун-заде, С. Вургун, С. Чиковани, Г. Леонидзе и многие другие. Общим достоянием всех народов нашей великой Родины являются произведения Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса, К. Кулиева, Н. Думбадзе, В. Быкова, Д. Кугультинова, Ю. Рытхэу и др.

Столь же ценный вклад в развитие многонациональной советской литературы внесли казахские писатели Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Беимбет Майлин, Джамбул Джабаев, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габит Мусрепов и др.

Многонациональному читателю нашей страны стали известны произведения также Габиден Мустафина, Абдильды Тажибаева, Абдижамия Нурпеисова, Ануара Алимжанова, Тахави Ахтанова, Олжаса Сулейменова, Джубана Мулдагалиева, Ильяса Есенберлина и др.

Важно отметить, что в произведениях казахских писателей перед читателем встает широкая картина социальной борьбы в дореволюционном казахском ауле, воплощены острые столкновения и непримиримая борьба классов в предреволюционные годы и в годы борьбы за укрепление Советской власти в Казахстане, правдиво изображено участие казахского народа в Октябрьской революции и в Великой Отечественной войне, наглядно показаны глубочайшие социальные преобразования, осуществленные за годы Советской власти. За последние десятилетия создано немало произведений, в которых убедительно обрисованы рабочие и колхозники, представители казахской интеллигенции, разносторонне раскрываются духовный мир и характер нашего современника. Создавая летопись истории и современной жизни Советского Казахстана, писатели республики вносят свой вклад в общесоюзную литературу, призванную ярко и всесторонне отразить великую пре-

образующую деятельность советского народа под руководством Коммунистической партии. Этим и определяется роль произведений казахской литературы, призванных воспитывать трудящихся в патриотическом, интернациональном духе.

Пафосом утверждения интернациональных идей, раскрытием глубоких исторических корней дружбы казахского и русского народов отличается роман «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, в котором реалистически изображена жизнь казахского общества на всем протяжении второй половины прошлого столетия. И черты национального своеобразия казахской литературы особенно ярко сказались в специфике как строя языка, так и образного мышления казахов, особенностях мировосприятия, национальной психологии, отражающих своеобразие исторической жизни, быта и культуры народа. Интернациональный пафос произведения определяется умением автора придать общечеловеческое звучание проблемам и фактам из казахской жизни, умением освещать поступательный ход истории с позиции метода социалистического реализма, осмысливая исторические события современной социально-философской и художественно-эстетической точек зрения.

Обогащение и расширение интернациональных черт казахской литературы не ограничивают ее национальную специфику, напротив, способствуют дальнейшему развитию национальных особенностей литературы. Необходимо учитывать, что национальное своеобразие художественной культуры и литературы любого народа в условиях социализма получает новое развитие, обогащается современным художественным опытом.

«Процесс сближения наций,— отмечал известный литературовед Г. Ломидзе,— непрерывно пробуждает новые силы в национальном культурном творчестве, ведет его к новому качеству»¹⁸.

Утверждение в советской литературе новых эстетических идеалов, нового отношения к труду открыло возможность более глубоко использовать ранее накопленный художественный опыт для развития национально-поэтических традиций в соответствии с задачами, вставшими перед литературой социалистического реализма, для выработки литературно-художественных традиций на основе

¹⁸ Социалистический реализм в литературах народов СССР М., 1962, с. 6.

осмысления достижений национальной культуры исходя из принципов современной эстетики. В этой связи приобретает большое значение понимание национальной специфики художественной культуры, особенностей литературных традиций, диалектического единства традиции и новаторства в области литературной художественной формы.

А. Фадеев подчеркивал, что своеобразный дух и строй речи составляет один из важных компонентов национальной формы литературы. Он писал: «Что значит национальная форма искусства? Это значит — прежде всего родной язык. Это значит — также своеобразный дух и строй речи, вбирающий в себя в течение столетий народный фольклор. Это значит — традиции национальной классической литературы, что особенно важно в поэзии. Это значит, наконец, тот неповторимый национальный склад характера, психологические, эмоциональные особенности народа, которые создают неповторимый цвет и запах каждого национального искусства. В СССР раскрепощены эти живые народные родники, источники творчества»¹⁹.

Поскольку казахская дореволюционная литература по преимуществу представляла собой поэзию, то, говоря о национальных традициях казахской литературы в области художественной формы, следует коснуться вопроса об особенностях поэтического языка.

При изучении произведений казахского поэтического искусства с точки зрения художественных особенностей обращает внимание исключительное богатство предметно-конкретных представлений, характерных сравнений, метафор, эпитетов и других поэтических образов. Вследствие того, что казахи на протяжении многих веков жили в кочевом обществе, в словарном составе общенародного языка, в том числе и в лексике поэтического языка, имеется огромное количество поэтических образов и выражений, оборотов, которые рождены на основе живого наблюдения действительности в обстановке кочевого быта. Кочевой образ жизни, сохранившийся у казахов на протяжении веков, в значительной мере определил особенности поэтического восприятия мира, наложил яркий отпечаток на склад, характер художественного мышления народа. Достаточно сказать, что, например, явления при-

¹⁹ Фадеев А. Литература и жизнь. М., 1939, с. 51.

роды, а также факты общественной жизни в казахской народной поэзии воспринимаются по аналогии с явлениями, фактами кочевого быта, возникают разнообразнейшие ассоциации между явлениями, предметами кочевого быта, с одной стороны, и всеми другими проявлениями материальной и духовной жизни народа — с другой. Важно учитывать, что эти многочисленные ассоциативные связи и аналогии, существующие в сознании народа, определяющие важные черты его художественного мышления, являются основой многих поэтических образов современной казахской литературы. Нередко поэтические образы, аналогии, ассоциации в применении их к новым жизненным явлениям расширяются, обновляются. Вместе с тем в современной литературе возникло немало поэтических образов, рожденных новыми ассоциациями, сопоставлениями.

Развитие социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, продолжение лучших национальных художественных традиций — процесс закономерный, определяемый условиями жизни социалистических наций в период строительства коммунистического общества.

Характеризуя пролетарскую культуру, В. И. Ленин писал: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»²⁰.

Взаимодействие и взаимное влияние братских народов нашей страны не только способствуют обмену культурными ценностями, но и дают возможность более глубоко изучить жизнь братских народов, проникнуть в художественный и поэтический мир других народов.

Одним из ярких фактов культурного взаимодействия является разносторонняя разработка казахской тематики, образов представителей казахского народа в произведениях многих русских писателей и писателей других народов нашей страны.

Большую активность здесь проявляют прежде всего писатели, живущие в Казахстане или неоднократно побывавшие в республике, хорошо знающие жизнь, быт и

²⁰ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., ГИХЛ, 1957, с. 335.

культуру казахского народа. Среди них — известные деятели литературы Вс. Иванов, П. Васильев, Вс. Рождественский, Н. Анов, И. Шухов, С. Марков, Дм. Снегин и др. Ощущение стихии национального бытия, умение подойти к пониманию жизненных интересов народа с позиций интернационализма, яркость впечатлений, рожденных на основе непосредственного наблюдения жизни, тонкая художественная интуиция — вот качества, которые определяют достоинства их произведений.

Таковы романы Н. Анова «Ак-Мечеть», «Крылья песни», посвященные событиям, происходившим в Казахстане. Если в первом романе писатель на фоне социально-исторических событий, свидетельствующих о сближении русского и казахского народов, раскрывает прогрессивное значение деятельности представителей передовой русской культуры Плещеева, Макшеева в дореволюционном Казахстане, то в романе «Крылья песни», изображая события культурной жизни в Казахстане 20-годов, он создает яркий образ поэта-певца Мусы Базанова, прототипом которого является известный казахский певец-импровизатор Иса Байзаков.

Большое место казахстанская тематика занимает в творчестве русского писателя Дм. Снегина. Свидетельством этому служат многие его стихотворные произведения, а также трилогия «В городе Верном». Дм. Снегин известен как переводчик произведений казахских и уйгурских поэтов. Немало переводов произведений видных казахских прозаиков (М. Ауэзова, С. Муқанова, Г. Мусрепова и др.) принадлежит перу писателя И. Шухова. В произведениях И. Шухова и Н. Анова нашел яркое отражение героический подвиг советских людей по освоению целинных земель в Казахстане.

Образ замечательного казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова создал С. Марков в романе «Идущие к вершинам». О дружбе Чокана Валиханова с Ф. М. Достоевским повествует в своей книге П. Косенко.

Поэмы об Абае Кунанбаеве Вс. Рождественского, К. Алтайского «Джамбул, сын Джабая» воспевают дружбу русского и казахского народов.

Близкое знакомство с жизнью и культурой братских народов обогащает писателей новыми жизненными впечатлениями, расширяет их кругозор. Об этом красноречи-

во свидетельствуют строки из произведения Вс. Рожде-
 ственского:

Но как забыть средь северных туманов
Степного солнца неизбывный жар,
Сады, где шел со мной Сабит Муканов,
О Фаусте беседовал Мухтар!
Я вижу снова смуглого Джамбула
В бобровой шапке, с посохом в руке,
И струн его не позабыть мне гула
Пусть на чужом, но братском языке.
И «Кыз-Жибек» — красу казахской сцены,
Куляш с ее заливистым «Гак-Ку»...
Приветствую я жизни перемены,
Но и бывое в сердце берегу²¹

Вс. Рождественский широко известен и как один из первых переводчиков произведений классика казахской литературы Абая Кунанбаева. Его перу принадлежат также переводы «Кюйши» И. Джансугурова, стихотворений С. Сейфуллина.

Большой вклад в дело перевода произведений казахской литературы на русский язык внесли русские писатели и поэты Л. Соболев, Ю. Казаков, А. Пантиелев, А. Никольская, Ю. Домбровский, Я. Смеляков, И. Сельвинский, П. Кузнецов, М. Тарловский, Л. Озеров, Н. Сидоренко, М. Луконин, К. Алтайский, М. Львов, С. Липкин и др. Трудно переоценить значение этой плодотворной деятельности большого отряда русских писателей, которая способствует популяризации произведений казахской литературы, представляет писателям широкие возможности для взаимного обмена художественным опытом. Л. Соболев, говоря о своей работе над переводом романа об Абае Мухтара Ауэзова, подчеркивал: «Работать над переводом этого романа было для меня настоящим наслаждением. Выразительность и пластичность образов, яркость и афористичность языка, глубокая поэтичность — все это превращало в радость кропотливый труд поиска нужных слов и оборотов и наполняло меня гордостью за казахскую литературу, судьбы которой мне близки и дороги» ²².

Казахстанская тематика находит отражение и во мно-

²¹ «Дружба народов», 1976, № 6.

²² *Соболев Л.* Литература, рожденная революцией. — В кн.: Русские о казахской литературе. Алма-Ата, КГИХЛ, 1957, с. 117.

гих произведениях украинских писателей. Пребыванию Т. Шевченко в ссылке посвящен роман Зинаиды Тулуб «В степи бескрайной за Уралом».

В повести О. Десняка «Тургайский сокол» создан образ замечательного героя казахского народа Амангельды Иманова. Следует назвать также лирический цикл «Сто дум Абая» Тереня Масенко.

В свою очередь, в произведениях Джамбула Джабаева, С. Муканова, Т. Жарокова, А. Тажибаева, А. Сарсенбаева, Ж. Саина воспевается братская Украина, ее народ.

С особым волнением казахские поэты пишут о Тарасе Григорьевиче Шевченко. Длительное пребывание Шевченко на казахской земле и его интерес к жизни и быту казахов воспринимаются как символ исторической дружбы украинского и казахского народов. Литературные произведения, рисунки, дневниковые записи Шевченко наглядно подтверждают, с каким огромным уважением он относился к культуре казахского народа, к его песенно-поэтическому творчеству. Он выражал в них искреннюю симпатию к казахскому народу, отмечал такие качества простых людей, как трудолюбие, гостеприимство, «общительность».

В повестях и в стихотворениях Шевченко описывает места, которые он посетил, будучи в Казахстане («Близнецы», «Варнак», «Несчастный»). В некоторых его произведениях творчески использованы мотивы казахских народных преданий и легенд (стихотворение «Топор был за дверью у господ бога», повесть «Близнецы»). Выражая любовь народа к Тарасу Шевченко, поэты С. Муканов, К. Аманжолов, А. Тажибаев, Т. Жароков, А. Токмагамбетов, Д. Абилев, С. Мауленов, С. Сеитов и другие перевели на казахский язык многие его произведения. Немало создано переводов также из современных украинских поэтов — Максима Рыльского, Павла Тычины и др.

Казахстан — республика многонациональная, здесь живут и трудятся представители более 120 наций и народностей — подавляющего большинства национальностей, населяющих Советский Союз.

Процесс тесного общения и творческого взаимодействия казахских писателей с русскими, а также, например, с уйгурскими, немецкими, корейскими писателями, живу-

щими в республике, благотворно влияет как на развитие казахской литературы, так и на художественную практику писателей — представителей братских народов.

В уйгурской советской литературе созданы такие значительные произведения, как романы Х. Абдуллина «Под небом Турана», «Земляки», З. Самади «Тайны годов», Дж. Бусакова «Водоворот» и др.

Достижением уйгурской литературы являются лучшие произведения поэтов И. Искандерова, Х. Хасанова, И. Бахтия, И. Бахниязова, М. Абдурахманова, Х. Хамраева.

Значительное место в произведениях уйгурских советских писателей занимает тема дружбы народов Советского Союза, их братского единения под знаменем ленинизма. В них ярко отражено активное участие уйгурского народа в социалистическом строительстве в нашей стране, жизнь уйгурских трудящихся в единой дружной семье народов СССР.

Многие произведения уйгурских писателей переведены на русский и казахский языки. Можно назвать и другие факты, свидетельствующие о все возрастающем укреплении связи уйгурской литературы с литературами народов СССР. Уйгурские поэты переводят произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других русских классиков. Роман «Мать» Горького переведен уйгурским писателем Х. Хасановым, «Чапаев» Д. Фурманова — Х. Абдуллиным. На уйгурский язык переведены стихи Джамбула, многих других казахских поэтов. В числе любимых произведений уйгурских зрителей — пьесы М. Ауэзова «Айман-Шолпан», Г. Мусрепова «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

Немецкие писатели Казахстана также интересуются жизнью тружеников республики, выражают в своих произведениях чувство признательности к казахской земле, воспевают братскую дружбу советских народов. Таковы стихотворения И. Варкентина «Казахстан», Г. Бельгера «В Алма-Ате», Р. Вебера «Караганда», Н. Пфедфер «Утро Алма-Аты» и др.

Немецкие поэты Казахстана прилагают немало усилий, чтобы сделать достоянием немецких читателей произведения казахских поэтов. Так, ими переведены многие стихи С. Сейфуллина, И. Джансугурова, Х. Бекхожина, С. Мауленова, Дж. Мулдагалиева, К. Мурзалиева и дру-

гих. Заслуживают внимания переводы произведений казахских прозаиков, сделанные писателем Г Бельгером.

Сегодня литературный Казахстан привлекает внимание многих зарубежных читателей. Лучшие произведения казахской литературы переведены на многие языки народов мира. Эпопея «Путь Абая» М. Ауэзова переведена на болгарский, венгерский, вьетнамский, корейский, немецкий, польский, румынский, словацкий, чешский, английский, французский, греческий, турецкий, хинди.

Патриотический, интернациональный дух, которым проникнуты произведения казахских писателей, имеет огромную притягательную силу как для представителей народов социалистических стран, так и для трудящихся масс капиталистических стран.

Опыт борьбы за социалистическое преобразование жизни в Казахстане, осуществленная в республике за сравнительно короткое время культурная революция вызывают большой интерес и чувство восхищения у всех прогрессивных людей земного шара. Об этом свидетельствует растущий интерес к произведениям казахской литературы прежде всего в социалистических странах, появление все новых переводов из казахской литературы. Вместе с тем в условиях острой идеологической борьбы, происходящей на международной арене, существуют и попытки дать необъективное, ложное представление о казахской литературе, умалить значение ее успехов. Так, например, в книге «Основы тюркской филологии» (том 2), изданной в 1965 г. на немецком языке в Западной Германии (Висбаден), в разделе, посвященном казахской литературе, ее составители стремятся представить в качестве выразителей устремлений народа реакционных и не пользующихся ныне известностью деятелей литературы. В опубликованной в 1974 г. в Турции «Антологии национальной поэзии» также дается неверное, искаженное представление о литературах тюркоязычных народов (азербайджанской, татарской, казахской и др.), делается попытка пропагандировать произведения, чуждые народу, содержащие идейные ошибки.

Советская литература неизменно выступала и выступает надежным помощником Коммунистической партии в претворении в жизнь величественных планов построения коммунизма. Партия ставит перед писателями задачу, оставаясь верными своему патриотическому и интернацио-

нальному долгу, отражать современную жизнь во всем ее богатстве, показать советского человека в многообразии его трудовой и политической активности, полно и глубоко раскрывать его духовную, нравственную красоту.

«Решая вопросы дальнейшего развития страны по пути, намеченному Лениным,— отметил Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию СССР,— партия придает большое значение делу постоянного, систематического и глубокого воспитания всех граждан Советского Союза в духе интернационализма и советского патриотизма. Эти два понятия представляют для нас неразрывное целое. Разумеется, они воспитываются у трудящихся самой советской жизнью, всей нашей действительностью. Но здесь необходимы и сознательные усилия партии, всех работников политико-идеологического фронта. Наша работа в этом направлении есть весьма важная часть общего дела строительства коммунизма»²³.

В свете этого роль произведений советской многонациональной литературы в патриотическом, интернациональном воспитании трудящихся должна непрерывно возрастать, полностью отвечать требованиям, которые выдвигаются партией перед идеологическими работниками.

Советская литературная критика призвана более углубленно изучать вопросы об интернациональных чертах казахской советской литературы, о ее национальных особенностях, об общности казахской литературы с литературами братских народов СССР. Раскрывая национальные особенности, специфические черты и своеобразие художественного творчества того или иного народа, важно со всей ясностью видеть и то общее, что объединяет национальные литературы нашей страны.

XXV съезд КПСС вновь подчеркнул огромное идейно-воспитательное значение советской литературы и искусства, показал замечательный пример рассмотрения проблем литературы и искусства в неразрывной связи с теми насущными задачами, которые решает советский народ на современном этапе коммунистического строительства.

Шестой Всесоюзный съезд писателей и седьмой съезд писателей Казахстана, проходившие в обстановке всенародного подъема, вызванного XXV съездом КПСС, обобщили богатый творческий опыт, накопленный нашей мно-

²³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4, с. 64.

гоңациональной литературой, обсудили важнейшие проблемы ее дальнейшего развития, определили задачи и перспективы литературы в свете предначертаний ленинской партии.

Вдохновленные решениями XXV съезда КПСС, величием задач, поставленных перед трудящимися нашей страны, перед деятелями литературы и искусства, советские писатели умножат свои творческие усилия, чтобы создать произведения, достойные великого советского народа.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Произведения крупной эпической прозы — романа — благодаря специфике самого жанра, емкости, масштабности и многоплановости, широте эпического повествования открывают большой простор для изображения жизни во всем ее многообразии, для глубокой характеристики эпохи и личности, для раскрытия сложной диалектики человеческой души и важнейших тенденций социального развития, для постановки важных социальных, исторических, морально-этических проблем. В них заключены огромные возможности для широкого охвата самых разнообразных событий и явлений общественной жизни, для художественного освещения и интерпретации социальных проблем. В соответствии с этим в романах на первый план выдвигается задача глубокого изображения типических характеров в типических обстоятельствах, всестороннего раскрытия психологии человека.

В. Г. Белинский подчеркивал, что роман возник в новейшую эпоху, «когда все гражданские, общественные, семейные и вообще человеческие отношения сделались бесконечно многосложны и драматичны, жизнь разбежалась в глубину и ширину в бесконечном множестве элементов»¹.

«Задача романа, как художественного произведения, — писал В. Г. Белинский, — есть совлечь все случайное с ежедневной жизни и с исторических событий, проникнуть

¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 2, с. 39.

до их сокровенного сердца — до животворной идеи, сделать сосудом духа и разума внешнее и разрозненное. От глубины основной идеи и от силы, с которой она организуется в отдельных особенностях, зависит большая или меньшая художественность романа»² Как жанровая форма роман прошел сложный путь развития. Особенно широко разрабатывался он в современной советской литературе.

На IV съезде писателей СССР М. Шолохов говорил: «Я целиком разделяю точку зрения Константина Федина на то, что единственным жанром в прозе — таким, какой в состоянии охватить огромные социальные сдвиги в нашем обществе,— все же был и остается роман. Он дает и будет давать возможность писателю развернуть широкое полотно с изображением происходящих в нашей стране событий, показать огромные изменения в психологии и мировоззрении людей, проследить за судьбами героев на протяжении длительного времени»³

Этот вывод сделан, несомненно, с учетом богатого опыта всей многонациональной советской литературы. О больших возможностях романа может красноречиво свидетельствовать успешное развитие этого жанра и в казахской литературе.

Живительный источник современного казахского романа — сама жизнь, сегодняшняя эпоха. Она дает ему неисчерпаемый материал и ставит множество жизненных проблем, которые необходимы для создания большого эпического произведения. Если же говорить о литературных традициях, художественной преемственности, в первую очередь можно назвать многовековую устную казахскую поэзию и отдельные образцы художественной прозы дореволюционного периода, а также богатый литературный опыт братских народов и прежде всего великого русского народа. Литературный процесс определяется потребностями общественной жизни, и художественные традиции используются в соответствии с задачами современности.

Казахская проза, имеющая сравнительно небольшую историю, что характерно также и для литератур других народов нашей страны, более тесно и непосредственно связана с поэтическим искусством народа. Здесь важно подчеркнуть, что проза основывается на народном худо-

² Белинский В. Г. Собр. соч., т. 2, с. 38.

³ «Правда», 1967, 27 мая.

жественно-поэтическом мышлении, она питается образами народной поэзии, воспроизводит особенности общенародного языка, использует приемы развертывания повествования, обрисовки характеров людей и т. д., сложившиеся в национальном художественном творчестве.

Художественно-литературное наследие казахского народа включает в себя многочисленные народные сказки и предания, а также легенды об исторических деятелях, народных певцах и т. д., разнообразные устные рассказы о различных событиях из жизни народа и замечательные эпические сказания «Алпамыс», «Кобланды», «Ер-Таргын», «Камбар батыр», лиро-эпические поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан», а также народные сюжетные поэмы более позднего происхождения. Все они, несмотря на их устную форму, располагают богатым запасом устоявшихся художественно-образительных приемов разработки сюжетов и образов.

Определенную роль в зарождении казахского романного жанра сыграли также бытовавшие среди казахского народа многособытийные, подчас приключенческие произведения и поэмы (дастаны) соседних восточных народов, особенно такие, как «Тысяча и одна ночь», «Шахнамэ», «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Тахир и Зухра» и др.

Для формирования, как и для последующего развития казахской прозы, велико значение опыта русской классической литературы. Новая казахская письменная литература, основанная на реалистических принципах, в лице ее основоположников Абая Кунанбаева и выдающегося просветителя — писателя Ибрая Алтынсарина была тесно связана с традициями русской литературы. Абай разрабатывал жанр в основном публицистической прозы, близкой к традициям народных устных рассказов, живых бесед. Характерно, что повесть «Вадим» М. Лермонтова он переводил на казахский язык в стихах. Ибрай Алтынсарин же создал первые рассказы, часть из которых является переводами из русской литературы, а некоторые созданы на народные и восточные мотивы. Эти традиции нашли в дальнейшем свое продолжение. Не случаен тот факт, что именно последователь И. Алтынсарина писатель-педагог С. Кубеев еще до революции стал автором первого казахского романа. Писатель-академик С. Муканов отмечал: «О том, что фольклорная форма прозы су-

ществовала у казахов издавна, свидетельствуют многочисленные сказки и легенды. Первую тропу письменной прозы в казахской литературе проложил Ибрай Алтынсарин. Слово «тропу» мы употребляем здесь не случайно. Потому, что рассказы Ибрая Алтынсарина по своей художественности ближе стоят к восточным хикайятам или казахским «простым» наставлениям, нежели к европейской прозе. Что касается «Назиданий» Абая, то они являются не столь художественной прозой, сколь художественной публицистикой. В дореволюционной национальной литературе казахов первым прозаическим произведением, перешагнувшим порог европейской прозы, но не достигшим ее высот, был роман С. Кубеева «Калым»⁴.

Первое крупное прозаическое произведение в казахской литературе «Калым» С. Кубеева издано в 1913 г. Оно имеет сравнительно несложную сюжетно-композиционную структуру, отличается простотой изложения событий. Произведение посвящено судьбе казахской женщины. Главная героиня Гайша протестует против выдачи ее замуж за богатого старика, отстаивает свою свободу, соединяя судьбу с любимым джигитом Кожашем.

Наиболее характерный представитель казахской литературы начала 20 века С. Торайгыров создал лирический роман «Камар-слу» и роман в стихах «Кто виноват?». Роман «Камар-слу» содержит значительное количество стихов (письма возлюбленных) и так же, как «Калым» С. Кубеева, отличается простотой и ясностью сюжетного хода. Его сближает с романом «Калым» близость к народно-поэтическим традициям, широкое использование фольклорных элементов, общность отдельных мотивов. Рисуя в романе «Камар-слу» рабское положение женщины в дореволюционном Казахстане, автор обличает дикость и жестокость порядков патриархально-феодального общества, подвергает суровой критике социальную систему, порождающую и узаконивающую бесправие женщины.

Основной задачей в стихотворном романе «Кто виноват?» Торайгыров поставил изображение представителя казахской правящей верхушки, разоблачение его как социального типа. Перед нами возникает образ хищного

⁴ Муқанов С. Көрнекті жазушы. — В кн.: М. О. Ауэзову. Сборник статей к его 60-летию, Алма-Ата, 1959, с. 13.

властителя волостного управителя Ажибая, безжалостно угнетающего народ. Автор выдвинул в романе проблему связи человека со средой, показал, как господствующее положение, богатство и вся окружающая жизнь, построенная на феодальной эксплуатации, формируют характер и определяют поведение степного правителя. Это первый опыт разработки жанровой формы романа в стихах в казахской литературе. Произведение отличается от привычных в казахской литературе поэм как своеобразным характером повествования, насыщенностью реалистическими подробностями, так и некоторым элементом прозаизма в языке.

«Калым» С. Кубеева и роман «Камар-слу» С. Торайгырова, как и другие произведения прозы начала 20 века, по своим темам и поднятым проблемам не могли выйти за рамки предреволюционной казахской демократической литературы. Главной темой их было утверждение равноправия женщины, и каждый писатель стремился найти ее художественное решение согласно своему миропониманию.

С победой Великого Октября казахская проза, как и вся казахская литература, вступает в качественно новый этап своего развития. Огромные успехи казахской советской литературы, в том числе современной прозы, определялись прежде всего новыми общественными условиями, возникшими благодаря победе Октябрьской революции.

Величайшие революционные преобразования в стране, изменившие судьбы целых поколений, рождали у людей стремление к активному участию в происходящих событиях, усиливали потребность в деятельности, в творчестве. И художественное творчество, как и любая активная деятельность человека, становилось средством борьбы за утверждение новой жизни, формой осмысления ее явлений. Интенсивное, бурное развитие переживали все виды искусства и литературы, в том числе поэзия, имевшая давние традиции, а также проза, драматургия, переживавшие еще период своего становления.

Современная действительность требовала нового подхода к осмыслению множества важных социально-исторических, общественно-политических, морально-этических проблем жизни. Глубокие социальные преобразования, происходившие в стране, коренное изменение судеб лю-

дей, их общественного положения и психологии — все эти явления становятся предметом раздумий писателей.

Первый роман казахской советской литературы — «Тернистый путь» С. Сейфуллина. В центре произведения — явления социально-политической жизни, революционные события 1916—1919 гг.

Литературоведы по-разному характеризуют жанровое своеобразие этого произведения, стремясь в самом определении жанра подчеркнуть характерную особенность: документальность, мемуарный характер и т. д. При этом, говоря о мемуарном характере произведения, об использовании в нем документов, сведений об участниках революционных событий, важно прежде всего иметь в виду то, что писатель описывал явления жизни, опираясь на свои реальные, конкретные и вполне жизненные впечатления. С. Сейфуллин — активный участник борьбы за установление Советской власти в Казахстане, живой свидетель изложенных им событий и фактов. Именно поэтому он выступает в качестве повествователя — рассказчика, через восприятие которого предстают перед читателем люди и события. Поражает острота и живость непосредственных наблюдений писателя, увлекают судьбы людей, участвующих в революционных событиях. Документальная точность, обилие фактов и имен сочетаются в произведении с выразительными характеристиками героев, яркими картинками жизни бурной революционной эпохи. Выпукло обрисованы в романе образы самых разных людей — представителей различных слоев казахского общества, казахских и русских большевиков. В их числе — революционеры, герои гражданской войны, видные партийно-советские работники — Амангельды Иманов, Алибий Джангильдин, Адильбек Майкутов, Токаш Бокин, Ныгмет Нурмаков, Абдрахман Айтиев, русские большевики — Катченко, Богомолов, Трофимов, Олейников, Афанасьев и др. Образы революционеров, большевиков занимают главное место в романе, основной пафос которого составляет вдохновенное утверждение победы нового мира.

Своим романом «Тернистый путь» С. Сейфуллин положил начало художественному изображению в казахской эпической прозе темы революции.

Вполне естественно, что в период становления казахской прозы особенное внимание уделялось разработке ее малой формы — рассказа. Опыт работы в жанре расска-

за, а также повести способствовал росту мастерства прозаиков, овладению ими приемами эпического повествования.

Много сделал для развития казахской художественной прозы, особенно жанра рассказа, Б. Майлин, выступая в полном смысле слова первооткрывателем новых тем, новых проблем.

Духовное раскрепощение женщин — одна из центральных тем его творчества. В повести «Памятник Шуге», написанной до революции, Майлин повествует о трагической участи девушки, которая вопреки обычаям стремилась жить по-своему. В этом произведении, отличающемся исключительной художественной цельностью и проникнутом мягким лиризмом, писатель сумел создать обаятельный образ казахской девушки, занимающий важное место в созданной писателем галерее живых характеров казахских женщин. Глубокая народность образа девушки Шуга состоит прежде всего в том, что он типичен для всей дореволюционной жизни казахов.

Однако традиционная для казахской поэзии любовная тема здесь переплетается с социальной — девушку выдают за нелюбимого не просто из желания строго соблюдать старые обычаи, а еще и потому, что возлюбленный ее Абдрахман — хотя и бедный джигит, но образован, он учитель, человек новых взглядов на жизнь. Конфликт здесь, таким образом, вырастает на почве социальных противоречий.

В своих произведениях Майлин не просто осуждает старые представления об отношении к женщине. Он выступает как страстный борец за полное осуществление женского равноправия, показывает новые отношения в семье, в любви, создает образы передовых женщин, которые активно борются за свои права, находят свое место в строительстве новой жизни. Так, обретает чувство собственного достоинства и становится полезным обществу человеком Раушан из повести «Коммунистка Раушан». Б. Майлин стремится раскрыть образ коммунистки Раушан в процессе становления, на фоне явлений социальной жизни — борьбы за советизацию казахского аула. Это дало писателю возможность убедительно показать постепенный рост политического сознания Раушан, которая находит в себе силы преодолеть предрассудки окружающей среды, становится активным борцом за новую жизнь.

В 1934 г. был опубликован его роман «Азамат Азаматович», вышедший затем на русском языке под названием «Дочь казаха». В романе писатель изобразил жизнь казахской женщины, являющейся активным полноправным строителем нового общества. Он правдиво показал изменения, происходившие в сознании людей под влиянием новой действительности, становление нового характера. Этот роман, как и другие прозаические произведения Майлина, свидетельствует о большой наблюдательности писателя, его умении реалистически верно изображать жизненные явления. Отличительными чертами прозы Майлина являются прекрасное знание жизни и быта, обычаев, нравов казахов, тонкий юмор, простой, меткий язык.

Определенной вехой в становлении и развитии эпического жанра в казахской литературе явился роман И. Джансугурова «Товарищи». В нем повествуется о жизни аула предреволюционного периода, описываются судьбы различных людей — представителей разных социальных сил, в том числе трудового народа. Вековой гнет феодалов ведет к усилению недовольства со стороны обездоленных казахских бедняков. На примере судеб героев произведения — Сатана, Мамбета, Мардана — писатель наглядно показывает, как казахские бедняки вырастают до социально-политической борьбы. Активное выступление против эксплуататоров, общение с русскими революционерами помогают росту их классового сознания. У каждого из них свой облик, своя неповторимая судьба. Но всех их, как и других представителей трудящегося люда (Аяпберген, Нурадил и др.), объединяет обостренное чувство справедливости, стремление к борьбе за правду. Писатель, создавая динамическую картину постепенного роста народного недовольства старым порядком, утверждает своим произведением идею исторической закономерности Октябрьской революции, принесшей в казахскую степь подлинную свободу.

В казахской советской литературе поэзия и проза вырабатываются в тесной взаимосвязи. Характерно, что С. Сейфуллин, И. Джансугуров, С. Муканов, как и ряд других прозаиков, являются выдающимися поэтами, внесшими наибольший вклад в становление и развитие казахской советской поэзии и определившими ее высокий художественный уровень уже в 20—30-е годы. Лучшие

их достижения в поэтическом искусстве остаются непревзойденными и поныне.

Казахская проза унаследовала от богатейшего народного поэтического творчества — песен, стихотворений, народного эпоса, поэм, легенд — традицию поэтизации героев. Характерная для народной поэзии особенность — рисовать положительных героев идеальными, а отрицательных отвратительными — наблюдалась и в прозаических произведениях, еще тесно связанных с поэтическими традициями.

Если в первых прозаических произведениях, где сюжетный ход события отличается четкостью и ясностью, проблема взаимоотношения героев решалась довольно просто, то в дальнейшем при усложнении композиции, переплетении в произведении нескольких, а то и многих сюжетных линий решение этой задачи требовало от писателя уже большего мастерства. Еще более важно то, что усложнились и сами характеры, наблюдается стремление показать характер героя в динамике, в процессе эволюции, раскрыть его сложную диалектику. Традиционный описательный портрет, характерный для устно-поэтических произведений и еще сохранивший эти особенности в первых образцах прозы, становится теперь подвижным, глубже и ярче раскрываются черты внутреннего, психологического облика человека.

Крупный вклад в разработку жанра эпической прозы внес писатель С. Муқанов — автор романов «Светлая любовь» (в первой редакции — «Заблудившиеся»), «Ботагоз», «Школа жизни», «Сыр-Дарья», «Промелькнувший метеор». Наибольшим достижением писателя, несомненно, было создание романа «Ботагоз», опубликованного в первом варианте в 1938 г. и в последующем переработанного. К этому времени казахская проза уже накопила немалый опыт, и роман «Ботагоз» явился ярким свидетельством ее художественной зрелости. «Ботагоз», как и другие романы писателя, — произведение остросюжетное. В нем описывается сложный период в истории народа, охватывающий события 1912—1919 гг., исполненный социальных конфликтов, столкновений различных общественных сил. Полнота эпического изображения действительности достигается тем, что писатель, вводя в роман большие пласты казахской жизни тех лет, глубоко раскрывает характеры героев, отличающихся разнооб-

разием, неповторимой индивидуальностью. Нравственное, гражданское возмужание главной героини, простой аульской девушки Ботагоз, формирование стойкого борца-революционера молодого народного учителя Аскара, превращение вожака народного восстания Амантая в сознательного политического деятеля, активная революционная деятельность одного из главных героев романа Кузнецова по сплочению казахских трудящихся, поднявшихся на борьбу против угнетателей, а также судьбы многих других героев романа убедительно свидетельствуют, как могучая волна революции охватила казахские степи и закономерно привела к победе здесь Советской власти. При этом очень важно, что, прослеживая трудные, полные испытаний судьбы героев, писатель добивается естественности и оправданности сюжетных положений и ситуаций. Это говорит о возросшем мастерстве художника слова.

Большой заслугой писателя является создание образа главной героини романа Ботагоз. Еще Б. Майлин нарисовал образ казахской женщины (Раушан), духовный мир которой не ограничен любовными переживаниями, личными чувствами, которая умеет подчинить личные интересы общественным, гражданским. Ботагоз способна на глубокую, настоящую любовь, но характер ее раскрывается не только в любовном конфликте, а прежде всего в острых социальных, политических, классовых коллизиях.

С. Муканов — великолепный рассказчик, мастер портретной и речевой характеристики героев. Эти особенности стиля писателя ярко выразились и в его романе «Сыр-Дарья», посвященном созидательной деятельности советских людей, их повседневному героическому труду по орошению пустынных степей Казахстана. Внимание писателя привлекает в первую очередь не острота жизненных конфликтов, а социальный и нравственный смысл поступков и действий людей, определяемых новым отношением их к жизни.

Для прозаических произведений С. Муканова характерен интерес как к крупным социальным явлениям, так и к бытовой сфере жизни. Он органически вплетает в канву произведения разного рода устные рассказы, в которых ярко запечатлены народный быт и художественный взгляд на жизненные явления. Простота, доступность

языка в сочетании с увлекательностью повествования делают его произведения популярными среди широких масс читателей.

Исключительно большой вклад в разработку жанра романа внес Мухтар Ауэзов. В его творчестве и научной деятельности большое место занимает тема Абая Кунанбаева. Ауэзов — автор полной научной биографии Абая и ряда исследований о его жизни и творческой деятельности. Здесь уместно отметить, что длительное время, вплоть до начала 30-х годов, по поводу творчества Абая и о роли его в развитии культуры казахского народа еще шли острые споры. Ауэзов приложил очень много усилий, чтобы достигнуть верной научной и художественной интерпретации творчества Абая. Здесь с особой силой проявилась творческая смелость Ауэзова в решении сложных социально-исторических и литературных проблем.

Совместно с Л. Соболевым писатель создает трагедию «Абай», затем пишет либретто одноименной оперы, кино-сценарий, роман о жизни и деятельности поэта и просветителя.

Отрывок «Как Татьяна запела в степи», написанный в 1937 г., был задуман как глава из будущего романа. Писатель начал свое произведение с показа духовного общения Абая с великим Пушкиным. Эта тема, по мысли автора, должна была стать одной из центральных, определяющих основную идею романа. Любопытно, что первоначально автор предполагал дать роману название «Телькара» (прозвище, данное Абаю, выращенному и матерью и бабушкой, означающее «вскормленный двумя матерями»), подчеркивающее идею писателя о том, что Абай является питомцем двух народов, впитавшем в себя лучшие достижения как казахской, так и русской культур. Роман по первоначальному замыслу автора должен был состоять из трех книг, однако в процессе работы рамки его постепенно раздвигались. Ауэзов написал роман «Абай» в двух книгах, а затем его продолжение «Путь Абая» также в двух книгах.

Роман-эпопея «Путь Абая» — произведение большого эпического плана, творение поистине энциклопедическое, которое дает широкую и разностороннюю картину эпохи, поражая глубиной проникновения в различные слои жиз-

ни казахского общества второй половины прошлого века.

Основу идейного содержания произведения составляет борьба прогрессивных, демократических сил казахского общества, во главе которых стоит Абай, с силами феодальной реакции, защитниками реакционной старины. Тема борьбы проходит через все произведение, описывающее события полувековой истории народа. В этой борьбе участвуют представители трех поколений казахского общества. Среди демократической части казахского народа в условиях все большего укрепления экономических и культурных связей Казахстана с Россией растет критическое отношение к старым формам жизни, усиливается протест против феодального гнета и произвола. Простые люди постепенно проникаются сознанием общности интересов казахских и русских трудящихся. В среде казахских кочевников усиливается тяга к более тесному сближению с русским народом. Передовые представители народа, которым близки и понятны нужды простых людей, призывают народ отстаивать свои права, бороться против гнета и притеснений носителей власти, зовут народ к культуре и просвещению. Из среды народа в этих условиях выдвигается общественный деятель, просветитель и поэт Абай.

Образ Абая раскрывается писателем многосторонне, во взаимодействии с многочисленными персонажами (среди которых немало крупных, ярких личностей). Абай всегда находится в центре событий. Эпизоды, на первый взгляд никак не связанные с ним, озаряются, приобретают значение и смысл через отношение к ним Абая или же благодаря его присутствию. Так обогащается, наполняется образ главного героя, уясняются, выразительно очерчиваются черты его характера. Несмотря на обилие событий и эпизодов, произведение отличается простотой и жизненностью сюжетного построения, стройностью композиции. Абай живо реагирует на все происходящие вокруг него события. Еще будучи мальчиком, он тяжело переживает казнь безвинного Кодара и его снохи Камка. Юноша Абай сочувствует от души мальчику-сироте, единственному наследнику Кодара, сыну его брата, с уважением относится к бедняку Даркембаю, благородному и честному старику, заменившему сироте отца. Несправедливость вызывает в его душе возмущение и протест, но

сознательным борцом он становится не сразу. В полном соответствии с жизненной правдой писатель показывает весь трудный, тернистый путь Абая. Вначале Абай просто недоволен, а часто подавлен действиями отца и других властителей. Затем он начинает понимать смысл их поступков, узнает, что главным виновником смерти Кодара является его отец. Для него становится ясной цель, которую преследовал жестокий и расчетливый Кунанбай, предавая смерти невинного человека: захватить урочище. Он понимает и то, что отец считается лишь с силой, пренебрежительно относится к беднякам, простым людям. Кунанбай верит только в силу власти и могущество богатых.

Порвав с отцом, Абай встает на самостоятельный путь, на путь исканий и борьбы. Друзьями его становятся люди из народа: Даркембай, Базаралы, Дармен и др. Преданного друга и наставника он находит в лице ссыльного Михайлова. Обращаясь к Михайлову, Абай говорит: «Раньше я думал, что вы несете в себе лучшие мысли только русского народа, а я для вас — человек совсем из другого мира, далекого от вас, неизвестного вам, из чуждых вам пустынных степей с их непонятными вам мыслями... А вы точно взяли меня за руку, повели на какую-то вершину, показали оттуда стоянки всех народов всех времен и объяснили мне, что все люди — сородичи, пусть хоть дальние. Вы и мое тобыкты не отбросили в сторону от главного пути. И мне радостно слышать это. Я и радуюсь и горжусь...»⁵.

Абай долго и настойчиво изучает произведения русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, находя в них ответы на жгучие, волновавшие его вопросы казахской жизни. Он становится почитателем, страстным и неустанным популяризатором произведений передовых русских писателей, переводит на казахский язык Пушкина, Лермонтова, Крылова, пропагандирует русский язык и литературу. В своих поэтических произведениях Абай призывает казахов к дружбе с русскими, приобщению к передовой русской культуре.

Абай уже начинает смело бороться с хищными и извортливыми правителями Такежаном, Жиренше, Оразба-

⁵ Ауэзов М. Собр. соч., т. 2, с. 528.

ем, активно поддерживая честных, простых людей. Ему не раз удается своим вмешательством предотвратить насилие, грозящее бедным аулам, облегчить участь простых, бедных людей. Надежного заступника находят в нем девушки Салиха и Макен. Абай решительно отстаивает их право свободно выбирать себе друга жизни, обличая моральные устои и нормы поведения патриархально-феодалного общества, унижающие достоинства женщины, сковывающие ее свободу.

Постепенно перед читателем вырастает величественная фигура неутомимого просветителя, поэта-гражданина. И не только образом Абая, а всем ходом произведения, логикой событий писатель показывает, как глубоко, верно понимал Абай вопрос — важнейший из выдвинутых писателем в эпопее — об отношении Казахстана к России. Будущее казахского народа великий просветитель не мыслил вне передовой демократической России.

«Путь Абая» — произведение монументальное, в нем представлены самые различные слои казахского общества, целая галерея типов, сконцентрирован огромный жизненный материал — литературный, исторический, этнографический, художественно осмысленный и творчески преобразенный. Описывая события и используя факты, писатель стремится предельно обнажить жизненный конфликт, усилить его социальную сторону, и, показывая все богатство жизненных связей, противоречивую полноту действительности, нередко изменяет и творчески воспроизводит ход событий, чтобы свести все нити повествования в один узел, собрать в нем, как в фокусе, главные проблемы. Действительно, в романе судьбы многих героев, значительная часть которых полностью или частично вымышлены, обретают живые, зримые очертания, подчиняются общему художественному замыслу.

М. Ауэзов, не нарушая самого существа исторической правды, подходит совершенно по-новому к изображению жизненных явлений. Создавая образы на основе исторических данных, писатель дополняет их своим творческим воображением, вводит в произведение героев, полностью или частично вымышленных, но помогающих глубже раскрыть существенные стороны изображаемой действительности, полнее воплотить идейно-художественный замысел. Поражает широта проблематики романа-эпопеи, многообразие человеческих личностей и судеб, показан-

ных в нем, богатство и сложность, многоплановость затронутых явлений общественной жизни, таких, как социальный строй общества, классовая борьба, бедственное, зависимое положение простого люда, внутрифеодальные раздоры, кочевой образ жизни и способы хозяйствования, борьба за землю, пастбища, вопросы культуры, просвещения и т. д. и т. п., то есть вся сумма самых разнообразных проблем, дающих представление об историческом процессе в целом. Исторические события и факты, органично связанные со всем содержанием романа-эпопеи, получают новый поворот, поскольку в данном художественном контексте по-иному раскрываются их смысл и значение.

Описывая жизнь и быт, обычаи народа, взгляды его представителей, Мухтар Ауэзов возводит национальное на уровень общечеловеческого, умеет видеть единство национального и интернационального, а в поступательном историческом развитии общества — выделить прогрессивные тенденции, сохраняющие свою актуальность и для современности. Мухтар Ауэзов, художественно описывая эпоху Абая, в некоторых отношениях (изображение патриархально-феодального гнета, межродовой борьбы и т. д.) сумел предвосхитить историков глубоким проникновением в суть исторических явлений и процессов.

В эпопее «Путь Абая» Ауэзов достиг такого многостороннего охвата действительности, мастерства в обрисовке характеров и глубине раскрытия психологии человека, которые позволяют смело поставить ее в ряд наиболее значительных произведений советской литературы.

«...Роман Ауэзова,— писал Л. Соболев,— совершенное, величественное, художественное произведение. Это настоящий роман, ибо он дает рельефные картины многих сторон жизни и быта, показывает могучую энергию, которую несет в себе человек, описывает любовь и ненависть, и самое главное,— через яркие запоминающиеся образы показывает вехи на историческом пути народной жизни»⁶.

Эпопея об Абаяе — произведение на историческую тему, в котором раскрыты социальные процессы, происходившие в Казахстане во второй половине прошлого столетия, глубоко проникнуто духом современности. И не

⁶ «Литературная газета», 1954, 26 декабря.

только потому, что главный герой произведения Абай — человек, вся деятельность и помыслы которого устремлены в будущее, на благо своего народа, а также и потому, что сам автор тесно связан с сегодняшней жизнью народа, хорошо знает его интересы и душу.

В последние годы жизни М. Ауэзов работал над произведением «Племя младое», посвященном современности. Описываемые в книге события происходят и в городе и в совхозе. Автор создает образы представителей интеллигенции, описывает жизнь чабанов, хлопкоробов, строителей. В своем произведении писатель с большой остротой ставит моральные проблемы, особенно вопрос об ответственности советского человека за судьбы всех людей. В нем реалистически отображена большая деятельность, которую проводят партийно-советские работники и передовики сельского хозяйства по созданию в стране материально-технической базы коммунизма.

В центре событий находится секретарь обкома партии Нил Карпов — человек в высшей степени честный, преданный общему делу, которому присущи широта взглядов, партийно-организаторский талант, государственное чувство долга, высокая человечность. Карпов вносит смелые предложения по интенсивному развитию скотоводства и хлопководства в одной из южных областей республики. Он умеет мобилизовать трудящихся области на выполнение намеченных хозяйственных заданий, показывает образец высокой коммунистической сознательности, ведет беспощадную борьбу с пережитками старого, мешающими движению вперед.

«Один из главных моих героев,— писал М. Ауэзов,— первый секретарь обкома, русский коммунист-ленинец. Партия посылает его в республику, имеющую немало особенностей, ему неизвестных. Он с трудом, с огромной отдачей сил разбирается в новой обстановке — ему помогает большой опыт государственной и партийной работы. Он прошел отличную школу жизни, наделившую его честным и отзывчивым сердцем, даром понимать и любить людей, сочувственно воспринимать их счастье, трагедии, смех и слезы. Мой герой — человек высокого интеллекта, носитель русской культуры. Ему есть дело до всего — и до искусства, литературы казахского народа, и до семейных отношений молодоженов, он оберегает любовь от старых обычаев и страдает до боли за чабанов, находя-

щихся в тяжелейших условиях отгонного пастбища. Все-го себя он посвящает тому, чтобы людям жилось лучше, чтобы люди становились выше, чище, душевно тоньше»⁷ Герои М. Ауэзова занимаются животноводством, выращиванием хлопка, хозяйственным и культурным строительством.

Созданные Мухтаром Омархановичем образы районных партийно-советских работников Еримбетова, Ержанова, Есентаева, Жайлыбекова, Касымова, Жарасова остались образцом для наших сегодняшних писателей.

В творчестве М. Ауэзова наиболее ярко раскрылись лучшие черты современной казахской литературы: глубоко правдивое освещение жизни народа на основе принципов метода социалистического реализма, умелое претворение лучших национально-художественных традиций, новое осмысление их в полном соответствии с требованиями современной эпохи и с учетом достижений русской культуры, художественного опыта всей советской, а также мировой литературы.

Прозе М. Ауэзова свойственны эпическая масштабность мышления, проблемно-аналитический подход к явлениям социальной жизни, глубокое раскрытие психологии героев.

Заметным явлением в казахской литературе стал роман Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана». В основе его сюжета лежит братское единение советских народов в деле защиты социалистической Родины. В романе убедительно показаны преимущества социалистического строя, поставлена проблема воспитания подрастающего поколения, раскрыта психология воспитанного советской школой воина, глубоко осознающего свою ответственность перед народом как солдата Родины.

Главный герой романа — Кайрош Сарталиев, прототипом которого является Герой Советского Союза Кайыргали Смагулов.

Правдивое отображение в большом прозаическом произведении жизни современника, в частности жизни воина, показ его героизма на фронте, его настроений и внутреннего мира — новое дело для казахской литературы. Поэтому важнейшей задачей было найти верное художественное решение. Создание реалистического

⁷ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5, с. 538.

образа Кайроша явилось успехом не только писателя, но и всей нашей литературы. В романе созданы и другие образы советских бойцов: Самеда Абдуллаева — шутника и весельчака; Семена Зонина, отличающегося богатырским телосложением и храбростью; Петра Ушакова, для которого особенно характерны постоянные воспоминания о трудовых буднях мирных дней; Сережи Астахова — художника; Володи Толстова — комсомольского вожака. Запоминаются образы офицеров Русакова, Ревякина, Мирошкина. Все они, как один, встали на защиту Родины, не дрогнув, вышли на битву с немецкими фашистами. Цементированная огнем сражений крепкая дружба помогает им победить.

Писатель Г. Мусрепов одним из первых создал коллективный образ советского воина, убедительно показал братскую дружбу народов Советского Союза. Идея дружбы народов красной нитью проходит также через весь роман Г. Мусрепова «Пробужденный край». Посвящая в основном свой роман проблеме становления казахского пролетариата, писатель показывает истоки дружбы народов, живо воспроизводит факты, свидетельствующие об укреплении дружеских отношений между трудовыми людьми разных национальностей.

Дружба русского и казахского, как и всех советских народов, имеет давние традиции. Изображаемая в романе эпоха охватывает вторую половину 19 века. А это время, как известно, было периодом интенсивного развития в России капиталистических отношений.

Описываемая в романе эпоха характеризуется усилением революционного движения, возникновением революционных кружков. Вводя читателя в атмосферу этих событий, писатель на конкретных фактах с большой наглядностью показывает, что первые ростки революционных идей появляются в казахской степи благодаря русским рабочим, переселившимся с Урала.

Г. Мусрепов реалистически, в полном соответствии с исторической правдой показал разнообразную и многоликую жизнь казахского общества прошлого века, воспроизвел многие события того времени, выпукло обрисовал героев, создал впечатляющие картины из жизни и быта как русских, так и казахских рабочих. Впервые дружеские отношения между трудовыми людьми двух национальностей показаны в эпизоде, когда Мынбай проявляет

теплую заботу о русских рабочих, которые после закрытия на Урале завода Рязанова, терпя лишения, голод и холод, приехали в Караганду на работу. Несмотря на свое довольно скромное хозяйство, Мынбай не только приютил переселенцев, но и делился с ними всем, что у него есть.

Взаимная благожелательность и доверие друг к другу еще заметнее обнаруживаются в отношениях между Быковым и Байжаном, когда они проявляют трогательную заботу о заболевшей в дороге Елизавете Сергеевне.

Казахи с большой теплотой и гостеприимством встречают русских рабочих, угощают их как дорогих гостей, сами посещают бараки русских, помогая им в устройстве. Русские рабочие отвечают взаимностью. Они вместе с рабочими-казахами выступают против уменьшения заработка казахов. Уезжая обратно на Урал, они проявляют заботу о положении казахов, работающих на шахтах, оставляют Михаила Неволю, чтобы тот помогал во всем рабочим-казахам.

А Елизавета Сергеевна, принеся в казахскую степь первые искры революционных идей, радуется, видя, как постепенно складывается и крепнет дружба между русскими и казахскими рабочими. До отъезда на Урал ей хочется организовать революционный кружок, который заботился бы о рабочих-казахах, боролся за их права и выступал от их имени. Особенной теплотой и привязанностью отличается дружба между Байжаном и Елизаветой. Их искренние чувства друг к другу писатель передает психологически достоверно, тонкими красками и деталями, конкретными и ощутимыми зарисовками.

Большое мастерство писателя проявляется и в умении обрисовать особенности внешности своих героев, раскрыть их душевное состояние через изображение поступков и действий, индивидуальных особенностей речи. Андрей Быков и Елизавета Сергеевна организовали пикник для рабочих. Там были и русские и казахи, пели песни о свободе. При появлении пристава книги и бумаги, которые были у Елизаветы и Андрея, быстро перешли из рук в руки и нашли надежное укрытие.

Казахские женщины с болью в душе, со слезами на глазах провожают арестованную Елизавету. Особенно тяжело переживали ее арест Жабай и Кунзила, для которых Елизавета стала близкой, как родная дочь. Жабая

не покидает чувство собственной вины: «Умереть бы мне лучше с голоду. Много ли мне дали хозяева за то, что указал эти места будущих рудников?! Видел я, как зимой прибыли сюда эти бедняги... А теперь довелось мне увидеть, как ставшая для меня родной дочерью это несчастное дитя, словно птичка, оказалась в неволе»⁸, — с горечью причитает он.

Писатель создал колоритные образы людей из народа с ярко индивидуализированными характерами. Наряду с Байжаном здесь следует назвать Буланбая, который воплощает в себе лучшие черты казахских рабочих: честность, стойкость, трудолюбие. Показывая его в процессе идейно-психологической эволюции, постепенного роста классового сознания, понимания общности интересов людей труда, автор тем самым изображает процесс формирования казахских рабочих как социальной силы в движении и развитии. Образы Баянды, Сугурали, Байшегира, Алшагира помогают увидеть разнообразие типов неповторимых индивидуальностей представителей казахского трудового люда. Духовный рост казахских бедняков, пришедших на производство из аулов, пробуждение их классового сознания — одна из ведущих тем романа. Они перенимают лучшие традиции русских рабочих, видят и чувствуют их бескорыстное дружеское отношение к себе, проникаются сознанием общности интересов казахских и русских трудящихся.

Мастерски нарисованы в романе образы представителей высшего класса казахского общества. Игилик умело и хитро приспособливается к изменившимся условиям жизни в целях наживы и усиления своего могущества. Жадный и скупой Жуман — порождение мира собственности со всем присущим ему своеобразием в условиях старого патриархально-феодалного общества. Целью всей его жизни является умножение богатства своих табунов, ничего нового в окружающей жизни он не способен видеть.

Литературоведы не раз обращали внимание на полную символического смысла картину: этот степной «скупой рыцарь» гибнет под копытами своих коней, обезумевших от свирепого бурана.

⁸ Мусрепов Г. Таңдамалы шығармалар. Т. 2. Алматы, 1955, 366—367-б.

Его трагедия — это трагедия собственников, призрачность счастья, к которому стремились богачи, умножая поголовье скота ценой жестокой эксплуатации бедняков. Таких конкретных описаний действий и неповторимых картин, эпизодов, тесно переплетающихся со значительными событиями (историческими, политическими), всем ходом сюжетного развития, в романе встречается достаточно, и они служат основой для последовательного раскрытия внутреннего облика героев произведения.

Читая роман, убеждаемся в том, что дружба русских и казахских рабочих возникла не только в результате простых мирных взаимоотношений, но и на основе совместной жизни, полной горьких слез и мучений, на основе совместной борьбы против эксплуататоров и пролетарского единения.

Писательское мастерство Г Мусрепова, как и всех больших мастеров художественного слова, определяется прежде всего умением проникнуть в самую суть наиболее злободневных, актуальных проблем общественно-политической и культурной жизни народа, его тонкой наблюдательностью как художника, которые позволяют выявить в людях, явлениях повседневной жизни самое главное, важное, благодаря чему созданные им картины жизни приобретают яркость и убедительность, обладают большой силой эмоционального воздействия.

Мусрепов — блестящий стилист, для него характерна утонченность чувств и мыслей, фраз и словесных образов. Прозу его отличают лаконизм, склонность к тонкому юмору, отточенный язык.

Роман Г Мустафина «Миллионер» интересен прежде всего как опыт нового подхода к разработке в казахской литературе темы жизни колхоза. Писатель прослеживает, как в сознании тружеников колхоза формируются новые черты, зарождается чувство коллективизма. Положительные герои книги — это передовые колхозники, новаторы, безгранично преданные народу и партии, неутомимо борющиеся против косности. Произведение утверждает превосходство советского строя, новой социалистической морали.

В романе Г Мустафина «После бури» нашло четкое отражение то новое, что принесла в казахскую степь Октябрьская революция. Писатель отражает судьбы различных социальных слоев казахского общества в ус-

ловиях революционного переустройства жизни, раскрывая, как преломляются изменения общественной жизни в сознании казахских трудящихся. Активное участие их в советизации аула ярко показано в романе образами Амана Сапарова и Жумабека Ералина, закаленных в классовых битвах. Мы видим яростное сопротивление со стороны байско-феодалных элементов мерам, осуществляемым Советской властью по социалистическому преобразованию жизни в ауле, растерянность отдельных представителей казахской интеллигенции. В качестве важной проблемы выдвигается в произведении также переход казахов к оседлости, к земледельческому типу хозяйства.

О жизни казахского народа послеоктябрьского периода создан целый ряд романов: «Очевидец» Г. Мустафина, «Токаш Бокин» З. Шашкина, «Яик — светлая река», «Крутое время», «Много лет спустя» Х. Есенжанова, «Кровь и пот» А. Нурпеисова, «Гудок в степи» М. Каратаева и др.

Заметный вклад в развитие казахской прозы внес Хамза Есенжанов. Его трилогия об установлении Советской власти в Западном Казахстане — одно из значительных достижений современной казахской литературы. В ней созданы запоминающиеся образы большевиков Дмитриева, Червякова, Андреева, Фроловского, Парамонова, Айтиева, Епмагамбетова, высоко несших знамя революции, а также образы представителей казахской интеллигенции (Бакытжана Каратаева и др.). С большим мастерством раскрыты писателем характеры братьев Жунусовых — Хакима, Алибека и Адильбека. Писатель живо, достоверно воспроизводит события времен гражданской войны и классовые столкновения последующего периода в Казахстане.

Классовая битва и борьба за установление Советской власти в Казахстане всесторонне и глубоко показаны в романе-трилогии А. Нурпеисова «Кровь и пот». «Оживить и точно воспроизвести для современных читателей отделенную от нас многими годами сложную, противоречивую жизнь наших отцов и дедов было делом весьма нелегким»⁹ Писатель неоднократно ездил в места, связанные

⁹ Нурпейісов Ә. «Қан мен тер» қалай жазылды? — «Жұлдыз», 1976, № 3.

с описываемыми в книге событиями, неустанно собирал материалы и изучал архивные фонды. Благодаря многолетней кропотливой работе ему удалось создать высокохудожественное полотно, отражающее путь казахского народа к Великой Октябрьской социалистической революции. В романе показано, как вчерашние казахские бедняки — пастух и рыбак, влачившие жалкое существование, постепенно становятся на путь сознательной борьбы за свое освобождение.

Достоинства романа «Кровь и пот» определяются прежде всего широким и правдивым изображением жизни и быта рыбаков, бедняцких масс, раскрытием глубоких социальных противоречий и острых жизненных конфликтов. Казахская действительность художественно воссоздается в романе пластами, в историческом движении и развитии. Изображение социальных событий, характеризующих ход истории и главные тенденции общественного развития, включает в себя множество реалистических картин жизни, ярко очерченных образов героев, их конкретные действия, поступки, жесты, речи и т. д. Писатель проявил большое мастерство, раскрывая сложную эволюцию характера главного героя Еламана. Тонкая наблюдательность помогает автору с осязаемой наглядностью показать его переживания, мысли, поступки, характерные для передовых представителей казахских бедняков, прошедших через тяжелые испытания эпохи крушения старого мира. Образ Еламана особенно ярко свидетельствует о неразрывной связи борьбы казахских трудящихся за свободу с революционной борьбой русского пролетариата. Знакомство с жизнью русского народа, общение с русскими революционерами помогли ему увидеть в стихийном протесте казахских бедняков против жестокости угнетателей проявление освободительных устремлений народа, он все более убеждается в общности интересов трудящихся масс казахов и их русских братьев, вступивших на путь революционной борьбы: «Еламан промолчал. Он думал в это время о Челкаре. Жизнь русских казалась ему единственно правильной жизнью. Он еще не успел познать все помыслы этого большого народа. Одно только он успел твердо узнать, в одно твердо поверить: у великого народа — великая мечта. Он ощущал какую-то грозную силу и неулегшийся гнев этого народа. Революция совершилась, но, видно, не до конца... Так

волнуется грозно, но беспорядочно море перед тем, как быть настоящей бурей.

И пока он шел к аулу и советовал Рзе, как жить дальше, в нем самом зрела и все сильнее укреплялась мысль вернуться в Челкар. Что бы там ни было, он решил повернуть к новой жизни. Он понял, что без революции его народ не может жить дальше. А революции нужно учиться у русских»¹⁰.

Нарисованные сочными, живыми красками образы Еламана и целого ряда других казахских рыбаков (Кален, Рай и др.), судьбы которых при всем своеобразием их характеров в общих моментах схожи с судьбой главного героя, убеждают, что именно трудовой люд, проходя через горнило классовых столкновений, постепенно превращается в активную, созидательную силу истории. Обобщающий и в известной мере символический смысл заключен в личном столкновении судеб Еламана и Танирбергена: если Еламан олицетворяет подъем новых сил в казахском обществе, осознавших коренные интересы народа, то трагедия Танирбергена знаменует собой неизбежный крах класса угнетателей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Нурпеисов, как и Есенжанов, разрабатывает тему революции, охватывая при этом события, происходившие в пределах одной области республики, но эти события обобщены, доведены до высокого уровня художественной типизации, что дало возможность поднять важную социальную проблему.

Тема Отечественной войны, разработка которой в казахской прозе была начата в романе «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, в последующие годы получила широкое развитие. Этой теме посвящены «Грозные дни» Т. Ахтанова, «Курляндия» («Долгожданный день») А. Нурпеисова, «За нами Москва» Б. Момыш-улы, а также произведения Ж. Тлекова, С. Бакбергенова и других. В романе «Грозные дни» изображается начальный этап Отечественной войны. Автор убедительно показывает мужество и героизм солдат руководимой генералом Панферовым дивизии, участвовавшей в битвах под Москвой. Рисуя образы воинов, начиная от простых солдат Картбая и Кожека до генерала Панферова, писатель ярко раскры-

¹⁰ Нурпеисов А. Кровь и пот. Трилогия. В 2-х т. Т. 1. М., «Молодая гвардия», 1973, с. 430.

вает присущие советскому человеку чувство патриотизма, преданности своей Отчизне, ненависти к врагам. Не все из этих людей, вставших на защиту Родины, имели достаточный опыт боевой и политической подготовки. Некоторые из них не сразу привыкают к новой обстановке, тем не менее упорно преодолевают трудности. Ярко очерчены в романе образы командира батальона Мурата и командира взвода Ержана. Мурата как командира отличает простота, преданность солдатам, смелость и отвага. Он умело выводит свой батальон из вражеского окружения. В поведении Ержана в первых сражениях проявляется порой нерешительность, а то и горячность, вызванные его неопытностью, однако постепенно он становится умелым, мужественным командиром.

В картинах сражений писатель стремится показать массовый героизм советских людей, выдвигает проблему морально-политической зрелости советских воинов, отстаивавших завоевания социализма.

Весомый вклад в разработку военно-патриотической темы в казахской прозе внес Б. Момыш-улы. В его произведениях с большой яркостью воспроизводятся реальные, повседневные события из жизни военного времени, в которых принимал участие сам автор.

Лучшие произведения казахской эпической прозы, получившие широкое признание в нашей стране и за ее пределами, явились свидетельством ее художественной зрелости.

Еще в 1949 г. в статье «Литература, рожденная революцией», Л. Соболев писал: «...Казахская литература за годы существования Советской власти в Казахстане не только создала свою художественную прозу, но и довела ее до такой степени совершенства, что на всенародном состязании искусств сумела выйти на первое место, соревнуясь с литературами давно сложившимися, созревшими за века своего развития и находящимися во всей силе своего расцвета»¹¹.

Жанровые формы эпической прозы по мере все более глубокого отражения многообразия жизни, освоения новых ее пластов непрерывно обогащаются, ибо новое

¹¹ «Литературная газета», 1949, 7 мая.

жизненное содержание вызывает к жизни новые художественные средства и приемы.

Как верно заметил К. А. Федин, «форма — не одежда, заготовленная впрок. Так как материал действительности непрестанно движется, то и воплощение его художником в романе, естественно, должно претерпеть изменения», потому что «материал влияет и на жанр»¹².

Новаторство, творческое освоение художественного опыта всей советской литературы и лучших национальных художественных традиций в свете современных задач — важнейшие условия для обогащения жанровой формы крупной прозы. В статье «О традиционном и новаторском в казахской советской литературе», написанной в 1960 г., М. Ауэзов, называя наиболее яркие образцы казахской крупной прозы, с полным основанием говорил, что «...создан казахский национальный стиль реалистической прозы. Конечно, при едином национальном стиле нетрудно отличить художников слова по их творческим индивидуальностям»¹³.

Лучшие произведения казахской эпической прозы, в том числе произведения последних лет, дают основание говорить о богатстве поисков писателей, о значительности и многообразии проблем, которые выдвигаются и освещаются в произведениях прозы, а также о возросшем мастерстве, проявляющемся в умении находить полноценное художественное решение этих проблем. Остановливаясь на основных направлениях творческих поисков казахских прозаиков, следует прежде всего отметить следующие моменты: углубление психологизма, усиление внимания к морально-этическим проблемам, стремление к глубокому раскрытию характера героев, к большим социально-философским обобщениям, к более полному овладению богатыми возможностями крупной прозы, к художественно-стилевому многообразию.

В этой связи верно отмечает литературовед В. Оскоцкий: «В своем развитии роман настойчиво выдвигает все новые проблемы, которые требуют глубокого анализа и широкого обобщения в свете идейно-художественного опыта, накопленного литературой последних лет»¹⁴.

¹² Федин К. А. Как мы пишем. — В кн.: Писатели о творчестве. М., «Советская Россия», 1966, с. 44, 83.

¹³ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5, с. 475.

¹⁴ Оскоцкий В. Богатство романа. М., 1976, с. 5.

Главные из этих проблем — всесторонняя разработка образа современника, детальное и глубокое изображение многообразных явлений современной действительности, а также наиболее важных исторических событий.

Создание образа современника — одна из почетных задач современных романистов. Положительным примером в этом отношении является роман Мухтара Ауэзова «Племя младое».

Такие произведения, как «Белый конь» Т. Алимкулова, «Буран» Т. Ахтанова, «Дом в степи» С. Жунусова, «Человек и тень» С. Бакбергенова, посвящены современной жизни аула и продолжили традицию М. Ауэзова в создании образа сегодняшнего человека труда.

Одни из них затрагивают проблемы животноводства, умножения поголовья скота, другие повествуют о создании нового совхоза, о его становлении и развитии. Заслуживающими самого серьезного внимания предстают в них вопросы претворения в жизнь ценных предложений рядовых аульных тружеников по повышению эффективности производства.

С точки зрения показа жизни современного аула и создания образа сегодняшнего сельского жителя-труженика ярким своеобразием отличается роман Т. Алимкулова «Белый конь». В нем поднимается животрепещущая в условиях Казахстана проблема коневодства. Основным объектом внимания писатель избирает настоящих мастеров своего дела коневодов Биркимбая, Гульнаш, Нуршу и других.

Роман повествует о трудовой жизни совхоза «Бозтюбе», расположенного в горах Каратау, показывает весь путь развития совхоза, раскрывает характеры живущих в нем людей, их взаимоотношения и трудовую деятельность. Основная идея произведения — воспевание казахской женщины, которая благодаря социалистическому строю получила свободу, обрела счастье, выросла политически и духовно, стала умелым руководителем-организатором.

В романе Т. Ахтанова «Буран» привлекает внимание убедительная психологическая мотивировка поступков главного героя Куспана. Писатель раскрывает сложную внутреннюю борьбу героя, который страдает из-за своей доверчивости, терпит неудачу и приходит к истине трудным путем.

Тема животноводства разрабатывалась и в других романах: «Гордиев узел» З. Шукурова, «Гнев» С. Шаймерденова, «Обновление» С. Алдабергенова, «Риск» М. Хасенова, «Седая степь» К. Ахметбекова, «Долг» Б. Даулетбаева и др. Главные герои их — наши современники, неустанно работающие в животноводстве и живущие его заботами и тревогами. Например, в романе М. Хасенова «Риск» мы видим молодого директора совхоза Магжана, который вырос до этого поста из рядового труженика и проявляет незаурядные организаторские способности. Роман К. Ахметбекова «Седая степь» повествует о многогранной деятельности вновь созданного района по развитию животноводства. Перед взором читателя предстают работник райкома партии Нургазы, молодой чабан Айбосын, секретарь комсомольского комитета Гүлжайсан.

Знакомясь с этими романами, мы получаем довольно ясное представление о тех новшествах и изменениях, которые произошли в последние годы в ауле, в сфере трудовой деятельности животноводов. В большинстве из них речь идет главным образом об организации комплексной животноводческой бригады, о механизации обслуживания скота, об улучшении породы. К сожалению, в романах эти проблемы нередко решаются упрощенно, схематически.

В последние годы проза обратилась к теме жизни и труда рабочих, начало которой положил С. Сейфуллин. В своей повести «Землекопы» он художественно запечатлел трудовые будни казахских рабочих, участников строительства железной дороги. Ныне тема о рабочем классе продолжает глубоко и разносторонне разрабатываться. Расширился круг и героев произведений, среди которых мы встречаем сталевара, инженера, директора, секретаря партийной организации предприятия. В ряду произведений на эту тему можно назвать «Моих ровесников» С. Ерубаяева, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Жизнь и смерть», «Караганду» Г. Мустафина, «Дружбу и любовь» А. Абишева, «Темиртау» З. Шашкина, «Огнедышащую гору» Г. Сланова, «Кентау» С. Бекбергенова, «Схватку», «Золотую птицу» И. Есенберлина, «Пламя» З. Кабдолова, «Взрыв» Ш. Муртазаева, «Поединок» А. Джаксыбаева и многие другие.

В них рассказывается об освоении Карагандинского угольного бассейна, о трудовом подвиге темиртауских

металлургов, об освоении рудников «Карасай» и «Нарта», о труде нефтяников Мангышлака. Все вместе они создают полную картину о рабочем классе Казахстана, о его становлении и о дружбе рабочих разных национальностей. Писатели убедительно свидетельствуют, что в формировании рабочего класса в Казахстане большую роль сыграл русский пролетариат, что ныне на крупных промышленных предприятиях работают высококвалифицированные рабочие, составляющие гордость советского общества. Всесторонне изображены в романах различные сферы жизни рабочего класса.

М. О. Ауэзов писал: «Роман основывается на судьбах, которые складываются в событиях. Судьба всегда событийна, а события определяются судьбами. Лишь весьма условно можно говорить о судьбе и событии в романе как о разных категориях художественного полотна»¹⁵.

Можно назвать ряд казахских романов на производственную тему, которые отличаются именно таким единством человеческих судеб и событий: «Темиртау» З. Шашкина, «Пламя» З. Кабдулова, «Поединок» А. Джаксыбаева и «Взрыв» Ш. Муртазаева. В романе З. Шашкина «Темиртау» герои Кайыр и Дамеш занимаются подготовкой металлургов из казахской молодежи и стремятся добиться сокращения сроков варки стали. Но на их пути стоит инженер Муслим. Молодые специалисты в ходе борьбы с возникшими трудностями приобретают большой жизненный опыт.

Писатель Кабдулов в своем романе «Пламя» показывает, как молодой ученый Кабен, убедившись в том, что подготовленная им научная работа никакой практической ценности не представляет, приходит к смелому решению — уезжает работать с геологической партией по разведке нефти. В романе остро встает нравственная проблема честности человека перед своей совестью. Герой оказывается в гуще событий, благодаря которым раскрывается его характер. Писатель утверждает мысль о единстве науки и жизни, теории и практики.

Роман Ш. Муртазаева «Взрыв» построен на конфликте героев, полярно противоположных своими принципами, интересами, целями и идеями. Автор повествует о том,

¹⁵ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5, с. 535.

как инженер Жарас Хамзин и его приспешник Амандык Акырапов всеми правдами и неправдами стремятся воспрепятствовать осуществлению ценных предложений молодого специалиста Наримана Данаева. Жарас Хамзин увозит Таншолпан, любящую Наримана, выступает против назначения Наримана главным инженером рудника «Нартас». Он присваивает себе изобретение Наримана. Стремясь очернить Наримана ложными обвинениями, он отстраняет его от занимаемой должности и передает дело следственным органам. Только вмешательство секретаря обкома партии Алмаса Зангарова восстанавливает справедливость.

Ставя своего героя — инженера Наримана — в такие сложные жизненные ситуации, писатель стремится ярче раскрыть его характер через поступки и действия. Чистая любовь Наримана к Марзии — это большое и светлое чувство, облагораживающее человека даже в самых тяжелых условиях.

Автор стремится показать различный подход работников партийных организаций к решению вопросов. Бурабаев не вникает в существо проблемы в достаточной мере и не может правильно ее решить. Иначе подходит к делу работник обкома партии Алмас Зангаров. Он показывает пример вдумчивого и справедливого решения вопроса, связанного с судьбами людей. Принципиальная, коммунистически объективная оценка сложившейся обстановки и поступков людей оказалась под силу только опытному партийному работнику Алмасу Зангарову. Писатель сумел реалистически изобразить образы Бурабаева и Зангарова, придав им типические черты.

Борьба за справедливость — основная линия и в романе А. Джаксыбаева «Поединок». Борец за правду и справедливость молодой инженер Батырбек оказывается в трудных ситуациях, преодолевая их, он мужает, становится подлинным гражданином. Молодой инженер, не поступаясь своими убеждениями, добивается поставленной цели честным трудом, завоевывает уважение и авторитет.

В последние годы в прозе все чаще стали появляться произведения о жизни интеллигенции. Особенно плодотворно работают в этой области С. Шаймерденов и И. Есенберлин. Герои романов «Схватка», «Опасная переправа», «Влюбленные», «Золотая птица» Есенберли-

на — люди разных профессий, они представляют различные сферы трудовой деятельности: геологи («Схватка»), поэты («Опасная переправа»), архитекторы («Влюбленные»), горняки («Золотая птица»). Следует отметить, что в этих произведениях изображаются разнообразные характеры, но острота событий в сюжетном ходе доминирует.

В настоящее время непросто выделить произведения, отражающие жизнь интеллигенции, ибо практически в каждом произведении фигурируют люди с высшим образованием. Например, все герои романа Б. Даулетбаева «Долг» — люди образованные. Главные герои романов З. Шашкина, З. Кабдулова, Ш. Муртазаева, А. Джаксыбаева — также люди с высшим образованием, некоторые имеют ученую степень. Поэтому можно лишь условно говорить о произведениях, посвященных интеллигенции. В них в отличие от романов, посвященных другим темам, больше внимания уделяется жизни представителей интеллигенции.

Отмеченные произведения отличаются определенными успехами в разработке жанра романа. Темы и проблемы, поднятые в них, разнообразны. Различны также и их решения, определяемые мастерством каждого писателя. Тем не менее во всех этих романах трудноразрешимой оказалась проблема конфликта. Ранее, как известно, изображался конфликт между противоборствующими социальными силами. Например, в романе С. Муканова «Ботагоз» люди из народа во главе с Аскарком выступают против феодалов типа Итбая, а в романе Г. Мустафина «После бури» бедняки во главе с Аманом ведут борьбу против бая Шакена.

Что касается современных романов, то в них природа конфликта иная: это столкновение различных суждений, мировоззрений, борьба в сознании людей. Изображению конфликтов такого рода присущи свои трудности и особенности. Писатели во многих случаях в целом верно отражают индивидуальные особенности интеллектуальной, эмоциональной жизни героев, раскрывая борьбу с пережиточными явлениями в сознании людей, такими, как клеветничество, завистливость, корыстолюбие, карьеризм и т. д. Вместе с тем жизненные конфликты в этом плане решаются нередко несколько прямолинейно. Безупречной нравственности одного героя противопоставляется без-

нравственность другого: честность — подлости, преданность в любви — легкомыслию и т. д. Таким образом, сложная диалектика человеческого характера не раскрывается достаточно глубоко.

Значительное место в казахской прозе занимает историческая тема. В этой связи следует назвать имена И. Есенберлина и А. Алимжанова, которые в последние годы активно пишут на исторические темы. И. Есенберлин в трилогии («Буланый меч», «Отчаяние», «Жестокость») пытается охватить ряд исторических этапов общей протяженностью в несколько веков. В первом из романов изображена жизнь казахских родов 15 века, их борьба за создание самостоятельного государства, роман «Отчаяние» посвящен выступлению казахов 17—18 веков против вторгшихся в степь чужеземных захватчиков (джунгарских войск), отражены некоторые предпосылки вхождения Казахстана в состав Российского государства, а роман «Жестокость» повествует об исторических событиях 1836—1847 гг.

Писатель выдвигает в этих романах задачу создания художественной концепции отображения важных этапов истории народа. Анализ, отбор имеющихся исторических источников, художественное осмысление и обобщение крупных исторических явлений представляют, безусловно, немалые трудности. Во многом, как нам представляется, писателю удалось их преодолеть. Романы Есенберлина привлекают внимание читателей, что свидетельствует об актуальности их тем. Вместе с тем критикой отмечены недостатки этих произведений, которые сводятся в основном к несколько свободной, порой вольной интерпретации писателем образов исторических лиц. В значительной мере эти моменты объясняются, по-видимому, сложностью самой проблемы, тем, что отдельные важные вопросы истории недостаточно глубоко и четко разработаны как в художественной, так и научной литературе.

Писатель А. Алимжанов в романе «Стрела Махамбета», изображая отдельные эпизоды восстания казахских крестьян в 1837—1847 гг. в Западном Казахстане, направленного против ханства и царизма, создал яркий образ пламенного поэта-борца Махамбета, являвшегося одним из руководителей и душой народного движения. В романе «Гонец» запечатлены исторические события, связанные с

нашествием на казахские степи джунгарских феодалов (1723 г.). Автор убедительно доказывает, что казахский народ, переживший в этот период тяжелые бедствия, нашел поддержку и помощь со стороны своего могучего соседа — великого русского народа. Он стремится через разнообразные судьбы людей раскрыть сложную историческую действительность той эпохи, когда было положено начало вхождению Казахстана в состав Российского государства, постепенному укреплению дружественных связей казахского и русского народов. Эти произведения А. Алимжанова, писателя, сочетающего в себе яркий дар публициста и художника, известного многими рассказами и повестями, отличающимися остротой постановки злободневных проблем современной действительности, раскрывают новые грани его разносторонней творческой деятельности.

К исторической прозе примыкает роман Д. Абилева, в котором автор на фоне разнообразных событий социальной жизни повествует о выдающемся казахском поэте, ярком представителе демократического общественного движения начала 20 века С. Торайгырове.

Прочное место заняли в казахской литературе произведения таких прозаиков, как К. Искаков, С. Муратбеков, Р. Тохтаров, С. Жунусов, А. Кекильбаев, С. Санбаев, Б. Тлегенов, Д. Досжанов, М. Сундетов, Ж. Нажимеденов и др. Если одни из них больше заявили о себе в разработке современной тематики (Р. Тохтаров, С. Муратбеков, Б. Тлегенов), причем некоторые (К. Искаков, М. Сундетов, Ж. Нажимеденов) обращают главное внимание на события периода Отечественной войны, послевоенный период, то других (С. Жунусов, А. Кекильбаев, Д. Досжанов) больше привлекает историческая тематика.

Обзор романов подтверждает, что за сравнительно короткий исторический период развития казахской эпической прозы создано немало крупных произведений, которые знаменуют собой значительные вехи в развитии казахской литературы и вошли в сокровищницу многонациональной советской литературы.

Центральное место в казахских романах занимают социальные проблемы, историко-революционная тематика, социалистическое переустройство жизни, всенародная борьба за победу социализма и построение коммунистического общества в нашей стране, такая важная тема,

как исторически сложившаяся дружба народов Советского Союза.

Для казахской литературы последних лет, как и для литератур всех народов СССР, характерна углубленная разработка темы морали, вопросов о нравственном совершенствовании современного человека.

Лучшие герои казахской, как и всей многонациональной советской литературы,— это люди высоких моральных качеств, отличающиеся преданностью идеалам коммунизма, интересам партии и народа, активностью жизненной позиции. Характер нашего современника определяется прежде всего его трудовой активностью, его сознательным участием в коммунистическом строительстве, ибо социалистический труд составляет основу социалистического образа жизни.

Казахские романы богаты своей проблематикой, они разнообразны также по формам, жанровым признакам. Литературоведы и критики, изучающие казахский роман, различают его виды: социальный, социально-психологический, исторический, историко-революционный, военный, мемуарный, автобиографический, семейно-бытовой и др.

Нами выделены лишь наиболее значительные произведения казахской прозы, которые характеризуют собой основные тенденции становления и развития этого жанра. Вполне естественно, что в ограниченных рамках работы мы не смогли уделить внимания всем произведениям, но и отмеченные неодинаковы по глубине раскрытия темы и по художественным достоинствам. Разумеется, следует учитывать, что тот или иной художник слова, имея преимущества в одном отношении, может уступать другим писателям в чем-то другом. Однако дело не только в многообразии дарования писателей, в проявлении разных граней их таланта. Бросается в глаза наличие в прозе общих недостатков, характерных для целого ряда произведений. Это прежде всего облегченное, несколько схематичное изображение явлений жизни и человеческих характеров. Авторы нередко увлекает внешняя событийная сторона жизненных ситуаций. Лишь глубокое постижение писателем социальной сущности явлений, раскрытие многообразия и всей сложности жизненных противоречий обеспечивают полную художественную убедительность изображенных событий, более углубленную нравственно-психологическую мотивировку характера героев.

Далеко не во всех произведениях писателям удается создать полнокровные, правдивые образы современников. Часто явления жизни изображаются поверхностно. В отдельных произведениях, рисующих жизнь и труд современных рабочих и колхозников, авторам явно недостает наблюдательности, зоркости, яркости художественного впечатления. Главный недостаток подобных произведений — в недостаточном умении показать деловые качества труженика в неразрывном единстве с его морально-этическими качествами.

В произведениях на исторические темы иной раз мы не находим глубокого выявления закономерностей жизненных явлений. Умение поднять важную историческую проблему, найти живую связь и последовательность, внутреннюю обусловленность явлений исторической жизни — дело ответственное и трудное. Художественный вымысел в историческом произведении не дает права писателю произвольно искажать суть исторических фактов и явлений, он должен служить наиболее верной передаче содержания и смысла исторических событий в полном соответствии с современным пониманием прошлого.

Если же рассматривать произведения казахской прозы в более широком масштабе, то пришлось бы говорить о целом ряде книг, явно слабых, не выдерживающих сколько-нибудь серьезной критики. В настоящее время в казахской литературе нетрудно насчитать около 200 романов. Безусловно, форма романа имеет большую притягательную силу, однако обращение к этому жанру предъявляет к художникам слова столь же большие требования и должно быть глубоко оправдано. Здесь уместно вспомнить слова известного литературоведа А. Метченко: «Обязательно ли сегодня каждому писателю переходить к созданию романа, тем более — романа-эпопеи? Не думаю. Генерализация любого жанра, даже романа, позволяющего шире воспроизвести жизнь, тоже опасна: не всякий талант, хорошо зарекомендовавший себя в малых жанрах, столь же непременно успешно проявится в больших»¹⁶.

Разработка эпического жанра способствует обогащению всей казахской литературы, новому развитию национально-художественных традиций.

¹⁶ Метченко А. Кровное, завоеванное. М., «Советский писатель», 1975, с. 485.

Мухтар Ауэзов писал: «Во многие литературы советского Востока вошли именно благодаря дружескому общению такие новые жанры, как проза, драма, вошли благодаря освоению реалистических традиций передовых народов мира. И все наши читатели все это высококультурное, новое в истории своего народа восприняли как органическое развитие, проявление своего кровного, близкого, лучшего, что выношено в душе народа. Узбекский, киргизский, туркменский роман воспринимается читателями — узбеками, киргизами, туркменами — как близкое им, национальное явление, как действенное проявление творческого мышления народа в новых жанрах, в новых национальных формах. Эта новая форма глубоко национальна не только по языку, но и по всем отображаемым ею особенностям жизни — психологии, быту, деяниям, образно-языковому мышлению, людским отношениям. Стало быть, мы наблюдаем здесь по отношению к каждой отдельной социалистической нации прежде всего самостоятельное, своеобразное проявление национальной формы, общее по своим стремлениям, идейно-историческим задачам, целям»¹⁷

Новое содержание, новые идеи и темы диктуют необходимость обогащения всей системы изобразительно-выразительных средств казахской литературы, требуют от писателей смелого новаторства, осуществляемого на основе синтеза народных художественно-поэтических традиций и творческих достижений других народов. На этой основе роман в казахской литературе приобретает немало новаторских и национально-своеобразных черт. В этом плане представляют интерес вопросы о языке романа, о чертах национально-характерных, отличающих произведения этого жанра в казахской литературе.

Следует иметь в виду, что казахский литературный язык на протяжении веков получал художественную обработку более всего в поэзии, в творчестве певцов и поэтов. И вполне естественно, что молодая казахская проза впитала в себя богатства поэтической речи, ее яркую образность. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Как отмечалось ранее, своеобразие образной системы казахского поэтического языка характеризуется тем, что в казахской на-

¹⁷ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5. с. 330—331.

родной и письменной поэзии велика роль поэтических образов — сравнений, эпитетов, метафор, связанных с миром домашних животных (конь, верблюд, овца и др.). Это объясняется тем, что в кочевом обществе основную форму хозяйства составляло скотоводство. Казахи намного чаще и в несравненно большей степени, чем народы, не знавшие в прошлом кочевой жизни, у которых скотоводство не занимало столь значительного места, сравнивают человека, его качества и его действия с домашними животными. Однако дело не только в чрезвычайно широкой употребительности поэтических образов и выражений этого круга, не менее важно также и то, что в них запечатлено особое отношение к домашним животным, возможное только в условиях кочевого общества.

Говоря о том, что национальная окраска словесно-поэтических образов — сравнений, эпитетов, метафор и художественных символов и т. д. — в значительной степени определяется сопоставлением предметов и явлений, связанных с кочевым бытом, следует в полной мере учитывать, что таких явлений и предметов довольно много, ибо художественно-эстетический опыт народа складывался и накапливался в обстановке кочевой жизни в течение многих веков.

Дело, конечно, не просто в привлечении поэтических образов для сопоставления национально-характерных предметов и явлений, а в своеобразии их художественно-эстетической оценки. Именно последним прежде всего и более всего определяются национальные черты в художественном восприятии действительности. В самом деле, мы находим множество в высшей степени характерных для художественного мышления казахского народа образных представлений, например, для описания женской красоты и т. п. Национально-своеобразными чертами отличаются поэтические образы животных и птиц. Это происходит, вероятно, по двум причинам: 1) последние мало известны у других народов, поскольку характерны для степных, пустынных местностей (верблюд, кулан, сайга (киик), 2) употребление поэтических образов, связанных с отдельными животными или птицами (сокол, конь, лебедь), в литературе стало устойчивым.

Наблюдаются некоторые особенности и в использовании поэтических образов, связанных с явлениями природы (солнце, луна, звезды, горы, реки, ветер, буря

и т. д.), но в основном эти особенности связаны с литературными традициями, а также с тем, что казахской поэзии ближе поэтические образы, вызванные степным пейзажем.

Поэтические же образы, связанные с растительным миром, в казахской поэзии встречаются довольно редко.

Если говорить в целом о своеобразии системы словесно-поэтических образов поэзии, оно в своей основе определяется тем, что в литературе для художественных параллелей и сопоставлений использовались чаще всего такие предметы и явления действительности, которые с особой силой и остротой запечатлевались в сознании людей в процессе истории народа. В то же время немалую роль играют уже сложившиеся художественно-литературные традиции, которые сами определяются обстоятельствами жизни, но могут сохраняться и тогда, когда вызвавшие их условия существенно изменились.

Разумеется, в современном казахском поэтическом языке много новых образных средств, отражающих современные художественно-эстетические представления казахского народа и свидетельствующих о непрерывном обновлении и обогащении языка поэзии, о чем подробно будет сказано в дальнейшем. Здесь же мы акцентируем внимание на сложившемся веками национальном своеобразии языка, которое, несомненно, оказывает заметное влияние на язык современной казахской прозы. Нетрудно отметить, что языку казахских романов в значительной мере свойственны отмеченные особенности казахского поэтического языка, характерные также для общенародного и литературного казахского языка.

Подтвердим эту мысль несколькими примерами из романа «Путь Абая» М. Ауэзова. Вот портрет девушки Тогжан: «Маленькие блестящие серьги в ушах, бобровая шапочка на голове, перстни, унизавшие ее пальцы,— все казалось Абаю изящным и прекрасным. У нее нежное личико, прямой правильный нос, черные глаза. Тонкие брови, острые и длинные, как крылья ласточки, разлетаются к вискам. Когда Тогжан слушает, смеется или смущается, чудесные брови то поднимаются дугой, то успокаиваются в плавном изгибе. Может быть, это — крылья невиданной птицы? Вот они раскрылись для полета, а потом снова сомкнулись... Нет, не птицы,— какого-то легкого духа, парящего в воздухе... Они рвутся

ввысь, вдаль — манят за собой... Абай не в силах был оторвать глаз. Он смотрел на девушку восторженно — и молчал, сам не замечая, что думает о ней сравнениями, вычитанными у поэтов»¹⁸.

Если портрет девушки дается через восприятие юного Абая и отражает в некоторой степени черты, присущие его поэтической натуре, то в следующем примере портрет героини сделан самим писателем: «Легкий чапан из черного атласа мягко колыхался при каждом ее движении. Голову покрывала новая камчатная шапка, вокруг шеи причудливыми складками переливалась тонкая шаль. В ушах лениво покачивались большие золотые серьги. На коне среди этих девушек она казалась утренней звездой, сверкавшей на тусклом небосклоне. Окруженная сверстницами, она ехала медленно. Сияющий открытый лоб, мягкая линия белоснежной шеи, волосы, черными волнами падающие на спину, — все сливалось в один чудесный облик. Руки ее лежали на желтом шелковом поясе, повязанном поверх черного чапана»¹⁹.

Как видим, между этими двумя описаниями внешности героини существенных различий не замечается.

Еще один пример — слова Абая, сказанные в ответ отцу Кунанбаю: «...вы указали, чем можно держать народ и каким должен быть человек, который его ведет. Помоему, народ некогда был стадом овец: крикнет чабан «айт!» — все вскочат, крикнет «шайт!» — все лягут. Потом народ стал походить на табун верблюдов: кинут перед ним камень, крикнут «шок!» — и он оглянется, подумает и только тогда повернет. А теперь у народа нет его прежнего смирения, он смело открывает глаза. И сейчас он подобен косяку коней: он послушает того, кто разделит с ним все невзгоды — и мороз, и буран, кто для него забудет дом, кто согласится иметь подушкой лед, постелью — снег»²⁰.

Речь Абая богата и разнообразна, и этот пример отражает лишь одну ее грань (он стремится придать своей речи форму, близкую и понятную отцу).

Яркими особенностями отличается и авторское описание образа Абая. Вот строки из заключительной части эпопеи, в которой говорится о кончине поэта: «Горячее

¹⁸ Ауэзов М. Собр. соч., т. 2, с. 143.

¹⁹ Там же, с. 183.

²⁰ Там же, с. 353.

биение большого сердца остановилось. Благородная жизнь, подобная обильной реке, несущей свои животворные воды через иссыхающую от жажды пустынную степь, иссякла. Могучий чинар, одиноко выросший на голой каменистой земле и поднявший вершину свою в сверкающую высь, рухнул!»²¹.

Образ Абая и окружающая его среда здесь изображены в духе народной художественно-поэтической символики. Подобные символические образы выполняют в романе определенную роль как элементы композиции произведения. Достаточно сказать, что образ молодого окрепшего чинара, которому уже не страшны ни зимняя стужа, ни сильный ветер, композиционно замыкает первую книгу романа. В концовке второй книги перед взором Абая, объятых думой, возникают образы безбрежного моря и ладьи с поднятым парусом. Символический образ паруса, олицетворяющий Абая — борца, устремленного к большой жизненной цели, опирается на казахскую поэзию, но одновременно связан и с художественными традициями русской литературы. Этот символ имеет свою психологическую мотивировку, ибо Абай с большой любовью переводил «Парус» Лермонтова, живо ощущал образную стихию русской поэзии.

Весьма интересно, что в конце романа наряду с отмеченными образами-символами (реки, чинара) предстает другой, полный глубокого смысла образ зари, при помощи которого писатель подчеркивает мысль о созвучности идей и помыслов Абая с нашей эпохой. «Только вдали, у небесной черты, едва различимая глазом, высится во мраке черная гора. А за ней — чуть приметная — занимается золотая заря. Она еще только едва брезжит, но чудится Абаю, что медленно и неуклонно разрастаясь, она уже приподнимает край ночи — вот-вот ослепительные лучи ее хлынут потоком и победят мглу. Всем существом своим устремляется Абай к этой далекой золотой заре, как к земле обетованной»²².

Образ зари, олицетворяющий в современной литературе революцию, наступление новой эпохи — это образ новаторский, он имеет, по существу, интернациональный характер.

²¹ Ауэзов М. Собр. соч., т. 3, с. 722.

²² Там же, с. 721.

Таким образом, обращая внимание при изучении языка казахской прозы на национально-характерные особенности, необходимо в полной мере отметить новаторские черты языка и стиля произведений, плодотворную речетворческую работу писателей. В разработку языка прозы огромный вклад внесли такие мастера художественного слова, как М. Ауэзов, Б. Майлин, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин и др. Неоценимое значение имеет богатый опыт русской классической и советской литературы, всех литератур народов СССР. Существенным также является здесь, как и во многих других отношениях, взаимодействие прозы с драматургией, публицистикой и т. д. Показательно, что, например, у М. Ауэзова и Г. Мусрепова, являющихся также выдающимися драматургами, высоко мастерство индивидуализации речи каждого из героев в полном соответствии с их характером и мышлением.

С вопросом о языке прозы тесно соприкасается вопрос о национальном своеобразии казахских романов. Ибо черты национальной специфики прозы определяются в значительной степени ее связью с художественными традициями, с особенностями художественно-эстетических представлений и взглядов народа, наиболее ярко и полно проявившимися, как было уже отмечено, в поэтическом творчестве. Для казахской прозы, как и для романов некоторых братских народов Средней Азии (например, киргизского народа), характерно частое использование устных, фольклорных мотивов, что объясняется более непосредственной связью сравнительно молодого прозаического жанра с народно-поэтическими традициями. Эти традиции так или иначе сказываются также на стиле и характере повествования во многих романах, в которых развертывание сюжета и изложение событий отдаленно напоминают особенности устного рассказа, народных поэм и т. д.

Черты национального своеобразия в известной мере придает романам и обращение писателей к темам и сюжетам из национальной истории. Например, в исторических романах тема поэзии и искусства является одной из ведущих. Кстати, не будет преувеличением сказать, что тема искусства (поэзии и музыки) относится к числу таких тем казахской литературы, в которых с особой глубиной раскрылись правда души народа, его идеалы и устремления, своеобразие его мировосприятия. И это не

случайно. Ибо, как уже отмечалось, именно эти сферы духовной жизни народа характеризуются наибольшим развитием на всех этапах его дореволюционной истории. С певцами и поэтами в этом отношении в исторических романах, как и в некоторых других жанрах казахской литературы, могут соперничать разве лишь крупные исторические деятели — вожаки народа, народные герои. Правда, нередко эти два понятия объединяются в одном лице, поэт или певец является видным историческим деятелем, предводителем народа.

Можно было бы отметить и другие темы как наиболее характерные для жизни дореволюционного Казахстана и республик Средней Азии. Например, темы просвещения народа, борьбы за равноправие женщины, а также разнообразные темы и мотивы, связанные с борьбой против пережитков патриархально-феодалного быта. Стиль и характер повествования многих романов, развертывание сюжета и изложение событий в них нередко отдаленно напоминают особенности устного рассказа, народных поэм и т. д.

Разумеется, каждая из названных тем может приобрести и действительно приобретает в произведениях писателей широкое интернациональное звучание. Кроме того, важно подчеркнуть, что национальные черты романа прежде всего определяются глубоким изображением духа народа, психологии, раскрытием особенностей характера героев.

Не потеряла и ныне своего глубокого значения мысль Н. Г. Чернышевского о том, что «без местного колорита в обстановке, без национального элемента в действующих лицах никак не могут обходиться настоящие романы, настоящие повести. Без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальных характеров в действующих лицах нет ни вида реальности — правдоподобия — в действии, ни осязательности в действующих лицах. А без этих условий нельзя обходиться романам, повестям»²³.

Говоря о произведениях, отражающих современную действительность, весьма важно учитывать, что национальные черты в характере людей предстают в диалектическом сочетании с чертами общесоветскими, интернацио-

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1949, с. 129.

нальными, присущими всем советским людям. Характер современника может быть правдиво показан лишь при глубоком понимании писателями особенностей социалистического образа жизни и при художественно убедительном изображении этих особенностей.

Советская многонациональная литература с самого зарождения выдвинула главной задачей отобразить то новое, что вошло в жизнь народов нашей страны с победой Великого Октября. Изображение гибели старого мира, рождения нового общества, воспевание новой жизни, новых героев в равной мере характерны для всех национальных литератур народов СССР. В настоящее время, в эпоху развитого социализма расширяется круг проблем и тем, общих для всех национальных литератур нашей страны. По сути дела, в настоящее время найдется уже немного тем, характерных только для одной литературы. Возьмем, к примеру, такие темы, как Великий Октябрь, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, становление рабочего класса и колхозного крестьянства, культурное строительство, жизнь интеллигенции, борьба за мир, проблемы морали и т. д. — основные темы, разрабатываемые многонациональной советской литературой. Важнейшей задачей литературы, несомненно, является всестороннее раскрытие богатства духовного мира современного человека. Именно в художественном воплощении этих больших и актуальных тем и проблем современности могут наиболее ярко проявиться индивидуальные качества каждого писателя, грани его таланта и мастерства. Это своеобразное соревнование литератур, школа мастерства и взаимный обмен опытом. Здесь можно в полной мере отразить лучшие черты и достоинства каждой литературы, ее художественные особенности и одновременно многообразие стилей и изобразительных средств в братских литературах. Поэтому при исследовании казахских романов следует чаще прибегать к сравнительному анализу романов разных национальных литератур.

Литературоведам и критикам принадлежит немалая заслуга в изучении казахских романов.

Поучительные примеры рассмотрения казахских романов в сопоставлении с романами писателей братских народов (С. Айни, Б. Кербабаев, А. Файзи и др.) мы находим в статьях Мухтара Ауэзова. Определенная иссле-

довательская работа ведется также другими авторами. Этот плодотворный подход к изучению темы следует развивать и далее.

Изучению произведений казахской эпической прозы посвящены труды М. Каратаева, Е. В. Лизуновой, Т. Нуртазина, С. Кирабаева, Ш. Елеукунова, Б. Шалабаева, Р. Бердыбаева, Х. Адибаева, Б. Наурызбаева, М. Атимова и других авторов. В них рассматриваются эволюция этого жанра в казахской литературе, его становление и важнейшие вехи развития, идейно-тематическое содержание произведений, освещаются проблемы характера, сюжета и композиции, художественного мастерства писателей и т. д.

В работах М. Каратаева дается оценка и обоснованный разбор многих наиболее значительных произведений казахской прозы. Автор рассматривает развитие казахской прозы, ее проблемы в неразрывной связи с становлением и укреплением в казахской советской литературе метода социалистического реализма. В трудах Е. В. Лизуновой привлекает внимание рассмотрение некоторых общетеоретических проблем развития эпического жанра в литературах Средней Азии и Казахстана, обстоятельный анализ идейно-художественных особенностей прозы Мухтара Ауэзова. В книгах Р. Бердыбаева, М. Атимова произведения прозы разбираются в аспекте изучения сюжетного и композиционного их построения. Творчеству видных прозаиков (С. Сейфуллина, Б. Майлина, Г. Мусрепова) посвящены работы С. Кирабаева, Б. Наурызбаева, Х. Адибаева. Ряд важных вопросов развития казахской прозы выдвигается также в работах Ш. Елеукунова, Б. Шалабаева и др.

О жанре романа писали и пишут сами писатели: М. Ауэзов, С. Муқанов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, Х. Есенжанов, А. Нурпеисов, Т. Ахтанов, А. Алимжанов, И. Есенберлин, Ш. Муртазаев.

Наиболее значительные произведения казахской прозы вызывают интерес со стороны всесоюзной литературной критики. Ценные суждения и оценки высказаны видными деятелями русской, а также литератур других братских народов нашей страны в отношении ряда произведений казахской прозы. Не говоря об известных советских писателях, здесь можно было бы назвать имена многих критиков и литературоведов: Г. Ломидзе, З. Кедрина, К. Зелин-

ский, М. Фетисов, И. Брагинский, В. Оскоцкий, Е. Книпович, В. Смирнова и др.

Среди произведений, вышедших на всесоюзную и мировую арену, особое место занимают романы. По сравнению с другими жанрами они сыграли ведущую роль в ознакомлении зарубежных читателей с жизнью казахского народа. Об этом ярко свидетельствуют переводы на многие иностранные языки романов «Путь Абая» М. Ауэзова, «Ботагоз», «Школа жизни», «Сыр-Дарья» С. Муканова, «Солдат из Казахстана», «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Миллионер», «Қараганда» Г. Мустафина, «Грозные дни» Т. Ахтанова, «Кровь и пот» А. Нурпеисова, «Стрела Махамбета» А. Алимжанова. О них высоко отзывались литераторы многих зарубежных стран. Например, во введении австрийского издания эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая» отмечалось: «Автор мастерски сумел передать красочную и интересную картину жизни казахов, которые во времена Абая были еще кочевниками и исповедовали исламскую религию. Сцены кровавых столкновений сменяются сценами нежной любви.

Художественная красота языка, ярко выраженные характеры, великолепно нарисованные сцены и истинно гуманистические основные идеи делают этот роман произведением мировой литературы»²⁴.

Бельгийский литератор Рейн пишет о романе Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана»: «Чтобы понять эту книгу, надо иметь некоторое представление о Казахстане. Казахстан является громадной, полупустынной территорией, расположенной на восток от Каспийского моря. В 1920 году среди семи миллионов населения Казахстана 95% было безграмотным. Но... пятилетние планы вывели эту страну, только что освободившуюся от феодального и патриархального гнета, на дорогу электрификации и современного технического прогресса.

Книга, которая лежит передо мной, является больше свидетельством пройденного пути, чем романом. В этом заключается ее ценность»²⁵.

По поводу первой книги трилогии А. Нурпеисова «Кровь и пот» Тристан Рено из Франции пишет: «Талант Нурпеисова проявился в том, что писатель создал эпопею

²⁴ Казахская литература в оценке зарубежной критики. М., 1971, с. 96.

²⁵ Там же, с. 149.

(«Сумерки» являются первой частью трилогии, о размерах которой мы еще не можем судить, но имеем уже представление о ее значении), сумел показать самые неожиданные и тонкие движения человеческой души. Здесь нет речи о борьбе добра и зла, справедливости и несправедливости, автор изображает медленное и трагическое рождение нового дня»²⁶.

Произведения казахской прозы привлекают внимание тысяч читателей — представителей многих народов, посредством русских переводов входят в литературу этих народов. Поэтому вопрос о переводе на русский язык произведений казахской прозы, равно как и изучение переводов из русской литературы на казахский язык, имеет важное практическое и научно-теоретическое значение.

Кроме того, эти переводы являются формой творческого изучения и освоения опыта русской литературы, школой художественного мастерства. Как верно заметил писатель академик Г. Мусрепов, «литература, которая ограничивается только национальными традициями, не может развиваться. Мастерство — проблема номер один для нас. Чтобы создать свою классическую литературу, надо учиться у классиков. Пока не будет освоено их большое мастерство, не будет создана и большая литература, не будет достигнута и наша цель. Мы, казахские писатели, являемся наследниками Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова, Горького и должны освоить их мастерство»²⁷.

Исследование казахского романа должно осуществляться не в рамках одной национальной литературы, а в тесной связи с литературами других братских народов, с учетом достижений мировой литературы.

Одним из характерных явлений следует считать тесную связь романа с другими жанрами литературы. Наше литературоведение остро нуждается в серьезном теоретическом исследовании вопросов связи романа с поэзией, драматургией и искусством.

При изучении поэтики романа, его структуры очень важно художественные особенности рассматривать в единстве с содержанием, все компоненты во взаимосвязи друг с другом, при этом уметь выделять прежде всего стержневые, главные моменты, определяющие своеобразные черты его целостной структуры.

²⁶ Казахская литература в оценке зарубежной критики, с. 163.

²⁷ Мусрепов Г. Суреткер парызы. Алматы, 1970, 346-б.

Художественное новаторство, поиски новых путей более глубокого раскрытия правды жизни, рост мастерства писателей — необходимое условие дальнейшего развития казахской прозы. Поэтому следует уделять серьезное ~~в~~нимание вопросам художественного мастерства писателей-прозаиков. Идеино-тематическое содержание произведения важно раскрывать в единстве с художественным своеобразием его воплощения. Мастерство писателя в художественном раскрытии темы, в обрисовке образов героев, приемы и средства, которыми он пользуется при построении сюжета и композиции, особенности языка и стиля, своеобразие повествования в целом — эти вопросы должны глубоко изучаться казахским литературоведением в теоретическом плане.

Для более углубленного исследования современной казахской литературы, ее эпического жанра нам следует наряду с уже освоенными типами литературоведческих работ (критические статьи, биографические, этапные, жанровые исследования и т. д.) создавать труды, в которых шире использовались бы типологические, структурные и другие методы.

НОВАТОРСКИЕ ПОИСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ И ОБОГАЩЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В определении предмета и задач поэтики в литературоведении и филологии пока нет единого общепринятого мнения. В различные периоды на этот счет высказывались противоречивые мнения, подчеркивались разные аспекты этой науки. Отчасти это объясняется тем, что поэтика — понятие многозначное, исторически изменяющееся, развивающееся. И в нашу эпоху поэтика — наука, имеющая много аспектов. Она включает в себя изучение поэтического языка в единстве со всей художественной системой поэтического творчества. Мы рассматриваем поэтический язык с точки зрения образности, обогащения его выразительных возможностей в современных условиях. Особенно важно подчеркнуть, что изучение поэтического языка важно для понимания многих современных процессов развития поэтического искусства.

Освещая вопросы развития современного казахского поэтического языка, мы обращаем основное внимание на научно-теоретическое осмысление различных сторон живого литературного процесса с привлечением к разбору произведений самого различного характера. Это вызвано стремлением рассматривать поэзию как целостное социальное явление, как единый идейно-художественный процесс, акцентировать внимание на содержательности поэтической формы и ее элементов, показать гармонию не только внутри самой формы, но и между содержанием и формой.

«Художественность состоит в соответствии формы с идеею,— писал Н. Г Чернышевский,— потому, чтобы рас-

смотреть, каковы художественные достоинства произведения, надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения»¹

В свете вышесказанного мы должны прежде всего выяснить, является ли новой и значительной идея, выраженная в произведении, идея, полноценной передаче которой служат все средства поэтического языка. Ибо нельзя упускать из виду того, что поэтические выражения, образы приобретают новый смысл благодаря новизне содержания и лишь во взаимодействии со всей системой образно-языковых средств поэтического языка произведения.

Национальная форма искусства, в частности литература, получает в советскую эпоху новое развитие. Метод социалистического реализма, рожденный новой революционной действительностью и отвечающий задачам отражения нового социалистического содержания, способствует небывалому прежде обогащению национальной формы, всестороннему и многообразному раскрытию заложенных в ней возможностей.

В Программе КПСС говорится, что «... национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура»²

При изучении современного казахского поэтического языка очень существенно учитывать, что многие его особенности так или иначе представляют собой конкретное воплощение в национальных формах общих тенденций всей советской литературы.

Метод социалистического реализма определяет принципиальную новизну всей системы выразительных средств поэтического искусства нашей эпохи. Идейное и художественное осмысление новых явлений жизни, новых общественных отношений и связанное с этим углубление, дифференцирование, обогащение эстетических связей поэтического искусства с действительностью открывают возможность для расширения образной сферы казахской

¹ Чернышеский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1949, с. 663.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1976, с. 115.

поэзии, обогащения образно-речевых средств поэтического языка. В современной казахской поэзии сложилась и развивается новая система выразительных средств. Разумеется, поэтический язык произведений современной казахской поэзии не состоит из простого скопления, механического соединения традиционных и новых поэтических выражений и образов.

Отражение в поэзии нового отношения к жизни, нового понимания общественной роли человека, моральных и эстетических проблем потребовало не простого приспособления ранее сложившихся способов и приемов поэтического выражения к передаче нового содержания, не просто использования лучших художественных традиций, а полного раскрытия всего богатства их содержания. Поэтому главное в новом подходе к использованию богатств народной поэтической речи заключалось в новаторском развитии лучших традиций в соответствии с новыми задачами, в необходимости с наибольшей полнотой раскрывать заложенные в поэтическом искусстве, его языке выразительные возможности. Именно на этом пути прежде всего формируются новые черты казахской поэзии, поэтического языка.

Идейно-художественное новаторство, отражающее общие тенденции советской литературы и поэтического искусства, определило основное русло поисков казахских поэтов в области художественной формы, языка. Глубоко творчески осваивая художественный опыт русской литературы и литератур других народов, казахские поэты находят плодотворные формы усовершенствования языка на основе синтеза народных поэтических традиций и общечеловеческих достижений художественного творчества.

Раскрывая богатство внутреннего мира современного человека, многообразие его жизненных впечатлений, казахская поэзия творчески осваивает качественно новые формы художественного осмысления действительности.

Расширение диапазона и изменение качества художественного восприятия жизненных явлений, привлечение в метафорах, сравнениях, эпитетах и других поэтических образах несравненно более разнообразного круга явлений действительности — все это привело не только к созданию новых, ранее неизвестных поэтических тропов, но чрезвычайно обогатило содержание многих давно сложившихся и широко употребительных поэтических обра-

зов. В современной казахской поэзии выразительная сила и красота многих народных поэтических образов раскрылась с новой силой. В содержании, характере и структуре многих народных поэтических образов появились новые, причем очень существенные элементы, ярко отражающие восприятие действительности.

Необходимо, конечно, учитывать, что в отдельных произведениях в соответствии с конкретными задачами может иметь место непосредственное обращение к традициям народно-поэтического искусства, использование привычных художественных ассоциаций и давно вошедших в общее употребление метафор, сравнений, эпитетов, а также других средств поэтического языка. Если рассматривать отдельные сравнения, эпитеты, метафоры и другие тропы, то изменения в поэтическом языке могут показаться незначительными. Однако, трансформируясь и в новом взаимодействии с другими художественными средствами, они могут служить созданию новых художественных образов, выражению качественно нового художественного мышления.

Главное здесь состоит в коренном обновлении всей системы образных средств поэтического языка, в том, что богатство и гибкость казахского поэтического языка с новой силой проявляются в современной поэзии.

Весьма важно и то, что в литературе утвердились новые принципы употребления поэтических образов, что на основе коренного изменения и обогащения художественно-эстетических взглядов и представлений обогатились способы переносно-метафорического употребления слов в поэзии и что формы использования народных поэтических образов все больше разнообразятся и усложняются.

В казахской литературе, как и литературах других народов, многие средства поэтической лексики, при помощи которых прежде достигалась художественность, образность изображения, стали восприниматься в новых условиях как архаические, устаревшие. Так, несостоятельными оказались многочисленные сравнения, эпитеты и метафоры, долгое время существовавшие в литературах Востока. Все больше утверждался взгляд, что поэтические жанры и виды не представляют собой окостеневшие формы, а видоизменяются и обогащаются в процессе нового развития литературы. Диктовалось все это тем, что советская литература, развивая на новой основе реали-

тические принципы изображения действительности, выдвигала новые способы и приемы создания образов героев.

Итак, несомненно, что новаторство в поэтическом искусстве следует искать прежде всего в новом содержании. Однако это не значит, что изучение поэтической формы имеет третьестепенное значение. Склоняться к такому выводу означало бы упускать из виду единство содержания и формы, забывать, что для понимания сути поэтического новаторства следует разобраться, какими художественными средствами удалось воплотить в произведении новое содержание. Глубина содержания всегда бывает связана с высоким поэтическим мастерством, ярким своеобразием художественной формы произведения.

Немалое значение имело своеобразие казахского литературного процесса в первые периоды развития: более тесная связь с фольклором, преобладание поэзии над другими видами литературно-художественного творчества и вызванная этим усиленная разработка новых жанров. Процесс возникновения и развития казахской советской литературы одновременно явился процессом становления и развития драматургии, целого ряда новых видов лирической поэзии и в определенной мере — крупных прозаических форм.

Овладение методом социалистического реализма не могло быть по настоящему успешным без творческого освоения опыта мирового реалистического искусства и прежде всего — литературы великого русского народа.

Изучая разработку ленинской темы в казахской литературе, как и темы об Октябрьской революции и целого ряда других важнейших тем, мы отчетливо видим черты общности литератур народов СССР, рожденной благодаря их глубокому взаимодействию, исключительно плодотворному влиянию русской литературы на развитие литератур других братских народов.

Влияние русской литературы на развитие казахской поэзии, поэтического языка проявляется прежде всего в том, что творческое усвоение казахскими поэтами идейно-эстетического ее опыта способствует более глубокому раскрытию заложенных в них возможностей.

Это относится как к процессу творческого воздействия русской литературы на развитие казахской литературы в целом, так и к творческому восприятию казахскими поэтами художественного опыта таких выдающихся пред-

ставителей русского поэтического искусства, как Маяковский.

«Влияние великого поэта,— как справедливо отметил В. Г. Белинский,— заметно на других поэтов не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные силы: так солнечный луч, озарив землю, не сообщает ей своей силы, а только возбуждает заключенную в ней силу...»³.

Художественный опыт Абая, Сейфуллина, Джансугурова, Ауэзова, Муканова, Мусрепова и других современных казахских писателей и поэтов со всей очевидностью свидетельствует, что творческое восприятие традиций русской литературы способствует интенсивному развитию казахской литературы, поэзии, содействует более полному и разнообразному выявлению возможностей казахского литературного и поэтического языка.

Многие казахские поэты, писатели и, что не менее важно, многочисленные их читатели воспитываются на лучших образцах русской классической и современной литературы, с которыми они знакомятся в оригинале.

Исключительное воздействие Маяковского на казахскую литературу, как и на литературу других народов СССР, общеизвестно. Революционная одухотворенность, политический пафос, пронизывающие его произведения, страстность поэта в утверждении нового строя, острое звучание в его творчестве политических мотивов, смелое художественное новаторство, проявившееся в разработке новых тем и жанров, в обновлении всей системы образно-речевых средств поэтического языка, предельная смысловая и художественная выразительность отличающегося особым ораторско-декламационным характером стиха поэта — все эти особенности литературной деятельности Маяковского постоянно привлекали и привлекают пристальное внимание поэтов. Вместе с тем едва ли будет преувеличением сказать, что Маяковский оказал своим творчеством особенно большое влияние на развитие казахской политической, публицистической поэзии, на выработку ее художественного стиля. С точки зрения развития казахского поэтического языка имело важное значение то обстоятельство, что творчество Маяковского давало поэ-

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5, с. 562.

там яркие примеры новаторского использования богатств поэтической речи, ее образно-речевых средств, умения добиваться исключительной декламационной выразительности стиха, большой интонационной выделенности слов, характерной стихотворной речи ораторского стиля. Существенное значение для работы над поэтическим языком казахских мастеров слова имел призыв Маяковского вводить в поэзию обычный, разговорный, живой, народный, а не «дистиллированный» язык.

Весьма плодотворным оказалось стремление целого ряда казахских поэтов внести в поэтическую речь декламационную четкость, характерную для интонации ораторского стиха в русской советской поэзии. Опираясь на достижения русской агитационно-политической, публицистической поэзии, такие видные представители казахской поэзии, как С. Сейфуллин, И. Джансугуров, С. Муканов, Т. Жароков, К. Аманжолов, А. Тажибаев, Х. Ергалиев, Х. Бекхожин, С. Мауленов, Дж. Мулдагалиев, создали немало произведений, отличающихся ораторским пафосом, большой публицистической остротой и агитационной силой.

В произведениях этих и ряда других поэтов, особенно в публицистических, политических стихах, также наблюдается стремление внести новое в казахский поэтический словарь.

Для многих стихотворных произведений С. Муканова характерно усиление элементов обиходного стиля, употребление речевых оборотов с ярко выраженной разговорной окраской, производящих впечатление прозаизма.

Ориентируясь на разговорный стиль общенародного языка, современные казахские поэты в то же время настойчиво стремятся к преодолению элементов условности, традиционности, характерных для поэтического словаря многих народных певцов прошлого. В результате этого язык поэтических произведений приобрел свободу и простоту, приблизился к живой народной речи.

Художественный опыт Маяковского богат и разнообразен, и влияние его творчества на национальные литературы намного шире, чем это порой трактуется. Большой смысл заключен в словах М. Исаковского, который в статье «Заметки о поэзии» писал: «Легко может случиться, что лучшим учеником и последователем Маяковского как раз окажется тот поэт, который пишет классичес-

ким стихом, а не тот, кто пишет «вольным размером» и разбивает строчки так, как это делал Маяковский»⁴.

Принципы ритмического построения стихотворной речи, разработанные Маяковским, имеют неоценимое значение для развития всех систем, в том числе и казахского силлабического стиха. Речь должна идти о творческом применении художественных принципов Маяковского в стихосложении, ритмике, интонационном строе поэтического языка. Не подлежит сомнению: в данном случае главное состоит в том, что учеба у Маяковского, влияние его поэтического, стихотворного новаторства помогают раскрыть новые возможности ритма в силлабическом стихе, выявить новые богатства ритмико-интонационной выразительности речи в силлабическом стихосложении. Подходя к вопросу с такой точки зрения, можно с полным основанием утверждать, что поэты достигли весьма ощутимых успехов в творческом претворении принципов стиха Маяковского в казахской поэзии и это явилось очень важным моментом в развитии казахского стихосложения. Сказанное, разумеется, не отрицает того, что разработка казахского стиха в этом направлении должна продолжаться и впредь.

Разностороннее освоение опыта русской литературы в значительной мере способствовало обогащению и развитию казахской стихотворной речи.

Нововведения Маяковского в поэтике и в стихе по своему духу отвечали направлению поисков казахских поэтов. В связи с этим нетрудно увидеть, что произведения Сейфуллина своим публицистическим пафосом, ритмико-интонационным звучанием порой во многом созвучны и близки поэзии Маяковского. Это обстоятельство, безусловно, способствовало глубокому творческому претворению Сейфуллиным в своих произведениях приемов и способов, выработанных Маяковским в области поэтики.

С. Кенесбаев следующим образом характеризует роль С. Сейфуллина в развитии казахского литературного, поэтического языка: «Для его поэзии особенно характерными были новые словообразования, неологизмы, связанные со стремлением обогатить казахский литературный язык за счет перенесения в него переработанного на казахской почве языка русской поэзии. Прошедший ряд этапов раз-

⁴ «Знамя», 1949, № 8.

вития, увлекаясь то стихами революционных романтиков, то русской классикой и особенно сильно поэзией Маяковского, Сейфуллин стремится вместе с новым эстетическим идеалом перенести в казахский язык лаконизм, свойственный В. Маяковскому, уплотнить смысловую нагрузку слова, фразы, стиха, создать новые слова и словосочетания, способные отразить новое содержание действительности. Называя Советскую страну «Советстаном», уподобляя новую жизнь «экспрессу», Сакен Сейфуллин не только вводит новые слова в поэтический обиход казахского народа, но создает и новые краски в казахской словесной живописи»⁵.

Здесь с полным основанием подчеркивается новаторский характер поэтической лексики, образного строя языка С. Сейфуллина в целом, особенно поэмы «Советстан».

Общий характер словесной ткани этого произведения отличает широкое и смелое использование слов и понятий, отражающих явления новой советской действительности, стремление к конкретности и ясности слов и выражений, простоте языка.

Высокий гражданский, политический пафос, идейность и страстность в художественном осмыслении явлений новой жизни определяют особую, характерную для публицистической поэзии звучность и декламационную выразительность поэтической речи.

Художественно изображая новую жизнь, поэты обращались и к образу коня, часто символизировавшему в народной поэзии стремительное движение, неудержимый порыв. Одновременно шел процесс поисков новых художественных средств. Так, в произведениях С. Сейфуллина содержится образ экспресса. Он становится в поэме «Советстан» олицетворением Страны Советов, ее победной поступи.

Использование этого поэтического образа, символа в значительной степени определило своеобразие художественной формы произведения, отмеченного новаторским решением поставленной темы. Поскольку в произведении два образа — экспресса и страны, каждое выражение, фраза, слова, характеризующие экспресс, его движение, приобретают широкое символическое значение. Например, в строфе, где поэт воспекает дружбу советских на-

⁵ Очерки истории казахской советской литературы. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 346—347.

родов, у которых желание единое («тілек бір»), сердце единое («жүрек бір»), воля и сила единые («білек бір»), слова:

Қаулат отты! (сильнее огонь)
Заула қатты! (быстрее мчись)
Жай канатты! (крылья шире расправь),

на первый взгляд, казалось бы, относящиеся лишь к экспрессу, одновременно свидетельствуют о могуществе Советской страны, ее победном движении к коммунизму, дают представление о небывалых темпах, огромном размахе строительства в стране. Выраженная в этих словах гордость за великие преобразования, происходившие в стране, неразрывно сочетается у поэта с глубоким пониманием великого значения дружбы народов как могучей движущей силы советского общества.

В поэме Сейфуллина в силу новизны ее содержания и всей художественно-композиционной структуры самые простые словесные средства приобретают новаторское звучание. Так, совершенно новым глубоким смыслом наполняются слова «сердца, проникнутые любовью» («махаббаты жүрек бір»), они служат раскрытию образа многонациональной Советской страны, характеризуют единение братских народов.

Образ могучего экспресса («экспресс айдынды») — ведущий в поэме, дополняется рядом других поэтических образов. К их числу относятся образы, полностью основанные на новых художественно-эстетических представлениях: Советская страна — поле битвы, где справедливость навсегда одержала победу над злом («әділет пен жауыздықтың майданы»), колыбель героической молодежи («ер ұланның бесігі»).

Можно назвать и целый ряд других произведений С. Сейфуллина, свидетельствующих не только о большом художественном мастерстве поэта, но и глубоком знании им жизни народа, умении проникать в сущность важных явлений современной действительности.

В стихотворении-гимне «Марсельеза казахской молодежи» С. Сейфуллина с большой художественной убедительностью отражена сила духа людей, сомкнувшихся в один боевой ряд, поднявшихся из тьмы угнетения и радостно переживающих свое духовное и политическое освобождение.

Многие стихи в этом стихотворении, выдержанном в патетических, возвышенных тонах, носят характер боевых призывов, которые легко находят отклик у молодежи, отличающейся увлеченностью, горячностью, стремлением к героике.

Содержанию стихотворения, его торжественности и серьезности вполне соответствуют простота и строгость поэтического стиля. Чеканный ритм длинных стихов, составленных из трехслоговых частей, гармонирует с призывной интонацией предложений: размеренностью, маршевым звучанием поэтической речи. Показательно, что в произведении почти нет примелькавшихся поэтических троп, каждая фраза поражает своей смысловой насыщенностью, публицистической остротой. В центре стихотворения стоит новаторский поэтический образ: «красное знамя — твоя опора и сила».

Одно из ранних произведений С. Сейфуллина «Еркем» («Баловник») дает достаточно оснований для того, чтобы говорить о поэте уже как о художнике слова, глубоко постигшем особенности народной поэтической речи, народных образов.

В этом стихотворении при художественной характеристике поэтом своего настроения, творческой одухотворенности возникает цепь сравнений, включающих в себя образные представления, в большинстве своем очень типичные для народного художественного мышления. Настроения поэта, его мечты — это порывистые движения резвого и горячего коня, беспокойно бьющего копытами землю, это причудливая игра ярко сверкающего пламени, это стремительный полет парящего высоко в небе сокола. Порой поэт чувствует сладкую истому, его душа наполняется нежностью, и подобное душевное состояние он уподобляет мягкому шелку или же тающему, легко растекающемуся меду.

Каждая образная картина несет в себе целый мир, глубоко прочувствованный и осмысленный, а все вместе они дают яркое представление о молодом поэте, полном поисков, которому свойственна напряженная работа мысли, чрезвычайная активность творческого воображения. Не случайно, что во всех сравнениях предметы, привлекаемые для сопоставления, находятся в движении, в действии, в непрерывно изменяющемся состоянии.

«Маржан» С. Сейфуллина — стихотворение, имеющее

принципиальное значение как один из первых шагов на пути раскрытия образа советской женщины-труженицы. Поэт смело поставил задачу показать сложившийся после победы социалистической революции новый тип казахской рабочей женщины, найти художественно-выразительные, словесно-образные средства для воплощения лучших черт ее облика. В образе своей героини, пронизанном мягким светом женственности, С. Сейфуллин прежде всего выделяет красоту духовного мира, сознание собственного достоинства, радостное ощущение свободы и равноправия.

Говоря о красоте женщины, поэт использует отдельные привычные народные сравнения (глаза, как уголь, черны; груди, словно спелые яблоки). Но Маржан — не изнеженная красавица, а человек труда. У нее икры не только красивы, но и плотны, у нее не просто нежные, но и сильные, умелые рабочие руки. Она не только стройна, но и крепкого телосложения (словно из железа скроена), энергична, отлично знает свое дело. Главное во всем облике этой красивой, жизнерадостной и веселой девушки — умение вдохновенно и самозабвенно трудиться. Для нее в высшей степени свойственно ощущение радости труда. Полнота сил, трудолюбие, задор молодости, проникновенная красота и обаяние определяют ее особую привлекательность и придают образу поэтическую возвышенность. Характеризуя свою героиню, поэт наполняет глубоким смыслом самые, казалось бы, простые слова: «жумыскер» — «работница», «біліскер» — «умелая», «мініскер» — «искусная» и др.

Утверждением красоты и поэзии свободного социалистического труда проникнуты многие произведения И. Джансугурова, поэта, для творческой деятельности которого в высшей степени характерны поиски новых художественных средств в области поэтического искусства.

В своем стихотворении «На заводе» И. Джансугуров поэтизирует работу машин как средства, обеспечивающего высокую производительность труда людей. При этом он не боится прибегать в образных сравнениях к обычным, широко употребляющимся в поэзии предметам и явлениям:

Огонь, как будто яростный лев,
Топорщит гриву, бьет хвостом,

А жидкая сталь — как впадающий
в гнев
Тигр, притаившийся перед прыжком⁶
Пер. Е. Алтайского

Огненная печь гудит неистово; раскаленное железо движется, извиваясь, как змея; рабочий хватает ее щипцами, словно орел когтями.

Одновременно используются и более простые сравнения, подсказанные непосредственным наблюдением: огненное железо напоминает по форме бревно, оно затем удлиняется, вытягивается, как нить и т. п.

Ощущение радости труда придает поэтическое звучание этому стихотворению.

В стихотворении «Алтын қазан» («Золотая чаша») И. Джансугуров с особенной остротой поставил задачу художественного изображения большой и кипучей трудовой жизни страны.

Внимание поэта привлекают будни заводов и фабрик Лениногорского комбината, новые явления, характеризующие облик промышленного Казахстана. В произведении отчетливо сказалось стремление Джансугурова показать общественное значение и красоту труда советских людей — рабочих промышленных предприятий, которые своим трудом ставят на службу народу неисчерпаемые богатства недр родной земли.

Замечательные достижения советской техники, работа машин на рудниках, заводах и фабриках вызывают у поэта гордость и восхищение. Но значительность и ценность произведения в большей мере определяются умением поэта достигать художественной выразительности самыми обычными средствами поэтического языка. Это полностью относится и к многочисленным сравнениям, метафорам и другим речевым средствам, при помощи которых поэт в образной форме выражает свои впечатления.

Близка народным представлениям образная характеристика молодого промышленного центра — Лениногорска — при помощи метафоры «алтын қазан» — «золотая чаша» (дословно — «золотой котел»). Этот поэтический образ имеет важное значение для раскрытия идеи всего

⁶ Джансугуров И., Сейфуллин С. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», 1973, с. 69.

произведения, он перерастает в символ богатства Советской страны, созидательного труда людей.

И. Джансугуров говорит о Лениногорске как о городе, выросшем в медной колыбели («жез бесік») и окутанном золотом («алтын құндақ»), хранящем в своем сердце все сокровища, что также дает яркое представление об огромных залежах разнообразных ископаемых, которыми богат Рудный Алтай.

Как приметы нового в жизни индустриального Казахстана И. Джансугуров поэтизирует звуки заводского гудка, свет электрических ламп.

Однако в высшей степени характерным является следующее: поэтические образы, используемые для передачи трудовых процессов, в большинстве своем ассоциативно связывают новые жизненные явления с привычными фактами прежней жизни казахов. Правомерность этого способа художественного выражения, особенно для литературы тридцатых годов, когда тема промышленности в поэтических произведениях только начинала разрабатываться, представляется несомненной. Так, машина трет руду, как табачную понюшку; размягченный цинк напоминает тесто; из расплавленного свинца, похожего на истопленное сало, отливают куски, напоминающие берцовые кости; золото отделяют от примесей, словно снимают отстоявшиеся сливки; медь отжимают, словно творог; шахтерский отбойный молоток уподобляется жужжащей пчеле.

Ярким своеобразием отличается метафорический образ, основанный на сопоставлении промышленного центра с дойной кобылицей. Эта метафора — характерный пример того, как тесно соприкасаются и переплетаются живые наблюдения поэта над конкретными явлениями современной действительности и сфера образов и представлений, отражающих жизненный опыт кочевника-скотовода. И. Джансугуров говорит о силе и мужестве людей, которые как бы выцеживают обильное молоко из «каменного вымени гор» («тас емшек»).

Аналогичный пример представляет и другая метафора «разрезать горы» — «тауды сойған» («подобно тому, как режут скот» — «соғым»), основанная на сопоставлении действий рабочих, поднимающих пласты породы, с забоем скота казахом-кочевником, заготавливающим на зиму мясо.

Интересна также ассоциация, выраженная в виде отрицательного сравнения: казахи гонят не стадо коз, а тачки, получающая своеобразную выразительность благодаря созвучности в казахском языке слов «тачка» («тәшкі») и «коза» («ешкі»).

В приведенных примерах проявилось стремление с наибольшей наглядностью раскрыть характер и значение труда рабочих на рудниках, заводах и фабриках полиметаллического комбината, увидеть трудовые процессы глазами своих читателей, многие из которых еще недостаточно знакомы с работой и жизнью промышленных предприятий. Каждая деталь, каждый образ в доступной форме характеризуют те или иные стороны трудовых процессов, служат наиболее полному раскрытию смысла изображаемых явлений образно-речевыми средствами поэтического языка.

В казахском литературоведении считается общепризнанным, что И. Джансугурову в своих лучших поэмах «Степь», «Кулагер», «Кюйши» удалось поднять разработку жанра поэмы на высокий, небывалый прежде уровень.

«Три последних поэмы из наследия И. Джансугурова,— писал М. Ауэзов, имея в виду эти произведения,— представляют собой разные типы советской поэмы — лирико-философскую и сюжетную. В этих трех поэмах казахская поэзия достигает новых высот именно потому, что видение, чувствование мира, общее мироощущение и взгляд поэта на жизнь в них совершенно иной, небывалый ранее на казахской почве. Яркая образность сочетается в них с оригинальностью мышления. Они эмоционально насыщены и выделяются большой культурой стиха, пониманием назначения искусства, поэзии во всенародном деле строительства нового общества. Поэмы «Кюйши» и «Кулагер» — это романы в стихах, воплощающие в себе плодотворное влияние самых передовых традиций мировой революционной поэзии. Они представляют собой новую ступень поэтической культуры нашего народа, достигнутую в послереволюционный, послеабаевский период»⁷

Эти поэмы — важные вехи в истории развития казахского художественно-литературного творчества. Главное их значение заключается в глубоко органичном сочетании традиции и новаторства в поэзии.

⁷ Ауэзов М. Собр. соч., т. 5, с. 312—313.

Следует отметить, что жанр поэмы имеет в казахской литературе свои богатые традиции. Если повесть и роман возникли и развивались в казахской литературе лишь в начале 20 века, то поэмы в виде разного рода народных поэм — дастанов, кисса (своеобразных переложений восточных сюжетов) — создавались и бытовали в народе. Весьма значительное место занимают поэмы и в казахской литературе советской эпохи, ибо трудно найти казахского поэта, не пробовавшего своих сил в этой области.

Поэма «Кюйши» И. Джансугурова — произведение, отмеченное подлинным талантом, отличающееся тонким ощущением поэзии жизни. В ее поэтическом языке полнее, чем во всех других произведениях поэта, проявилась склонность к красочной образности и национальному колориту, богато и разносторонне воплотилось своеобразие красок, присущих образному восприятию мира казахским народом.

В центре поэмы — простой музыкант, исполняющий кюй, созданные народными композиторами. Кюй — основной вид музыкальных произведений, исполняемых на повсеместно распространенном в народе инструменте — домбре. Это произведение обычно имеет определенный сюжет, отличается глубоким содержанием.

При художественном описании этой музыкальной формы И. Джансугуров обнаруживает исключительное мастерство, позволяющее утверждать, что поэт поистине не знал себе равных в разработке этой интересной, весьма характерной для казахской жизни темы. Благодаря силе своего таланта он ввел ее в круг значительных проблем современной литературы. Творчески используя заложенные в поэтической речи народа богатейшие изобразительные возможности, поэт находит десятки ярких по своей национальной окраске сравнений, эпитетов и метафор и других словесно-образных средств, которые помогают с удивительной силой показать страстную увлеченность домбристов, их вдохновенные порывы, создает ощущение неподражаемой игры виртуоза. Читатель глубоко чувствует неповторимый аромат и национальный колорит произведений казахской инструментальной музыки, в которых во всем многообразии открывается своеобразный мир народной фантазии.

Музыкальный напев — кюй — сравнивается с разнообразными явлениями общественной жизни, животного

мира и природы. Он уподобляется скакуну, соловью, орлу, воробью, верблюду, гончей собаке, летнему дождю, буре, пламени и т. п. Звуки домбры то напоминают топот вырвавшейся вперед и несущейся в неистовом порыве скаковой лошади, то переливчатый звон колокольчика, то они гремят, словно лавиной падающий вниз по ущелью горный поток.

Основу такого весьма широкого привлечения многообразных явлений образует то, что кюй художественно воспроизводит самые различные стороны жизни. Ритм скачки, порыв несущихся лавиной по широкой степи всадников, буйный нрав стремительной горной реки, свирепость все сметающего на своем пути степного урагана, грациозность игривого легкого бега иноходца, мягкое журчание ручья, звонкие, серебристые трели соловья — все находит в кюе музыкальное воплощение.

Нередко каждое сравнение и метафора развертываются в захватывающую, образную картину жизни. Это свидетельствует о силе художественного воображения И. Джансугурова, в восприятии которого звуки домбры как бы превращаются в реальные жизненные явления и предметы. Притом многие из сложных, развернутых образных сравнений, метафор создаются на основе простых, свойственных народной поэзии художественных сопоставлений.

Примечательно, что поэт, описывая кюй как музыкальное произведение, не всегда сопоставляет с кюем разные предметы и явления на основе звукового сходства. Нередко выделяются их различные состояния и т. п. Это дает возможность охарактеризовать кюй всесторонне. Кстати, отметим исключительное богатство определяющих кюй эпитетов, не только простых по структуре («сладкий», «мелодичный», «пронзительный», «грозный», «бешеный» и т. д.), но и развернутых в фразы, предложения, а также метафорических.

В своей поэме И. Джансугуров с необычайной художественной силой выразил любовь народа к музыке, показал, как в сознании народа с музыкой связываются самые яркие поэтические представления.

Сопоставление музыкальных мелодий со множеством конкретных явлений и предметов казахской жизни и природы сообщает представлениям о народной домбровой музыке особую наглядность, образность, подчеркивает

мысль о том, что музыке доступно все, ее возможности изображения жизни безграничны. Утверждение необыкновенной силы и глубины жизненной правды народной музыки, творений замечательных народных музыкантов в значительной степени определяет глубину содержания поэмы.

Многочисленные художественные определения и поэтические образы, при помощи которых И. Джансугуров живописует кюй, не представляются читателю лишь пестрым калейдоскопом. Поэт связывает их с развитием сюжетного хода произведения, подчиняет жизненной логике. Он в полном соответствии с жизненной правдой показывает, что молодой музыкант охотнее всего исполняет такие произведения, которые наиболее отвечают по содержанию его душевному настроению.

В душе домбриста происходит мучительная, напряженная борьба: растет влечение к холодной и гордой красавице Карашаш, и одновременно музыкант все сильнее осознает свое униженное положение, свою зависимость от Карашаш, страшится ее. Карашаш то рождает в его душе восторг и восхищение, то вызывает неприязнь и ненависть. И хотя порой музыканту кажется, что пламенная страсть поглощает его, ход событий возвращает его к жестокой реальности, и облик Карашаш, созданный горячим воображением домбриста, вновь изменяется, становится отталкивающим.

Напряженные, крайне противоречивые душевные переживания своего героя поэт раскрывает через описание исполняемых им мелодий.

Сказанное выше во многом объясняет также особенности описания поэтом образа Карашаш, применяемых при этом словесно-образных средств. Следует отметить, что образ ее в поэме создан с исключительной психологической верностью. Обращает на себя внимание следующее: И. Джансугуров явно отходит от народной устно-поэтической традиции, наделяя отрицательную героиню Карашаш привлекательной внешностью. В облике этой родовитой особы сочетаются противоположные качества: ум, красота и властность, жестокость, что отразилось и на выборе используемых при описании ее поэтических средств. Она уподобляется белой верблудице, белой соколице, белой зайчихе, белой кобылице, которые в полном соответствии с народными художественно-эстетическими

представлениями подчеркивают ее красоту и женственность.

Карашаш тонко чувствует музыку, способна увлечься ею. В минуту упоения игрой молодого музыканта ей кажется, что захватывающие звуки домбры «пожирают сердце», «вырывают» его из груди («жалмап жеп жүрегімді қайда тартты»). В то же время она сравнивается с хваткими и сильными представителями царства пернатых — хищной горной орлицей («теріс азу ақиық қыз»), предстает то в образе сказочного дракона («айдаһар»), то ангела смерти, то как воплощение злого духа («пері»), что характеризует ее крутой нрав, коварство, суровость и безжалостность.

Белокожая ханша белей, чем сазан,
Грозным ангелом смерти метнулась
в глаза.
То — тигрица с серьгами из вьющихся
змей,
То всех джинов незримых — и власть
и гроза.

«Айдаһар предо мной иль простой
человек?
Или с жизнью пришлось мне
расстаться навек?...»⁸

Пер. В. Рождественского

Поэт с большой художественной силой изображает неистовство Карашаш, психологически убедительно показывая, как властолюбие и жестокость ожесточают сердце, женщины. Выдвинув на первый план внутренние переживания героев, И. Джансугуров достигает такого углубленного психологизма, какой редко можно встретить в произведениях этого жанра. Обычно в казахских поэмах решающую роль играло сюжетное развитие, при этом повествованию придавалось большее значение, чем описанию тонких психологических состояний героев.

Широкие реалистические картины жизни, глубокое раскрытие психологической правды человеческого характера не мешают поэту прибегать к ярким гиперболам, построенным в духе народно-поэтических традиций: шея гордой и надменной Карашаш настолько прозрачна и нежна, что сквозь нее просвечивает вино, которое она

⁸ Джансугуров И., Сейфуллин С. Стихотворения и поэмы, с. 184.

пьет. (Впрочем, нечто подобное есть и в поэме М. Сералина «Гулкашима»: сквозь нежную шею героини видна проглатываемая ею пища).

Можно привести и другие примеры предельной гиперболизации, например, при описании музыки:

Солнце, песне внимая, забыло закат,
Облака подниматься к горам
не спешат.

В руслах реки теряют течение свое,
Омертвев, на обрыве молчит
воронье...⁹

Пер. В. Рождественского

Гиперболические образы, представленные в этом примере, также органичны для казахской поэзии. При помощи их поэт убедительно передает то благоговение, с которым относится народ к музыке, к искусству игры виртуозного домбриста.

Драматическая напряженность повествования, характерная для всей поэмы, сложный психологический конфликт, положенный в ее основу,— конфликт между Карашаш и домбристом, дают возможность тонко раскрыть душевное состояние героев, их переживания.

Именно с этой важной особенностью произведения, в значительной степени определяющей самобытное художественное значение его поэтической формы, теснейшим образом связан весь арсенал словесно-выразительных средств поэмы, в том числе характер разнообразных поэтических троп:

И, как меч, взор кюйши всколыхнулся огнем,
Будто сам захлебнулся он крови ручьем,
Будто молнией было расколото вмиг
Это сердце, и сам он упал под мечом.
Он увидел, как ринулась кровь в синеву,
Как пред ним голова покатилась в траву,
И не ханша на пляшущем белом коне —
Азраил, ангел смерти, предстал наяву¹⁰.

Пер. В. Рождественского

Здесь, как и во многих примерах, приведенных выше, сравнения и уподобления, метафорические, гиперболи-

⁹ Джансугуров И., Сейфуллин С. Стихотворения и поэмы, с. 180.

¹⁰ Там же, с. 213.

ческие образы возникают не просто в авторском описании, а тогда, когда изображаемые явления воспринимаются одним из героев произведения.

Этот способ использования поэтических троп, характерный для поэмы «Кюйши», открывает широкие возможности для выбора словесно-образных средств. Одновременно достигается исключительная смелость и глубина словесно-поэтических образов, гибкость заключенной в них эмоционально-эстетической оценки, поскольку они воспринимаются не сами по себе, а в полном соответствии с душевным состоянием героя, в сознании которого определенным образом преломляются описываемые явления.

Поэма «Кюйши» — не просто сюжетная поэма в привычном понимании: в такого рода произведениях казахских певцов и поэтов преобладали элементы повествования и описания. И. Джансугуров сделал основой сюжетной поэмы психологизм. Поэтому мы с полным правом можем говорить о новаторской разработке И. Джансугуровым жанра поэмы, имевшего в казахской литературе сравнительно давние традиции.

Художественное отражение новой социалистической действительности, развитие новых литературных форм в современной казахской литературе с исключительной остротой поставили вопрос о новаторском, творческом использовании национальных литературно-художественных традиций, их обогащении. В этом плане представляет интерес своеобразная по художественной форме и поэтическому языку поэма С. Муканова «Турксиб».

Здесь, как и в целом ряде других произведений С. Муканова, в сферу творческих интересов которого все более входили острые социальные проблемы современности, очень ярко проявляется особая экспрессивность, приподнятость, свойственные публицистическому стилю в поэзии и порожденные активным отношением к жизни, политической страстностью. Соответственно с общей тональностью произведения, насыщенного высокими политическими идеями, в котором исключительно важным было передать пафос революционного жизнеутверждения, стих приобретает динамичность и энергию. Эти его особенности достигаются самыми различными средствами: образным строем, словами и оборотами, которые усиливают жизнеутверждающий тон, политический пафос произведения, необыкновенным ритмико-интонационным богатством стиха.

В поэме поезд предстает в поэтическом образе вороного скакуна, который «просторы от сна векового... пробудил».

В одном из стихотворений И. Джансугурова находим слова: «мой конь — Турксиб» («минген атым — Турксиб»).

Внимательное рассмотрение произведения убеждает в том, что С. Муканов нашел именно такую художественную форму, которая оказалась оптимальной для воплощения его творческого замысла: он положил поэтическую параллель поезд — скакун в основу своего произведения. В связи с этим поэма содержит многие неожиданные метафорические уподобления и эпитеты. Так, скакун необычен, кожа у него железная, кости стальные, нутро металлическое, дыхание огненное. Он бьет мощными стальными копытами, мчится, как вихрь. От его сильного ржания вздрагивает земля.

Турксиб в изображении поэта предстает как символ коренного обновления степей, предвестник новой жизни, поэт сравнивает его с сердцем, вливающим свежую кровь в организм усталого, обессиленного человека.

Необходимо учитывать, что обогащение художественно-образных речевых средств поэтического языка не всегда происходит путем проникновения в поэзию ранее известных метафорических образов, сравнений, эпитетов и т. д.

Разумеется, ни один художник слова не может применять в своем творчестве лишь новые поэтические образы, полностью отказавшись при этом от употребления распространенных сравнений, эпитетов, метафор и т. д. Поэт может в меньшей или большей степени употреблять ставшие привычными народно-поэтические выражения и образы, но он не может мыслить как художник в отрыве от народных художественно-поэтических представлений и народных поэтических образов.

Дело не в том, чтобы не использовать для художественных параллелей, сопоставлений цветы, солнце, звезды, луну, горы, реки, озера, коня, сокола, лебедя и т. д. Ибо ясно, что новаторство в области поэтического языка не означает употребления лишь сравнений, ранее никем не применявшихся, или сопоставления только предметов и явлений, которые прежде никто не использовал в этих целях. В прежней народно-поэтической традиции сравнения

с конем, соколом, лебедем, солнцем, лучом и т. д. были связаны с народно-поэтической символикой, имевшей свои особенности. Народные певцы также по-своему употребляли народно-поэтические образы, символы, метафоры, сравнения, эпитеты. Каждый из них отличался своим подходом к использованию художественных средств поэтического языка, своей эстетической оценкой явлений, событий.

В современной поэзии подход к использованию народно-поэтических традиций, богатств поэтического языка совершенно иной. В ней утвердились новые принципы употребления выразительных средств поэтического языка, поэтических сравнений, троп и т. д.

Под воздействием новой действительности многие давно известные поэтические образы, художественные определения, слова и понятия приобрели новое значение. Однако, поскольку возможно употребление подобных слов и выражений, поэтических образов одновременно в прежнем и новом значениях, новизна этих средств образно-художественного выражения может, на первый взгляд, остро не ощущаться. Между тем этот способ обогащения поэтического языка, как убедительно показывает опыт всей советской литературы, таит в себе богатейшие возможности, и недооценивать его значение было бы глубоко неверным.

Во многих произведениях С. Сейфуллина, И. Джансугурова, С. Муканова и других поэтов, особенно в таких поэмах, как «Кокшетау», «Кюйши», «Кулагер», «Слушаш», авторы смело и очень часто используют словесно-поэтические образы, типичные для народной поэзии, сохраняя в полной мере национально-характерное в них. Тем не менее мы с полным основанием можем говорить о творческом использовании художественных средств народного поэтического языка — сравнений, эпитетов, метафор, художественных символов и других видов поэтических выражений и образов.

Новаторство в области поэтического языка проявляется здесь прежде всего в умении по-новому взглянуть на художественно-эстетические представления и оценки, запечатленные в привычных поэтических образах и формах выражения. На этой основе, используя речевые средства народной речи, поэты не просто передают характер словесно-поэтических образов, но наполняют их новым смыс-

лом и художественным значением. Благодаря этому самые простые, привычные словесно-поэтические образы обретают глубину, получают новую выразительность.

Исходя из непосредственных впечатлений от новой действительности, от новых явлений жизни, поэты как бы заново открывают художественную, выразительную силу, заключенную в распространенных поэтических сравнениях, эпитетах, метафорических образах и уподоблениях. Многосторонняя связь поэзии с конкретными явлениями и предметами новой действительности, выражение в произведениях нового идейно-тематического содержания дают возможность творчески осуществлять новый синтез различных компонентов художественной формы.

В произведениях современных казахских авторов встречаются многочисленные поэтические образы и выражения, которые так или иначе основываются на различного рода ассоциациях из прежнего кочевого быта казахов с характерным скотоводческим хозяйством.

В стихотворении «Паровоз» («Отарба») И. Джансугурова состав сравнивается с вереницей верблюдов.

Г. Каирбеков в одном из своих стихотворений образно говорит о караване, нагруженном стихами и песнями, имея в виду поездку в составе делегации поэтов и писателей на родину Абая.

На привычные приемы образно-метафорического употребления слов в казахском языке опирается поэт Джубан Мулдагалиев, когда он словами «пора снимать седло с норовистого коня» передает мысль: проходит время буйной молодости.

Поэтическая образность народной речи, основанная на огромном социальном, художественно-эстетическом опыте, — неисчерпаемый источник для обогащения языка современной казахской поэзии.

Необходимо сказать, что многие традиционные поэтические образы, например скакуна (тулпар), сокола (сункар), не теряя связи с народной поэзией, наполняются в произведениях современных авторов новым содержанием, отражающим эстетические идеалы советской эпохи.

Разумеется, оправдан ли выбор того или иного поэтического образа, получает ли он живое звучание в произведении, — это зависит от мастерства поэта, от того, насколько умело он использует выразительные средства языка.

Безусловно, нельзя отрицать также, что определенный круг прежних фольклорных поэтических образов и выражений потерял в условиях нашей эпохи свою реалистическую убедительность и жизненность. В национальной поэтике, поэтическом языке получают новое развитие те стороны и элементы, которые в наибольшей мере соответствуют новым условиям жизни народа, новым задачам развития поэтического искусства. Например, среди словесно-образных средств, употребляемых И. Джансугуровым для изображения явлений современной жизни, есть немало отличающихся ярким национальным колоритом и своеобразием. К числу их можно отнести следующий поэтический образ, художественную силу которого трудно передать в переводе:

Қазақстан тастары
Бүгін өрге домала! ¹¹

* * *

Камни Казахстана,
Катитесь сегодня вверх!

Эти стихи основаны на идиоматическом выражении «тасы өрге домалау», т. е. «камни его катятся вверх» (а не вниз по наклонной плоскости), которым характеризуют человека, когда хотят сказать, что осуществляются его самые заветные, трудноисполняемые желания. Это выражение в применении к Казахстану получает совершенно новый, неизмеримо более глубокий смысл, выразительно подчеркивает огромные масштабы успехов Советского Казахстана во всех областях экономической и культурной жизни.

И. Джансугуров говорит в одном из стихотворений, что Советская власть даст все блага народу, «воскресит мертвых (родных)». Последняя фраза основана на известном народном выражении «өлгені тіріліп, өшкені жанды» («те, кто умерли (родные), воскресли; то, что потухло, зажглось»), которое означает исполнение самых больших желаний человека.

Очень характерно выражение И. Джансугурова из стихотворения «Песня радости»: «И я, погоняя все выше свои песни, шел на подъем» («Мен де айдап өлеңімді, өрге тарттым»).

¹¹ *Жансүгіров І. Шығармалар. Алматы, 1958, 397-б.*

Эти слова образны, ибо заключают в себе скрытое сопоставление: возникает образ человека, ведущего стадо вверх, на возвышенность. Лишь тонкая нить ассоциаций связывает это выражение с представлениями казахов, издавна сложившимися в условиях их кочевой жизни.

Исключительно важным является то, что содержание и характер ассоциаций изменяются значительно. И поэтический образ воспринимается как новый потому, что приведенное выражение ассоциируется не с обликом старого певца с его традиционными песнями, как это могло быть прежде, а с обликом современного поэта, с его жизнеутверждающей, революционной поэзией. Так новое содержание, новая идея определяют новизну способа художественного выражения.

Художественная практика современной казахской поэзии свидетельствует, что многие поэты охотно используют подобные национально характерные образные средства народного поэтического языка.

Восторженные голоса людей, воспрянувших с победой революции и бурно радующихся новой жизни, в художественном создании И. Джансугурова вызывают ассоциацию с многоголосым гомоном огромной птичьей стаи («халқымның қуанышы қиқулады»).

В поэме Т. Жарокова «Поток» вода, набравшая бешеную силу, ревет, как свирепый дикий зверь, настигает жертву, как хищная птица, бросающаяся на свою добычу.

Художественное новаторство, неразрывно связанное с природой и сущностью метода социалистического реализма, стало главной тенденцией развития казахского поэтического языка в советскую эпоху, тенденцией, определяющей черты, наиболее характерные для общего направления его совершенствования и обновления.

Новые элементы, сравнения, метафоры и другие образно-речевые средства в современной казахской поэзии — это не просто отдельные факты, а их совокупность, указывающая на коренное изменение всей художественно-поэтической системы, эстетических представлений, взглядов и т. д.

Если представители устной поэзии (Джамбул) говорили, что народ держит в своих руках сказочную «птицу счастья» («бақыт құсы»), то в произведениях мастеров профессиональной письменной поэзии (И. Джансугуров)

возникает новаторский поэтический образ «знамя счастья» («бақ туы»).

В лучших поэтических произведениях, созданных в последующие годы, мы наблюдаем характерное для поэзии последних десятилетий более углубленное понимание лучших качеств советского человека — строителя новой жизни.

В казахской литературе, как и в литературах других советских народов, утверждаются новые поэтические символы, вызванные к жизни и революционной действительностью и художественной практикой всей советской литературы и искусства.

В стихотворении И. Джансугурова «Қанды қыран» («Кровавый орел») солнцу, его светлым лучам, революционному красному знамени, символизирующему свободу, счастливую жизнь советских людей, противостоит образ черного орла («кара қыран») — олицетворение сил мировой реакции.

Образ красного знамени популярен в казахской поэзии. В поэме «Күй» И. Джансугуров сравнивает знамена с покрывающими землю ранней весной цветущими тюльпанами.

В одном из стихотворений Т. Жарокова встает образ «алого красного знамени, которое пуля не сломит» («атқан оққа құламас қырмызы қызыл туым бар»).

Характерно, что в поэтических сравнениях красное знамя ассоциируется с героизмом, мужеством. Поэт Дж. Мулдагалиев, описывая подвиги Героя Советского Союза Алии Молдагуловой, говорит, что советские люди помнят о них, хранят их в памяти, «словно знамя».

Поэтический образ скрестившихся серпа и молота с впечатляющей силой передает в поэзии мысль о том, что власть рабочих и крестьян — величайшее завоевание Октября.

И. Джансугуров, обращаясь к этому кругу художественно-поэтических представлений, рисует образы русских рабочих («брат с молотом» — «балғалы бауыр») и крестьян («брат с серпом» — «орақты бауыр»), показывает единение с ними казахских бедняков.

В стихах Т. Жарокова

Пусть звучит сильнее
Молот пятилетки,—

метафорический образ «молот пятилетки» («бесжылдықтың балғасы») также приобретает значение поэтического символа, олицетворяющего мощное промышленное развитие республики.

Значительное место в произведениях многих казахских авторов отводится поэтическому описанию поезда, трактора, самолета, комбайна, автомобиля и др. При этом характерно, что по мере развития промышленности и техники, широкого участия казахского населения — бывших кочевников — в производственной деятельности машины, достижения техники прочно входят в круг поэтических представлений, к ним обращаются для сравнения при характеристике других предметов и явлений.

Примечательна в этом отношении, например, поэтическая характеристика И. Джансугурова в поэме «Степь» («Дала») свободных и равноправных девушек, заряд энергии которых подобен «электрическому заряду» («күші электір отындай»), молодых людей — подлинных тружеников, искусных и ловких, «словно машина» («машинедей мініскер»), стойких, как «завинченный винт» («винттердей орнықты»), и сильных, как «напористый трактор» («трактордей екпіні»).

К числу новых ярких индивидуальных поэтических сравнений можно отнести, например, следующие. Так, бдительность старого Кенбая, колхозного сторожа, охраняющего комбайны, С. Муканов в стихотворении «Таков колхозный аул» сравнивает с бдительностью пограничного отряда. В этом же произведении льющийся из комбайна поток пшеницы сопоставляется с потоком расплавленной железной руды.

Если ранее казахские певцы ушедшие годы жизни чаще всего сравнивали с текущей водой или же со скачущим конем, то поэт Джубан Мулдагалиев говорит о годах, которые потрудились славно, как строители, как солдаты, и сменились, как солдаты на посту. Здесь вместо прежнего представления о быстротекущем времени мы находим мысль о созидательном характере нашей жизни, о тех успехах, которые сопутствуют каждому году развития нашей страны.

В поэме «Легенда о смерти поэта» К. Аманжолова сердце поэта — героя, мужественно погибающего за Родину, уподобляется разрывающейся бомбе. Этот поэтический образ выразительно характеризует облик бес-

страшного человека, который был настоящей грозой для врагов. Объемность и многогранность содержания поэтического образа определяются прежде всего психологической оправданностью художественного сопоставления.

В одном из своих стихотворений К. Мурзалиев определяет сердце человека с буйным темпераментом как «беспокойного коня на привязи». Оно не устает и тогда, когда человек достигает пожилого возраста — «большое сердце подобно солнцу, которое и перед заходом красит небосвод в алый цвет»¹². Если первое из сопоставлений можно считать для казахской поэзии в целом явлением обычным, то этого нельзя сказать в отношении последнего, отличающегося оригинальностью.

В этом плане интересно проследить следующее явление: круг поэтических образов, которые используют поэты, говоря о себе, претерпевает в современной поэзии существенные изменения, пополняется и расширяется.

В казахской поэзии издавна существовала традиция: поэт говорит о своем поэтическом мастерстве, искусстве слагать стихи, петь песни. Характеризуя силу своего таланта, красоту и мощь голоса, певцы и поэты создали немало ярких поэтических сравнений, эпитетов, метафор и т. д.

Певец Биржан говорил, например, что он представляет собой целое море песни, может ливнем лить шесть дней подряд. Звонкий голос певца, по его словам, перекликается с трубным кличем лебедя, летящего высоко в небе.

Не менее характерно в этом отношении также встречающееся у певца Балуан-Шолак сравнение силы своего голоса со звуками кузнечных мехов.

В современной поэзии эта традиция получила новое развитие. Наряду с привычным сопоставлением песен, стихов с потоком, бурной речкой, ураганом и т. п. возникли иные поэтические образы. У певца-импровизатора И. Байзакова наряду с традиционными уподоблениями творческого подъема порыву ветра, высокому и быстрому полету орла и с встречающимся в казахской поэзии несколько реже сравнением мощного, гулко-го и раскатистого голоса поэта с сотрясающим воздух гулом могучих крыльев стремящегося ввысь буре-вестника находим со-

¹² Мурзалиев К. Бұлбұл бағы. Алматы, «Жазушы», 1967, 118-б.

поставление силы поэтического порыва с большой скоростью и устремленностью самолета.

Певец Нуркей говорит в песне, что он своей порывистостью не уступает скорости движения паровоза («екпіні от-арбадан кейін емес»).

Когда И. Джансугуров пишет в стихотворении «Песня радости» о том, что прежде

Песня не лилась рекою полноводной,
Я копался в луже, тоскуя о песне, ¹³—

здесь уже заключено противопоставление прошлого настоящему. Основная мысль стихотворения — показать, что в советскую эпоху поэтическое искусство получило подлинный расцвет, ибо поэты создают стихи, песни, вдохновляясь народной радостью («еліmnің шаттығынан шалқып жырым»).

«Разве голос поэта не должен сотрясать небо (дословно — «охватить небо»), если гул (победный марш) нашего края рассекает землю?» — восклицает И. Джансугуров.

Жизнеутверждающий, оптимистический характер литературы социалистического реализма в образной форме тонко передает поэтическое сравнение «как ветер радости мчась, ускоряя темп», которое употребляет И. Джансугуров в поэме «Кулагер», характеризуя свое поэтическое вдохновение.

В поэме «Кулагер» И. Джансугуров создает образ поэта-новатора, использующего накопленные народом богатства художественного слова, пристально изучающего историческое прошлое народа, чтобы отобрать из него самое ценное с точки зрения новых задач современности. Автор уподобляет поэта инженеру-геологу, неутомимо занимающемуся разведкой недр.

С. Муканов говорит о пролетарском поэте как о воине, солдате («пролетар ақыны — әскер, солдат»), отдающем все силы на борьбу за идеалы революции, социализма. В поэзии С. Муканова возникает также поэтический образ «поэт — фабрика слов».

В своем произведении «Сөз — советтік армия» («Слово — боевое оружие») процесс словотворчества С. Муканов уподобляет добыче руды и выплавке металла.

¹³ *Жансүгіров І. Шығармалар, 309-б.*

Казахский поэт перекликается здесь с Маяковским, которому принадлежат известные строки:

Поэзия —
 та же добыча радия.
В грамм добыча,
 в год труды.
Изводишь
 единого слова ради
тысячи тонн
 словесной руды ¹⁴.

Традициям Маяковского следует казахский поэт и тогда, когда он в этом же произведении художественное слово сравнивает с боевым оружием. Развертывая этот образ-сравнение, С. Муканов отдельные жанровые формы литературы уподобляет различным видам современного оружия.

Поэзия Маяковского в художественном определении Дж. Мулдагалиева — «боевая песня», «новых стихов полководец». Сам же поэт — «человек-буря», «человек с огненным сердцем».

Интересны и метафоры С. Мауленова, возникающие в связи с поэтическим изображением образа Маяковского: жизнь — поле битвы, зовущее к борьбе; слово поэта — оружие, поражающее цель быстрее молнии.

У С. Мауленова также находим поэтический образ песни, бьющей, как фонтан. Одновременно поэт умело использует народно-поэтические образы. Характеризуя силу художественного темперамента, мощный порыв поэтического вдохновения Ильяса Джансугурова, С. Мауленов говорит о его голосе, как о ревущей буре, сотрясавшей неприступно высокие скалы.

Касым Аманжолов характеризует свои стихи как «раздувающий пожар» («өртке тиген дауылдай») ветер ураганной силы.

Новыми чертами отмечена разработка темы о поэзии, о творчестве в литературе последних лет.

Раздумья о поэтическом творчестве, о настоящем и будущем рождают у Г. Каирбекова новый, глубоко соответствующий духу современной действительности поэтический образ, основанный на сопоставлении огненной души поэта с ракетой:

¹⁴ Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., «Худ. лит.», 1969, с. 249.

Жизнь — это материи огненной, вечной
струя.
Хочу, чтоб ракетой жизнь пролетела моя!

Горжусь я собой, потому что, пылая огнем,
Горячей строфой я огонь зажигаю в другом.
На миг озаряет все молнии вспышки кругом,
Вослед гроыхает раскатами долгими
гром...

Ракета — огнем просверкает, прощаясь
с Землей,
Потом без огня улетает в простор мировой.
А мне бы хотелось сверкать каждой новой
строкой,
С далекой орбиты к Земле возвращаться
родной.

Я вижу, как всякий влюбленный в работу
поэт,
В сегодняшнем знаки грядущих
торжественных лет.
Я славлю грядущего дивный, немеркнущий
свет,
Что мы добываем ценой наших трудных
побед!^{14а}

Пер. П. Железнова

Для лучших произведений казахской поэзии последних десятилетий характерно стремление глубже проникнуть в духовный мир современного человека, раскрыть его внутреннюю жизнь во всем многообразии.

Выход казахской литературы в этот период на новые творческие рубежи, углубленная разработка многих важных общественно-политических тем, обращение поэтов к новым проблемам породили мощные стимулы для развития национальной формы поэтического искусства. В казахской поэзии усиливается стремление к использованию современных средств поэтического выражения, характерное для многих авторов, в области художественной формы и языка.

Весьма примечательно то, что Т. Жароков в поэме «Лес в пустыне зашумел», написанной в послевоенный период, стремится использовать новые словесные образы, пришедшие в казахскую поэзию с полей войны:

^{14а} Каирбеков Г. Родные травы. Алма-Ата, «Жазушы», 1967, с. 139—140.

Могучий дуб стоит передо мной,
Сурово брови хмурые сведя,
Он поднимает крону над землей,
Как облако зеленого дождя.

Не расщепила ствол его гроза,
И пыльный вихрь ветвей не изломал,
И он глядит на юные леса,
Как на солдат бывалый генерал ¹⁵.

Пер. П. Шубина и Я. Смелякова

Поэтизируя шелест качающихся в степи спелых колосьев, Г. Орманов обнаруживает умение видеть красоту трудовых будней на колхозных полях:

На землю льется хлебороба пот,
Его пшеница с наслаждением пьет,
И гнутся стебли зрелые, шурша,
Хоть ноша тяжела, но хороша ¹⁶.

Глубокой поэзией проникнута также следующая картина колхозных полей, нарисованная Г. Ормановым:

Как тростник, пшеница высока,
Колос гнется — ноша нелегка.
Предлагая людям белый пух,
Хлопок солнцем радужным набух;
Капельками олова повис
На метелках полновесный рис ¹⁷.

В этом описании, пронизанном ощущением радости труда, созидательного пафоса нашего времени, очень ценно умение подметить точные реалистические детали, что наглядно сказывается и в употребляемых поэтом словесно-образных средствах.

Золотистое зерно из спелых колосьев пшеницы рождает у Г. Каирбекова раздумья о мужестве советских людей, преобразивших бескрайние степи, выращивающих большие массивы высоких хлебов, о величии и красоте человеческого духа:

На руке зерно пшеницы
Цветом солнечным лучилось.
Степь, которой нет границы,
В зерна хлебные вместилась.

¹⁵ Жароков Т. Стихотворения и поэмы. М., ГИХЛ, 1956, с. 164.

¹⁶ Очерки истории казахской советской литературы, с. 579.

¹⁷ Там же.

Степь лежала на ладони!
Степь, бескрайняя от века.
Глядя на зерно, я понял
Все величье человека ¹⁸.

Пер. И. Баукова

Новаторскими чертами отличается также язык казахских поэм, созданных в последние годы. Обратимся для примера к поэме Дж. Мулдагалиева «Я — казах».

Поэма бессюжетна, в центре ее стоит лирический герой, который представляет собой собирательный, обобщенный образ казахского народа. Это форма лучше всего отвечала задаче полноценной художественной передачи идейного содержания произведения, отражающего важнейшие события исторической и современной жизни казахского народа. Главные достоинства поэмы — глубокое художественное осмысление явлений социальной жизни, могучая сила гражданского порыва и внутренняя энергия чувства, высокая поэтичность описания, прозрачность и легкость поэтического слова:

Я — казах,
И я теперь — Октябрь,
Властелин отныне, а не раб,
Революции бессонный страж,
Ленинских декретов персонаж!

Степь моя — арена битв больших,
Тяжелы, священные жертвы их.
Я — Россия,
Я — Союз Советов,
Я — свободы первый материк!

Вольная держава — Казахстан,
Наконец двадцатый век настал!
С именем — казах — я вышел в степь,
Вольный, словно лев, порвавший
цепь...

Я — казах,
Я равный сын в семье,
Как Антей, я крепок на земле ¹⁹.

Передавая пафос победившей революции, героину борьбы за утверждение новой власти, художественно изо-

¹⁸ Каирбеков Г. О сверстниках. Алма-Ата, КГИХЛ, 1960, с. 51.

¹⁹ Мулдагалиев Дж. Я — казах. М., «Советский писатель», 1966, с. 30—31.

бражая в поэме рождение нового мира, новой казахской социалистической республики, поэт смело использует меткие образно-речевые средства. Простота и четкость выражения поэтической мысли, сочетающиеся с использованием смелых, сильных поэтических образов, ярких образных сопоставлений, составляющие важную особенность словесной структуры произведения, проявляются в этих строфах с большой полнотой и наглядностью.

Обращают на себя внимание национально-характерные черты поэтического языка Олжаса Сулейменова, пишущего на русском языке. Язык его поэзии глубокий и свежий, сочный и живописный, образно насыщенный, полный интересных поэтических находок, обнаруживает глубокую связь с традициями казахской народной поэтической речи. Умение поэта тонко проникать в дух и особенности художественных образов и представлений, выкристаллизовавшихся на протяжении веков в народном поэтическом сознании, дает ему возможность в произведениях, написанных на русском языке, оригинально использовать живые элементы казахской поэтической речи.

Обратимся к стихотворению «Молитва батыра Мамбета перед казнью». Язык этого стихотворения, его словесно-изобразительные средства интересны главным образом потому, что передают тонко схваченные поэтом особенности исторического прошлого казахов:

Я в далеких походах забуду себя,
Я в битвах — по году,
В обидах — по горло,
Я родился в седле,
Умираю в цепях ²⁰.

В подобных деталях воплощены не только верно подмеченные черты облика казахского богатыря, но и художественно ярко выраженные представления прежних эпох.

Наполнена глубоким содержанием нарисованная несколькими штрихами пейзажная картина:

Ясный месяц в пустынях встает,—
И уходят в барханы
За самкой верблюды...²¹

²⁰ Сулейменов О. Определение берега. Алма-Ата, «Жазушы», 1976, с. 106.

²¹ Там же.

Эта картина рождает меткое сравнение: «А луна, как лепешка, мне катится в руки...».

Подобное сравнение на первый взгляд кажется неожиданным, оно в казахской поэзии неизвестно. Но содержательность этого поэтического образа определяется не художественной традицией, а тем, что оно подсказано самой описываемой ситуацией, положением томящегося в яме узника, которому, как жалкую подачку, бросают лепешки.

Таким образом, отмеченные сравнения вне всякого сомнения изобретения самого поэта. Это в такой же мере относится к оригинальной по характеру метафоре «мое темя забудет былое величие», к художественным определениям «запаленный конь», «гортанные кличи».

Если же взять образные сопоставления:

Я как меч обнаженный,
Но ржа меня режет.
Сердце в горле как яростная змея.

Э, не так!
Мое сердце — ошипанный кречет ²²,

то некоторые из этих поэтических образов — «меч обнаженный», «кречет» — обнаруживают влияние казахских поэтических традиций. Тем не менее поэт дополняет эти образы: уподобление богатыря обнаженному мечу обогащено словами «ржа меня режет», сопоставляется с кречетом не просто человек, как это было в народной казахской поэзии, а сердце.

В своеобразной манере рисует Олжас Сулейменов образ коня. Он обращается к поэтическому описанию коня прежде всего для того, чтобы вызвать в сознании современных читателей отчетливые картины исторической жизни казахов:

Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскачу до края,
Город и степь
Накрена.
Ветер раздует
Пламя
В жаркой крови аргамака,

²² Сулейменов О. Определение берега, с. 106.

Травы
 сгорят
 под нами,
Пыль
И копытный цок...
Бросим
 робким
 тропам
Грохот копыт в лицо!...²³

Олжас Сулейменов идет не столько по пути прямого использования поэтической традиции в этой области, сколько стремится по-своему увидеть и художественно передать ощущение образа коня. И важно не только то, обнаруживаются ли в отчетливых формах в словесной структуре языка О. Сулейменова те или иные конкретные признаки национально-поэтической культуры. Не менее значительно, что поэт в разработке многих тем опирается на национально-поэтические мотивы, на идейно-художественные достижения казахской литературы, которая является одним из важнейших источников, питающих творчество Сулейменова, помогающих художественно осмыслить и выразить изображение жизненных явлений. Описывая коня, поэт пишет: «бурлящий горный поток не сравнится с его дыханием» или: «копыта высекают желтый пламень из белой глины». Интересны также образные выражения в стихах:

Хрипло поет о любви старик,
Почесывая домбру...
Серый айран
В чашах цветных уснул ²⁴.

Или:

Проскачу навсегда, навсегда...
Чтобы после дождей
Весь мой путь представлялся врагам
Вереницей пиал²⁵.

Подобные образные выражения представляют не просто меткую поэтическую формулу, а являются реалистической деталью, поражают своей жизненной верностью, удивительной точностью и конкретностью.

²³ Сулейменов О. Определение берега, с. 51.

²⁴ Там же, с. 102.

²⁵ Там же, с. 109.

Проанализированные нами примеры — свидетельство обогащения художественного сознания народа, которое становится возможным благодаря расширению интернациональной основы казахской поэтической культуры.

В формировании социалистического реализма, по словам Г. И. Ломидзе, «участвуют три силы: конкретные социальные жизненные условия; национальные традиции; коллективный художественный опыт социалистических литератур и опыт всей прогрессивной мировой литературы. Национальные закономерности приходят в близкое соприкосновение с общеисторическими закономерностями социалистических литератур, соотносясь с ними»²⁶.

Огромное значение опыта социалистических литератур, прежде всего литератур советских народов, для развития казахской литературы состоит, в частности, в том, что он способствует развитию национальных художественных традиций, обогащает элементы национально-поэтической культуры. Это достаточно наглядно подтверждают приведенные примеры.

В современной казахской поэзии, как и в поэзии других народов СССР, находим немало фактов, которые дают основание говорить о новом характере лирики нашего времени, о новом качестве синтеза мысли и чувства в лирике. Сдвиги в структуре лирики, изменение самого характера лирического творчества объясняются прежде всего общественными и литературными условиями, хотя, безусловно, здесь имеют существенное значение творческая индивидуальность поэтов, направление их поисков.

²⁶ Ломидзе Г. И. Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур. — В кн.: Пути развития советской многонациональной литературы. М., «Наука», 1967, с. 16.

ПРОБЛЕМЫ СТИХОТВОРНОГО НОВАТОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В настоящее время особенное значение приобретает задача углубленной разработки теоретических разделов казахского литературоведения, в числе которых важное место, согласно общепринятому мнению, занимает стихосложение. Говоря о различных видах звуковых средств типа аллитерации, анафоры и других, В. Брюсов отмечал, что «одно исследование этих средств звукозаписи уже составляет сложную систему знаний»¹. Между тем известно, что звуковые повторы этого рода занимают в теории стиха лишь определенное место, не являясь главными и основными в системе средств стихотворной речи.

Изучение стихосложения выдвигает самые разнообразные по своему характеру задачи, оно требует разработки многих проблем как теоретического, так и историко-литературного плана.

Эта тема нашла отражение в трудах целого ряда казахских авторов: в исследованиях М. Ауэзова и С. Муканова, касающихся различных вопросов песенно-поэтического искусства и стихосложения, в монографии о поэтическом языке Абая Х. Джумалиева и его книге «Теория литературы», в исследованиях Е. Исмаилова («Об особенностях поэтики Абая» и др.), в работе Б. Кенжебаева «Строй казахского стиха» и некоторых других. В работах этих исследователей дана характеристика строя казахского стиха, научно проанализированы основные стихотворные формы казахской поэзии. В трудах Х. Джумалиева

¹ Брюсов В. Избр. соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1955, с. 308.

сформулировано положение о разнотипных и равно-
типных стихотворных размерах в казахской поэзии, на-
мечено различие точной и неточной рифм. Работы
Б. Кенжебаева посвящены многообразию ритмических
форм в казахской народной поэзии.

Кроме того, исследователями (С. Муканов, Е. Исмаи-
лов) отмечена связь стихотворных форм с жанрово-поэти-
ческими формами. Большое значение с точки зрения пони-
мания довольно широкого круга вопросов теории стиха
имеют работы М. Ауэзова.

Вместе с тем следует отметить, что к проблемам стихо-
сложения имеют прямое отношение труды, в которых рас-
сматриваются вопросы поэтики, фонетической системы
языка, песенного искусства, а также такие общие пробле-
мы литературы, как проблема традиции и новаторства. В
этой связи необходимо подчеркнуть важное значение ис-
следований С. Кенесбаева, А. Маргулана, М. Каратаева
Н. Смирновой, статей и выступлений Г. Мусрепова, тру-
дов Т. Нуртазина, С. Кирабаева, З. Кабдолова, М. Базар-
баева, М. Дуйсенова и др.

Один из важных выводов, к которому приводит накоп-
ленный в области теории стиха опыт, состоит в том, что в
изучении стихосложения должна быть преодолена статич-
ность, схематизация ритмических форм, описательность.
При одностороннем увлечении структурными формами
глубокое исследование стихотворных форм легко подме-
няется формальным перечислением многочисленных ком-
бинаций ритмов. Такое направление малопродуктивно,
ибо при этом не раскрывается вся сложность взаимодей-
ствия средств стихосложения, все богатство выразитель-
ных возможностей стихотворной формы.

Известно, что в работах некоторых буржуазных уче-
ных аналитический подход к изучению стихосложения
часто подменяется формалистическим методом. В совет-
ском литературоведении основным методологическим
принципом является исследование проблем стиха с уче-
том выразительной функции и содержательности художе-
ственных средств поэтического языка. При изучении сти-
хотворной формы в первую очередь должны быть выделе-
ны моменты, черты, которые имеют особое значение в ее
структуре. Не игнорируя наличия множества ритмических
форм и вариантов, необходимо учитывать всю важность
углубленного понимания основных закономерностей сис-

темы стихосложения, структурного богатства и функциональной значимости стихотворных размеров.

При разработке вопросов стихосложения выдвигается задача выяснения общих закономерностей, имеющих значение для всей системы стиха в целом. Изучение строя стиха дает возможность рассматривать стихотворные формы не только в отдельности, но и в их единстве и связи, учитывая общие основы всех размеров данной системы стихосложения.

Относительно определения системы стихосложения в казахской поэзии большинство исследователей считает казахский стих силлабическим, хотя этот вопрос в свое время являлся спорным. Некоторые авторы писали о тонизации силлабического стиха, об употреблении в казахской поэзии отдельных размеров силлабо-тонической системы.

В связи с этим можно сказать следующее. Использование размеров, основанных на ударениях, в казахском языке неудобно, так как в нем ударные слоги резко не выделяются, все слоги звучат более или менее равномерно, в силу чего ритмическое деление стихотворных строк на отдельные части осуществляется на основе силлабического принципа. В казахской поэзии стихотворная строка с метрической точки зрения делится на такие отрезки, в каждом из которых соблюдается определенное число слогов. Естественно, принцип силлабики, устанавливающий величину стихотворных строк, их границы, сохраняет силу и при структурно-ритмическом оформлении более дробных частей строки.

Своеобразие внутреннего деления стихотворных строк на несколько ритмических частей ярко отражает употребляющееся в казахском литературоведении понятие «бунак», обозначающее группу слогов. В понимании этой закономерности имеет важное значение особая роль постоянного словораздела как показателя границы ритмических частей строки.

Основой силлабики, важным моментом ее является принцип ритмической равноценности всех слогов. Эта закономерность ритмики поэтической речи коренится в свойствах языка, определяется особенностями его фонетической системы, его мелодическими свойствами, прежде всего присущим казахскому языку особым свойством слога.

Принцип ритмической равноценности слогов лежит в основе всех проявлений ритма. На фундаменте этого общего свойства ритмики стихотворной речи вырастают все важнейшие принципы и правила казахского стихосложения как системы, основанной на количестве слогов. Без него были бы невозможны счет слогов в стихе, соблюдение определенного числа слогов в соизмеримых речевых отрезках стиха.

Если принцип ритмической равноценности слогов относится к слогу как измерителю стихотворного ритма, то принцип соблюдения определенного числа слогов в строках, в ритмически обособленных частях строк относится к построению стихотворной речи, определяет внутреннее строение и границы стиха, взятого в отдельности и в сочетании с другим.

Нередко силлабическую систему стиха определяют как систему, основанную на равенстве слогов во всех стихотворных строках. В свете сказанного очевидно, что такое определение позволяет раскрыть только некоторые особенности силлабического стиха. Ибо сочетание в строфе равновеликих строк представляет собой очень важное, но частное проявление принципа соблюдения в стихах определенного числа слогов. Рассматривая принцип ритмической равноценности слогов как общее свойство ритмики казахской стихотворной речи, нельзя не видеть, сколь ошибочны попытки видеть нарушение требований силлабизма в отдельных сложных формах стиха, в которых равенство слогов проявляется своеобразно и несколько необычно. Кроме того, выделение этого принципа дает основание рассматривать сочетание резко разнотактных строк в стихотворных размерах как естественное и закономерное явление.

Изучение строя стиха выявляет, что слоговая структура казахского стихосложения проявляется в самых различных сторонах ритмики стихотворной речи, сказывается на особенностях всех его основных средств. Это и понятно: стихосложение представляет не простую совокупность разнородных ритмических закономерностей и принципов, а единую, стройную систему ритмики. С силлабическим строем казахского стиха связаны такие существенные стороны стихосложения, как: 1) построение строки, ее границы; 2) способы сочетания стихов; 3) ритмическая группировка слогов внутри строк; 4) стиховое окончание;

5) рифма, ее строение и т. д. Именно слоговая основа ритмики дает возможность найти связь между различными понятиями казахского стихосложения (слог, словораздел, ритмическая слоговая группа), а также между ними и более широкими понятиями (строка, размер, строфа и ритм, стихотворная форма).

В современных условиях литературного процесса, когда казахская литература развивается как часть единой многонациональной советской литературы, в ней, как и в литературах других народов, происходит процесс обновления национальной формы поэтического искусства на основе обогащения его содержания. Не случайно вопросы развития национальной формы в литературе занимают значительное место в работах многих авторов (Г. Ломидзе, Л. Новиченко, К. Зелинский и др.), освещающих проблемы многонациональной литературы.

Усиление взаимовлияния литератур братских народов, благотворное воздействие литературы великого русского народа на развитие литератур других народов немало способствуют сказанному. Обогащение национальной формы казахского поэтического искусства в современный период сочетается с расширением его интернациональной основы.

Для решения этой важной общей проблемы литературоведения многое может дать изучение стихосложения. Ибо вопрос о стихотворном новаторстве имеет существенное значение для всей проблемы художественного поэтического новаторства в целом. Проблему новаторства мы выделяем как основную в современном казахском стихосложении: при рассмотрении стиха в современной поэзии прежде всего и главным образом отмечаются такие моменты, которые характеризуют развитие казахского стихосложения в советскую эпоху.

Разработка теоретических проблем казахского стихосложения, в том числе проблемы традиции и новаторства в современном казахском стихе, требует исследования многих конкретных явлений и фактов художественной литературы — широкого изучения образцов народной поэзии, произведений дореволюционной письменной и современной литературы.

Излагая в этой работе лишь некоторые основные результаты исследований по данному вопросу, мы выделяем сравнительно небольшой круг литературных фактов и яв-

лений. Используются главным образом материалы современной поэзии, а также произведения крупных поэтов, определивших своим творчеством основные пути развития казахского стихосложения.

При изучении стихосложения следует иметь в виду, что в казахском стихе много общих черт со стихом в поэзии целого ряда других народов, что строй силлабического стиха изучался многими видными тюркологами-востоковедами (В. В. Радлов, Ф. Корш, Т. Ковальский). В настоящее время эти проблемы всесторонне разрабатываются многими специалистами братских народов, изучающими киргизскую, узбекскую, татарскую, уйгурскую, азербайджанскую, башкирскую литературы (Х. Усманов, А. Кекилев, Б. Керимжанова, К. Рысалиев, М. Хамраев, Г. Хусаинов, М. Шейхзаде, М. Бакиров). В теории стиха значительный вклад принадлежит русским ученым: В. Брюсову, В. М. Жирмунскому, Л. И. Тимофееву, Б. В. Томашевскому.

Многие проблемы разработки новых поэтических жанров, развития речевого, в частности декламационного стиха, обогащения интонационных и ритмических возможностей силлабического стиха и т. п. одинаково актуальны и в киргизской, и в татарской, и в каракалпакской литературе. Если о необходимости широкого внедрения в казахскую поэзию декламационного склада речи в свое время писал С. Муканов, то в отношении татарской литературы еще в 1923 г. эту мысль высказал известный татарский поэт Такташ. В названных литературах, как и в литературах других братских народов, процессы обогащения стихосложения протекают под непосредственным воздействием русской литературы. Важно подчеркнуть, что общность многих тенденций развития стиха в литературе народов СССР дает возможность использования в одной литературе художественного опыта литератур других народов.

Существенный фактор, способствующий стихотворному новаторству в казахской поэзии, — процесс взаимосвязи и взаимовлияния советских литератур. При этом одной из сложнейших творческих задач, несомненно, является использование национальными поэтами опыта В. В. Маяковского в разработке стиха.

Прежде всего в этой связи следует указать на то, что творчество крупнейших казахских поэтов С. Сейфуллина, И. Джансугурова, С. Муканова, Т. Жарокова созвучно

Маяковскому тем, что в нем разрабатываются темы, имеющие особую социальную остроту, лучшие произведения этих писателей и поэтов отличаются большой идейной страстностью, публицистичностью.

В произведениях названных поэтов, как и целого ряда других представителей казахской поэзии, все более отчетливо проявляется стремление как можно полнее использовать те художественные возможности, которые представляет произносимый, звучащий стих, предназначенный для декламационного чтения. Яснее всего это сказывается в том, что в них (причем не только в произведениях политической, публицистической лирики, но иногда и в поэмах, исполненных гражданского, публицистического пафоса) поэтическая интонация нередко предстает в разговорных формах, порой наблюдается резко выраженное тяготение к разделению стихотворной строки на несколько самостоятельных коротких фраз и т. п. Всем этим определяется широкое употребление поэтами «лесенки» — разбивки поэтической строки на несколько частей, несмотря на то, что в казахском стихосложении ритмическое упорядочение стиха неизменно сохраняет свою обязательность. Иногда казахские поэты с большим тактом применяют в строфе в качестве приема ритмико-интонационной выразительности речи укороченную строку.

Чтобы воспроизвести в своих произведениях черты того поэтического стиля, который связывается с именем Маяковского, казахские поэты используют различные приемы: употребление в стихах русских и иностранных слов, а также некоторых синтаксических оборотов, сходных с теми, которые особенно характерны для русской агитационно-политической поэзии, и т. д.

Желая добиться разнообразия звучания поэтической речи, богатства интонации, поэты часто не только воспроизводят те или иные особенности структуры стиха Маяковского, но и стремятся широко внедрять в поэзию новые неиспользованные средства.

Под заметным воздействием русской литературы в казахской современной поэзии идет процесс развития и обогащения форм речевого стиха, расширения сферы речевых средств стихосложения, усиливается стремление к более широкому использованию ритмико-синтаксических и ритмико-интонационных средств. Наблюдается стремление к разнообразному воспроизведению в стихе интонации жи-

вой речи, а в стихотворных произведениях декламационного склада — к выделенности слов, к использованию переносов, ритмической паузы и т. д.

Главное в освоении творческих традиций Маяковского казахскими поэтами заключается, без сомнения, в том, чтобы отдельные принципы, приемы ритма не использовались в отрыве от содержания, не довели над ним.

Нередко можно наблюдать, что сложности заключаются в применении поэтами приемов разбивки поэтических строк. Подчас упускается из виду, что важно не столько использование «лесенки», сколько умение в творческих поисках найти пути «к тому чувствованию слова, языка, лексики, образа, эпитетов, а прежде всего — к тому строю чувств и страстей, которыми жил Маяковский и которые не угаснут в советской поэзии»².

Ступенчатое расположение поэтической строки Маяковским подчеркивало богатство и разнообразие ритмического построения речи в его произведениях и в известной мере отражало стремление к повышению интонационно-ритмической самостоятельности, выделенности отдельных слов и фраз. В связи с этим «лесенка» Маяковского как способ графического выделения отдельных частей каждого стиха благодаря своей зрительной наглядности стала восприниматься как своего рода выражение новаторских черт его поэтического стиля.

Однако, как ни важно использование этого приема, нельзя не признавать того, что чрезмерное увлечение разбивкой строк, их дробление на мелкие части порой свидетельствуют ни о чем ином, как о стремлении копировать чисто внешние признаки стиха Маяковского. Тем самым упускается из виду, что содержание поэтического произведения, образный строй речи, стиль и интонация — все должно оправдывать разбивку строк на более короткие отрезки. Понятно, что в тех случаях, когда разбивка строк является механической, а фразы и слова не выделяются по смыслу ритмически и интонационно-синтаксически, применение этого приема не дает желаемых результатов.

Сказанное выше еще раз подтверждает, что использование приемов стихосложения, разработанных Маяковским, связанное с необходимостью решения больших художественных задач, требует исключительного поэтичес-

² Бажан М. Поэт народа. — «Правда», 1940, 14 апреля.

кого мастерства, смелого новаторства в области средств художественной выразительности, способности добиваться совершенства сложных ритмических форм.

Следует учитывать также, что стих Маяковского основан на тонической системе, а казахский стих является силлабическим, имеет слоговой строй. Тем не менее это ни в коей мере не сводится к тому, чтобы в казахской поэзии, для которой свойствен силлабический строй стиха, создавать произведения, основанные на тонической системе. Ибо то, что особенно привлекает в стихах Маяковского в этом отношении, что составляет главное достоинство его стихотворной реформы — ораторское звучание стиха, интонационная обособленность и особая смысловая весомость слов, т. е. борьба за высокое мастерство стиха, за глубокую социальную насыщенность, страстность, публицистичность поэзии при полном подчинении этой задаче интонационно-ритмических средств поэтического языка — все это должно быть освоено литературами всех народов нашей страны независимо от характера национального стихосложения.

Говоря об обогащении казахского силлабического стиха приемами тонического стиха Маяковского, как и русского классического силлабо-тонического стиха, необходимо сказать, что это воздействие охватывает не только область ритмики, но и важнейшие стороны всей художественной формы: образный строй, интонацию, поэтический синтаксис и ритм. Было бы неверным сводить эту проблему только к использованию тех ритмических средств, которые были разработаны в русской поэзии. Роль опыта русской поэтической культуры, в частности в области стихосложения, широко сказалась в обновленном использовании богатых ритмических средств казахской поэзии в процессе разработки и освоения поэтами самых различных форм литературного лирического стихотворения, а также новой лирико-эпической формы.

Своеобразие художественной традиции, на которую опирались казахские поэты в поисках поэтических и стихотворных форм, состояло в том, что она сложилась в основном в рамках устного творчества. Поэзия развивалась преимущественно в формах, рассчитанных на речитативно-напевное исполнение произведения. Такие популярные виды казахской народной поэзии, как жыр — эпические сказания и песни, толгау — песенно-стихотворный сказ

(дума), терме — назидательно-афористические стихи, а также различные формы песенно-поэтических состязаний (айтыс), были очень тесно связаны с традицией устной импровизации и слагались в стихах речитативно-напевного склада, большей частью исполнявшихся с музыкальным сопровождением (домбры).

Это не значит, однако, что казахской поэзии не знакомы были формы речевого, декламационного стиха. Но сфера употребления подобного рода стихов (типа такпак), принимавших иногда форму своеобразного свободного стиха (полустиха), была сравнительно неширокой. Они употреблялись главным образом в пословицах, поговорках, афоризмах, в народно-художественной речи ораторского стиля и т. д. В развитых формах и проявлениях казахский стих находился в тесном соприкосновении с речитативным напевом.

Следует отметить, что длительное развитие поэзии в формах, сохранивших тесное взаимодействие с напевом, было необходимым, оно подготавливало переход к новому этапу — самостоятельному, обособленному развитию стиха. Практика речитативного исполнения выработала разнообразные приемы эмоционально-действенного художественного произношения стиха, при котором речевая выразительность слова выдвигается на первое место, а музыкальный напев играет вспомогательную роль. В зависимости от содержания и характера, общей тональности произведения или его определенного отрывка певец прибегает к различным приемам поэтического речитатива: от быстрой речи, переходящей в скороговорку, до ритмически отчетливого произношения слов и фраз, представляющего иногда своего рода скандирование, от выразительной речи декламационного стиля до замедленной напевной речи. Речитативная манера исполнения стиха, выявлявшая речевую выразительность слова, служила существенным фактором, способствовавшим развитию казахского стиха. Речитативный напев помогал запоминать и держать в памяти огромное количество стихов, благодаря чему такое произношение стиха в условиях устной поэзии явилось наиболее эффективным и сохранилось в народной поэзии вместе с устной традицией исполнения произведений.

В рамках устной поэзии казахский стих не мог, однако, проявить свои речевые выразительные средства с та-

кой полнотой, которая была возможна в период его обособленного развития. Для этого были необходимы определенные общественные и литературные условия. Лишь с развитием казахской письменной литературы и постепенным проникновением в быт декламационного (наряду с напевным) чтения стихов создавалась реальная возможность для более полного и тонкого воспроизведения в стихе разговорной интонации живой речи.

Большой шаг в этом направлении сделал Абай. Основоположник письменной реалистической литературы, он своим творчеством продвинул вперед развитие стиха, углубив его речевую выразительность. В творчестве Абая нашла яркое выражение эта тенденция развития казахского стиха, возникшая с появлением письменной литературы.

В произведениях поэта приобрели небывалую ранее гибкость известные, ставшие уже традиционными, стихотворные формы. Вместе с тем Абай обогатил казахскую поэзию новыми стихотворными формами. В результате художественной обработки и творческого использования в стихе наиболее выразительных ритмических форм речи он создал ряд совершенно новых, замечательных своей оригинальностью стихотворных размеров. В процессе работы над стихом Абай выявил дополнительные средства и способы усовершенствования строя казахского стиха, обогащения его ритмики.

В советскую эпоху вместе с невиданным прежде расширением сферы казахской поэзии и стиха закономерно должна была усилиться тенденция обогащения речевой выразительности стиха, приближения стихотворной речи к разговорной интонации, наметившаяся еще в период деятельности Абая. Этому способствовали создание разнообразных форм профессиональной письменной поэзии, дальнейшее укрепление в литературе традиций письменной поэзии, невиданный рост грамотности и общей культуры народа и связанное с этим широкое распространение в народе декламационного чтения стиха.

В период бурного развития письменной литературы и обогащения общенародного языка необходимость воспроизведения в стихе всего богатства живой народной речи не могла не ощущаться с особой силой. Благодаря широкому обращению поэтов к стихии живого разговорного языка стихотворные формы стали более приспособ-

ленными к декламационному чтению. Наряду с этим в качестве речевого стиха все чаще стали выступать произведения, создаваемые каноническими размерами, прежде тесно связанными с речитативом. Не будет преувеличением сказать, что все сколько-нибудь существенные изменения и нововведения в современном стихе, касающиеся самых различных его сторон (ритма, интонации, строфики, рифмы и т. д.), так или иначе отвечают требованиям обогащения речевой выразительности стиха и в основном являются в той или иной форме выражением этой главной тенденции развития казахского стиха.

Казахский стих с развитием письменной литературы, особенно в советский период, непрерывно обогащается, все более расширяет свои выразительные возможности, выдвигает новые, совершенные стихотворные формы, сохраняя при этом свою народную основу.

Как вытекает из сказанного, в поэтической практике казахской советской литературы исключительное значение приобрели задачи развития и обогащения стиха на основе творческого использования наиболее жизнеспособных элементов народной стихотворной речи, а также продолжения традиций Абая в этой области.

Развивая примененный Абаем принцип творческого видоизменения семи- и восьмисложного стиха, Сейфуллин ввел ряд новых стихотворных форм. В «Социалистан» и других произведениях каждая строфа состоит из нескольких четырехсложных и конечной семисложной строк. Эту стихотворную форму поэт создал, опираясь на ритмическую основу семи-, восьмисложного стиха, состоящего из строк с четырех- и трехсложными частями. Наиболее усложненный вид этого стихотворного размера использован поэтом в произведении «Току фабригінде». Вначале идут только четырехсложные строки. Десять таких коротких строк объединены единой рифмой, охватывающей каждую нечетную строку. Такой способ рифмовки продиктован стремлением поэта избежать ощущения излишнего дробления стиха на мелкие отрезки в процессе его восприятия: рифма здесь в ритмико-интонационном отношении в определенной мере группирует строки по две, не уничтожая при этом их ритмической обособленности. Это становится возможным потому, что для ритмики стиха вообще характерна тенденция к известному объединению слишком мелких ритмических отрезков в более крупные.

Далее идут две четырехслоговые и одна семисложная (4+3) строки. Трехслоговое стиховое окончание, сменяющее в конце строфы четырехслоговое, подсказано необходимостью дать ритмико-интонационное завершение. Оно помогает создать единство всех четырнадцати коротких строк, составляющих строфу. Концевая рифма едва ли была бы достаточной для этой цели: слишком много строк заключено в строфу.

Переход, возникающий несколько неожиданно после длинного ряда четырехсловых строк и четырехсложной ритмической части к трехслоговому окончанию в последнем стихе, предстает как вполне оправданный момент в ритмическом движении стиха. Ритмическая инерция заставляет произносить заключительную трехсловую часть строки несколько замедленно, с акцентировкой на ней, что полностью соответствует интонационно-смысловому завершению строфы.

Первые строки этой части строфы имеют отличающуюся от предшествующих строк смежную рифму, которая способствует некоторому выделению заключительных строк, что также усиливает композиционную законченность строфы. Последняя строка связана сквозной рифмой с соответствующими строками всех семи строф произведения. Таким образом, эта рифма выполняет одновременно две функции: отмечает концы строф и связывает их между собой.

Форма семи-, восьмисложного стиха использована Сейфуллиным в оригинальной художественной обработке, что позволяет очень четко выделять его внутреннее ритмическое членение — в основном по четыре слога. Этот четырехслоговой ритм в высшей степени свойствен строю казахского стиха. В большинстве размеров стихотворные строки включают в себя четырехслоговые ритмические части. Следует добавить, что четырехсложные стихи встречаются в образцах народной поэзии (например, игровая песенка «Бірім, бірім», сложенная в основном четырехсложными стихами). Понятно поэтому, насколько простым и естественным должен восприниматься четырехслоговой ритм стихотворения Сейфуллина.

Благодаря легкости и подвижности стих своим ритмико-интонационным звучанием как бы усиливает в произведении ощущение быстрого равномерного движения колес ткацких машин. Разумеется, яркость и живость восприя-

тия изображаемого предмета, как и слуховое представление о его движении, достигаются прежде всего образным строем речи, умелым подбором и выразительностью слов, меткостью характеристик. Слова благодаря их выразительной силе и соотнесенности с теми или иными явлениями и предметами по ассоциативной связи с ними способны вызывать зрительное, слуховое, осязательное и тому подобное представление. В этом смысле ритмическое построение стиха лишь оттеняет, подчеркивает содержание произведения, переданное разнообразными изобразительно-выразительными средствами.

«Току фабригінде» Сейфуллина отличается яркой образностью изображения. В стихотворении действие решительно преобладает над простым описанием. Поэт очень часто употребляет короткие, полные динамики призывные восклицательные предложения. Стихи насыщены пафосом созидательного труда, ярко отражают энтузиазм и воодушевление масс. Все произведение наполнено чувством радости, охватившим поэта, который стремительное движение ткацких машин воспринимает как олицетворение трудового героизма советских людей.

Необходимо обладать поистине тонким чувством ритма, чтобы путем изменения ритмической структуры известного размера создать новую стихотворную форму, способную давать столь динамически-экспрессивное звучание.

Размер абаевского «Бай сейілді» и сходные по структуре с ним стихотворные формы, введенные Сейфуллиным, замечательны еще и тем, что в них сочетаются строки, резко отличающиеся друг от друга по числу слогов. Многие новые формы созданы Абаем именно на основе использования этого приема. Это существенно дополняло и обогащало сложившиеся в народной поэзии способы сочетания в стихе разносложных строк, имело принципиальное значение, по существу, представляло собой творческое открытие.

В произведениях Абая, а затем и Сейфуллина соединение в стихе строк разной длины становится источником невиданного ранее разнообразия ритма поэтической речи.

Прием сочетания разносложных строк Абай блестяще применил в созданном им стихотворном размере «Серіз аяқ» («Восьмистишья»). Для полноценного выражения идейного содержания произведения, наполненного боль-

шими раздумьями о судьбе народа, требовалась емкая и богатая гибкая стихотворная форма. И поэт находит новую форму, подсказанную содержанием, поэтическим замыслом:

Алыстан/сермеп,
Жүректен/тербеп
Шымырлап/бойға/жайылған;
Қиядан/шауып,
Қисынын/тауып,
Тағыны/жетіп/қайырған,
Толғауы/тоқсан/қызыл тіл,
Сөйлеймін/десең/өзің біл³.

Это — сложная, многогранная структура, поражающая самобытностью ритмического построения. В стихе пятисложные строки в определенном порядке чередуются с семи- или же восьмисложными строками. При всей новизне этого размера близость его к ритмике народного стиха несомненна. Семи- и восьмисложные строки имеют здесь такое же строение, какое они имеют в жыре, и так же свободно чередуются друг с другом.

Сочетание двух-, трех- и четырехслоговых ритмических частей в стихе предстает в «Сегіз аяқ» в новом, своеобразном претворении. Стихотворные строки включают в себя разное число ритмических частей: восьмисложные — три, а семи- и пятисложные — две. Чередование их создает в процессе движения стиха непрерывную смену ритма, придает стиху необычайную гибкость и виртуозность.

Применяя абаевский размер, Сейфуллин как поэт-новатор остро ощущал новизну его поэтической формы. В ритмическом строе этого размера Сейфуллин создал шестистрочный стих, представляющий собой усеченный «Сегіз аяқ»:

Акку күс сөйлеп,
Сыңкылдап күйлеп,
Сыбырлап сүйіп жалынды;
Айналып билеп,
Ойнады билеп,
Балқытып менің жанымды⁴.

Подобные опыты поэта-экспериментатора вводили его в творческую лабораторию Абая, помогали уяснить особенности работы последнего над стихом. «Восьмистишья»

³ Кунанбаев А. Собр. соч., т. 1, с. 88.

⁴ Сейфуллин С. Шығармалар. Т. 1. Алматы, 1960, 151-6.

Абая, как и другие его стихотворные размеры, при всем их значении были важны для Сейфуллина тем, что в них ярко проявилось стремление классика казахской литературы с большим разнообразием применить в поэтических произведениях выразительные возможности языка народа.

В новых, созданных им стихотворных формах Сейфуллин творчески продолжал выработанные Абаем художественные приемы. Широко привлекая в стих ритмические формы народной речи, он учитывал изменения, происходившие в советскую эпоху в общей стилистической системе казахского поэтического языка.

Чеканностью, маршеобразным характером ритма выделяется стихотворение Сейфуллина «Біз — комсомол».

Біз-комсомол /жас қайратты,
Пролетар /табынан.
Біз шалғыншы /ұшқыр атты,
Алдыңғы /сабынан.

Бас қыздырып /даңғыл жолды,
Тура тұт /таяқты.
Оңды-солды, /оңды-солды,
Тіреп бас/аяқты⁶.

В каждом четверостишии восьмисложные строки сменяются шестисложными. Нечетные строки разделяются на группы по четыре слога, четные — по три. Благодаря необычному в казахской поэзии соединению столь разноструктурных строк стих получает звучание, не похожее на известные поэтические ритмы. Неожиданный переход к стиху с трехслоговыми ритмическими частями заставляет произносить слова с напряжением. Это — художественно оправданный ритмический перебой, создающий заметный эффект.

Ритмическое строение дает возможность отчетливой фразировки речи с ясным выделением отдельных слов, соответствующим призывному, жизнеутверждающему характеру общей тональности произведения.

Другое произведение поэта («Жас қазақ марсельезы») приближается своим маршевым ритмом к рассмотренному стихотворению. Размер его отличается строгостью формы. Стихотворение написано девятью- и двенадцатисложными

⁶ Сейфуллин С. Шығармалар, т. 2, 279-б.

стихами, состоящими исключительно из трех слоговых ритмических частей.

Сейфуллин ввел в казахскую поэзию также девяти-сложный стих этого ритма («От арба мен ақ төбет»). Сообразно с общей устремленностью произведения, развертывающегося как проникнутое лиризмом повествование, девятисложные стихи звучат более певуче. Эта широта и многогранность выразительного диапазона, присущая в той или иной мере любому стихотворному размеру, очень существенна с точки зрения понимания своеобразия той или иной формы стиха и должна всегда в достаточной мере учитываться, когда идет речь об особенностях ритма поэтического произведения.

Усиление акцентной выделенности слов, их ритмико-интонационной самостоятельности свойственно многим произведениям Сейфуллина, проникнутых страстным публицистическим пафосом. К числу их в первую очередь надо отнести такие крупные произведения, как «Советстан», «Альбатрос», характеризующиеся эпической широтой замысла.

В этих произведениях мы находим своеобразный синтез эпического и лирического начал. Эта поэтическая форма произведения подсказана стремлением выдвинуть острые, значительные проблемы эпохи, масштабно и широко охватить жизненные явления. Агитационность, злободневность, политическая страстность вносили в произведение лирическую струю, отличающуюся особым характером, присущим советской поэзии. В пафосе утверждения нового, в пафосе борьбы и дерзаний, глубоко пронизывающем «Советстан» и «Альбатрос», сказалось активно действенное начало, столь характерное для всего творчества Сейфуллина. Жизнеутверждающий, публицистический пафос Сейфуллин воплощает во всем интонационном строе стиха, в полном динамического движения ритме. Показательно, что в «Советстан» поэт ввел новую стихотворную форму, которую затем употребил в поэме «Альбатрос» и в других произведениях. Ритмический строй ее основан на разработке и своеобразном видоизменении одного из вариантов одиннадцатисложного стиха, а именно варианта с трехслоговым окончанием.

Этот вариант одиннадцатисложника, менее распространенный по сравнению с его основной формой, встре-

чаем в некоторых стихотворениях и самого Сейфуллина, например в «Қаралы күн»:

Еңбекші тап /бүгін ауыр/ жаралы,
Қан қызыл ту /бүгін қайғы/ қаралы.
Еңбекші тап/бүгін жалпы/қайғырып/
Ауыр хабар — /хатқа төніп/ қарады ⁶.

Все строки четверостишия имеют здесь одинаковое строение: две четырехслоговые ритмические части завершаются трехслововым окончанием. Поскольку трехслоговая часть строки занимает конечное положение, смена ритма заметно смягчена. Все это способствует строгому, несколько замедленному звучанию стиха. Плавное, ровное течение стиха вполне отвечало эпически величавому тону произведения Сейфуллина. Стиху, однако, не хватало энергии, динамичности. И вот в измененном виде размер принял следующую форму:

Бұрын атым — тұлпар еді, бәйгі көк,
Енді міне, поезд болды, тұлпар жок,
Ұзақ жолға
Тұлпар қол ма?
Мейлі жорға!
Тұлпар міну Сарыарқада жүрсен тек ⁷.

Поэт заменил в третьей строке конечную трехслововую часть четырехсложной, и этот стих, превратившийся в двенадцатисложный с тремя четырехслововыми частями, разложил на три строки. Было бы неверным сделать вывод, что новая форма получена поэтом простым, так сказать, техническим приемом. Видоизменение известного размера явилось, по существу, актом глубоко творческим, обогатившим эту форму новыми оттенками ритмической выразительности. Обновленная структура размера возникла в процессе осуществления идейно-художественного замысла как в наибольшей степени согласующаяся с приподнято ораторским тоном произведения. При разбивке данного одиннадцатисложного стиха на несколько строк замена трехслогового окончания четырехсложной частью происходит как бы произвольно. Она подсказывается необходимостью резко усилить напряженность, приподнятость ритмико-интонационного звучания стиха.

⁶ Сейфуллин С. Шығармалар, т. 1, 211-б.

⁷ Там же, с. 239.

Прерывистый, четкий ритм коротких четырехсложных строк поддерживается также синтаксической конструкцией предложений, построением фраз. Каждый отрезок речи, вынесенный в отдельную строчку, составляет чаще всего или короткую фразу, или же ритмико-синтаксически выделенную в качестве самостоятельной части предложения. Трехкратное повторение четырехсложного ритма подчеркивается и специальной рифмой, объединяющей эти строчки. Благодаря ритмико-интонационной обособленности этих коротких строк, довольно отчетливо выделяющихся в произведении, мы яснее ощущаем ритмическую пульсацию длинных строк, состоящих из четырехсложных частей и трехсложного окончания. Все это существенно меняет ритм одиннадцатисложного размера, придает звучанию стиха у Сейфуллина яркое своеобразие.

Существенно отметить, что эта новая форма одиннадцатисложного стиха, которая приобрела в произведении Сейфуллина вполне самостоятельное художественное значение и применяется также другими казахскими поэтами, несколько не отменяет основного варианта одиннадцатисложника, на котором она базируется, являясь его творчески преобразованной разновидностью.

Образование новой стихотворной формы путем творческого изменения структуры известного канонического размера, его модификации является неотъемлемой частью стихотворного новаторства Сейфуллина. Поэт умел видеть, какое неисчерпаемое выразительное богатство заключено в поэтическом языке, даже в самых обычных и простых ритмических построениях. Поэт стремился развернуть и полнее использовать возможности поэтической речи посредством тщательной обработки и гранения формы стиха. Достигнутое Сейфуллиным в этом отношении наряду с введенными им оригинальными размерами должно быть отнесено к лучшим завоеваниям современной казахской поэзии в области художественной и стихотворной формы.

К некоторым строфам в поэме «Советстан» Сейфуллин дает дополнительную концовку, вводя ритмически динамичные трехсложные строки. Например:

Айда, отарба аямай күш айдап бак.
Дөңгелегің зырылдасын тақ-тақ-так.
Шаңқан жарық
Шамға қарық

Болсын халық
 Электр жак, танбай айда жол ұзак.
 Жол ұзак,
 Отты жак
 Заулап бак
 Катты шап,
 Трат-тат-тат
 Трат-тат-тат
 Трат-тат ⁸.

Это — не самостоятельный ритм, наращение опирается на основной ритм стиха: оно перекликается с трехслоговым стиховым окончанием, оттеняет его, вносит в движение стиха стремительность и динамичность. Это строки-вставки помогают острее воспринимать проходящий через все произведение поэтический образ поезда-экспресса, быстрый ход которого символизирует победное движение страны, героически преодолевающей на своем пути все преграды.

Этого рода наращения-вставки имеются и в поэме «Альбатрос». Своеобразие их заключается в том, что слова, входящие в одну ритмическую часть стиха, в основном четырехслоговую, выносятся в несколько строк. К тому же подобраны большей частью односложные слова, лишь в отдельных случаях — двухсложные, которые по смыслу и интонационно-синтаксически подчеркнута обособлены, отделены друг от друга.

Подобные опыты Сейфуллина не всегда оправданы. В отдельных случаях набор таких коротких, в ритмико-интонационном отношении обособленных слов художественно в достаточной мере не оправдан и поэтому не отвечает требованию предельной простоты и ясности поэтической формы.

В поэме «Альбатрос» стихотворная форма, введенная Сейфуллиным в «Советстане», отличается лишь тем, что здесь каждый одиннадцатисложный стих разделен на две строки (четырёх- и семисложную):

Ленинизм —
 Білім, құрал-құрышы,
 Майдандағы
 Жұмыскер тап қылышы.
 Алмас қылыш,
 Өткір қылыш!
 Болат құрыш, —
 Алмасты ердің

⁸ Сейфуллин С. Шығармалар, т. 1, 241-б.

Жауды ондырмас ұрысы!
...Ленинсіз жыл,
Өтті тоғыз,, сегізі,
Ленинизм —
Мәңгі мұхит теңізі.
Туын ұстап,
Ленин — штаб,
Цека бастап,
Социализм
Салынды нық негізі⁹.

Многообразный, меняющийся ритм стиха полностью отвечает ораторской приподнятости, торжественности интонации, определяемой идейно-эмоциональной направленностью произведения — осознанием созидательной мощи народных масс, гордостью за свое участие в гигантских свершениях, осуществляемых партией и народом. В стихе и языке поэмы очень ярко отразились особенности ораторско-декламационного стиля современной казахской поэзии, в укреплении и развитии которого большая роль принадлежит Сейфуллину. Ораторское, проникнутое патристическим пафосом звучание слова, его исключительная смысловая весомость и соответствующая публицистическому, ораторско-декламационному стилю ритмико-интонационная обособленность — все это прибавляет стиху энергию, делает его богатым, выразительным.

Ритмико-интонационное выделение слов, разбивка стиха на ряд коротких строк, характерные для поисков в области стихосложения многих поэтов, были результатом стремления отойти от ровного напевного звучания стихотворной речи, сделать стих более упругим, гибким, усилить выразительность каждого слова. Эти опыты открыли путь для широкого внедрения в практику декламационного чтения стиха.

Другое дело, что в конкретной художественной практике некоторых поэтов имели место отдельные неудачи, как-то: неоправданное дробление стихотворной речи, излишний прозаизм. Не всегда достаточно полно учитывалось, что большее по сравнению с речитативно-напевным стихом приближение поэтической речи к разговорной во все не означает отказа от способов и приемов стихосложения, выработанных всем предшествующим развитием песенно-поэтической культуры народа, ни в какой мере не может вести к стиранию грани между стихом и прозой.

⁹ Сейфуллин С. Шығармалар, т. 2, 99, 127-б.

Тем не менее само направление этих исканий оказалось очень плодотворным. Поэтический опыт Сейфуллина ценен, в частности, тем, что разбивку поэтической строки на несколько более коротких стихов как способ усиления ритмической четкости речи он вносит в самую структуру стихотворного размера.

С повышенной экспрессивностью, эмоциональной насыщенностью речи связано частое употребление в произведениях Сейфуллина интонационной паузы, приобретающей заметную роль в усилении ритмического и интонационного звучания стиха. В этой связи характерно, что поэт в стихотворении «Ленин ордени» ввел новый размер, само построение которого дает возможность для использования подобной паузы. В нем двухсложное окончание, замыкающее строку, состоящую в основном из четырехсложговых групп, создает ощущение перемены ритма, вызывает смену темпа речи:

Адамзаттың бақытына —
Саты,
Аят, хадис уақытына —
Аты,
Бұл дүниенің пайғамбары —
Ленин,
Төмен таптың ой-айбары —
Ленин ¹⁰.

Слова, поставленные в конце стиха, не случайно вынесены в отдельную строку. Это графическое выделение внутренне оправдано: ритмическое стремление стиха таково, что первые две четырехсложговые части строки объединяются между собой более тесно, чем со стиховым окончанием. Благодаря этому двухсложное окончание стиха в ритмическом отношении получает особенную силу, чем в известной мере достигается подчеркнутая четкость ритма всего стихотворения. Выделение конечных слов усилено интонационно-синтаксическим построением поэтической речи. Эти слова следует выделять в произведении особо, они должны произноситься исключительно ясно и отчетливо.

Размер стихотворения «Ленин ордени» несколько напоминает по своему ритму народную игровую песню «Бір дегенім — білеу», в которой стих шести- и семисложный так-

¹⁰ Сейфуллин С. Шығармалар, т. 1, 206-6.

же имеет двухслоговое окончание. Но сходство здесь довольно отдаленное, так сказать, родовое. Он указывает на то, что поэт, создавая новые стихотворные размеры, неизменно опирался на откристаллизовавшиеся в народном сознании ритмические формы, творчески обогащая и развивая при этом поэтическую традицию.

Форма десятисложного стиха, употребляемая Сейфуллиным в «Ленин ордені», — творческое изобретение самого поэта. Оно заметно отличается от другого варианта десятисложного стиха, который состоит из строк с трех- и двухслоговыми группами и употребляется в современной казахской поэзии.

Создавая подобные размеры, Сейфуллин расширяет ритмику поэтической речи посредством введения новых способов сочетания слоговых групп в стихе.

Стихи Сейфуллина неизмеримо полнее и гораздо более гибко передают разнообразные оттенки живой речевой интонации. В стихотворении «Ендігі акынның сандырағы» поэт самими интонацией, синтаксисом передал напыщенность, нарочитую важность неровной, прерывающейся речи больного поэта. Верное художественное воспроизведение бессвязной речи поэта, находящегося в бредовом состоянии, дает возможность Сейфуллину со всей очевидностью выявить и показать узор субъективистского индивидуалистического мироощущения, которое было присуще некоторым писателям того времени.

Стихотворение Сейфуллина замечательно глубоким единством содержания и художественной формы. Стих звучит необыкновенно выразительно. Его размер близок к свободному стиху типа такпак. В стихе в различном порядке сочетаются главным образом трех-, четырехсложные, семи-, восьмисложные, а также одиннадцатисложные строки. Длинные строки имеют ритмическое деление по три и четыре слога. Эти основные, опорные строки сообщают стиху известную правильность и выдержанность ритма. Стих не имеет строго строфического деления. Можно говорить лишь о стремлении к объединению тех или иных групп строк в разнородные, но сами по себе вполне определенные строфы. В целом стихотворная форма произведения отмечена яркими чертами новаторства.

В современной казахской поэзии образцы такого рода стиха немногочисленны. Их вводил в своих произведениях Ильяс Джансугуров, ими пользуются и некоторые другие

поэты. Несомненно, разработка Сейфуллиным этой формы стиха имела немалое значение для обогащения казахской поэзии новыми средствами выразительности, образности.

Стихотворное новаторство Сейфуллина проявляется во всем творчестве, а не только в тех формах, которые изобретены и введены в поэзию самим поэтом. «Новизна, конечно, не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, распространением»¹¹. — писал В. В. Маяковский. Эти слова замечательного советского поэта способствуют правильному пониманию природы поэтического, стихотворного новаторства. Подлинное новаторство есть прежде всего новаторство содержания, основных творческих принципов. Оно выражается в органичном слиянии поэтической формы с содержанием, немыслимо без использования в полную меру всего богатства стиха, всех его жизнеспособных элементов.

Сейфуллин неизменно стремился к свободе интонационного движения стихотворной речи, ее ритмическому разнообразию. Его произведения, написаны ли они известным размером или же новым, созданным им самим, всегда звучат современно. В поэзии Сейфуллина казахский стих зазвучал богаче, с новой силой. Поэт достиг полной гармонии содержания и формы благодаря тому, что шел путем принципиального обновления всего арсенала изобразительных средств, обогащения стиля поэтической речи.

В современной казахской поэзии решительное преобладание над всеми видами стиха получили наряду с одиннадцатисложным стихом семи- и восьмисложные стихи различного строфического строения. Продолжая традиции народного художественного творчества, а также и традиции Абая, Сейфуллин своими произведениями сыграл большую роль во внедрении, утверждении этих форм в современной поэзии. Он значительно расширил способы их строфической организации и рифмовки. Из нововведений поэта в области рифмы заслуживает особенного внимания то, что он довольно широко применял в своих произведениях неточную рифму. Этот вид рифмы Сейфуллин часто строит на созвучии открытого и закрытого слогов:

¹¹ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. М., ГИХЛ, 1941, с. 216.

Арқаның кербез сұлу Көкшетауы,
Дамылсыз сұлу бетін жуған жауын.
Жан-жақтан ертелі-кеш бұлттар келіп,
Тұрады біліп кетіп есен-сауын ¹².

Работа Сейфуллина ценна еще и тем, что утверждала новаторство казахской советской поэзии, открыла пути для него в стихе и поэтике. В его творчестве отразились особенности современной поэзии в области стихосложения, воплотились важнейшие принципы и приемы обогащения стиха, обновления его выразительных средств.

Принципы ритмики, которые Сейфуллин внедрил в казахскую поэзию, находят прямое продолжение в творчестве И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Муканова и других поэтов.

И. Джансугуров ввел в казахскую поэзию ряд новых стихотворных форм. Отличительную черту их ритмики можно было бы прежде всего охарактеризовать как применение новых приемов сочетания в стихе слоговых групп. Это относится в первую очередь к таким произведениям поэта, как «Жастар», «Элеватор», «Саудагер тамашасы».

Выделяется некоторой необычностью ритмического строя и стихотворение Джансугурова «Мезгіл суреттері», которое восходит к четырехстрочному одиннадцатисложному стиху:

Жерің анау,
Жасыл жолақ кілемдей,
Желің мынау,
Жігіт айтқан өлеңдей.

Көңіл анау,
Той ғып жатқан ауылдай,
Күнің мынау
Елжіреген енендей ¹³.

Разделение каждого одиннадцатисложного стиха на две строки — четырех- и семислоговую — подчеркнута здесь сквозной рифмой, охватывающей все короткие стихи, а также синтаксически параллельным построением речи.

И. Джансугуров нередко дает свободную разбивку строк на части, как бы «вырывая» нужные слова из общего ритма:

¹² Сейфуллин С. Шығармалар, т. 2, 11-б.

¹³ Жансугуров І. Шығармалар. Алматы, 1958, 60-б.

Жасымаймыз,
 Қайрат қатты,
 Қайнаймыз.
 Ленин тірі,
 Ортасында
 Елінін,
 Дүниені
 Дүбірлетті
 Ойы,
 Сөзі,
 Ісі істеген
 Лениннің ¹⁴.

Выделение здесь слов «Ойы, сөзі, ісі...» в высшей степени соответствует интонационному нарастанию и придает поэтической речи большую силу воздействия. Этому же художественному заданию — подчеркнуть особенную значимость отмеченных слов — служит и пропуск четырех слогов в конце предыдущей одиннадцатисложной поэтической строки (размер стиха одиннадцатисложный), которые заменяются эмоционально насыщенной паузой; в данном случае поэт стремится к тому, чтобы самое ритмическое построение стиха помогало полностью ощутить разнообразие и богатство интонации поэтической речи.

Факты обращения к живым источникам народной поэзии, примеры глубокого проникновения поэта в особенности национальной формы поэтической культуры своего народа представляют собой стихотворения «Саясат қошқарлары» («Главари политики»), «Бүгінгі дала» («Сегодняшняя степь»), в которых используются ритмы, характерные для свободного стиха. То и другое произведение отличается разнообразием ритмической формы стихов. Но, с другой стороны, показательно, что если в первом стихотворении главенствующую роль с точки зрения метрики играют стихи из шести слогов, то второе стихотворение основано главным образом на восьмисложных ритмах (4+4).

Для характеристики некоторых сторон работы Джансугурова над стихом весьма интересны его переводы из русской литературы.

В стихотворении «Көшкі», являющемся переводом пушкинского «Обвала», И. Джансугуров воспроизводит

¹⁴ Жансугуров І. Шығармалар, 614-б.

сложную, своеобразную стихотворную структуру и рифмовку русского оригинала.

И. Джансугурову принадлежит заслуга внедрения в казахскую поэзию двух- и четырехстишной строф с парной рифмой. Использование этого вида рифмовки особенно интересно и в том отношении, что оно свидетельствует о внимательном изучении опыта русского стихосложения.

В своем переводе пушкинского стихотворения «Ворон к ворону летит» И. Джансугуров, следуя оригиналу, составляет стихи четверостишиями с парной рифмой. К форме двустийшей со смежной рифмой он обращается в стихотворении «Егінші жыры» («Песня хлебороба»).

Много сделал для разработки художественных средств казахского стихосложения Сабит Муканов. Поэтические опыты С. Муканова, направленные на поиски новых возможностей ритмической выразительности стихотворной речи, заслуживают пристального внимания. Они свидетельствуют, что в современной поэзии выразительные возможности казахского стихосложения стали еще более разнообразными. Поэт в высшей степени обладает чувством стихотворной формы, ритма поэтической речи, умеет найти в сокровищнице народного языка новые, замечательные по богатству и выразительности ритмические средства.

Касаясь вопроса о характере и направлении развития и обогащения поэтом стихосложения, необходимо сказать, что в творчестве Муканова весьма важную роль играет разнообразное использование чисто речевых средств ритмики. Новым в поэзии С. Муканова в отношении стихотворной формы является то, что поэт во многих произведениях добивается яркой интонационной и ритмической выделенности слов, составляющей одну из важных особенностей стихов, предназначенных для чтения и декламации.

Стремление поэта к экспериментаторству в области стихосложения, расширению ритмических рамок казахской поэзии особенно проявилось в его произведении «Жүйткі, қара айғырым» («Мчись, мой черногривый скакун»):

Қажымас қара айғырым
(Ұрпағың кең жайғырым).
Терісі — темір,
Сүйегі —

Болат,
шегі — сым,
демі —

От,
айғырым барында
Кімнен кем менің байлығым ¹⁵.

Весьма примечательно не только то, что, экспериментируя над казахским стихом, С. Муканов неожиданно изменяет ритм стиха; не в меньшей мере интересно, что при этом размер в основе своей сохраняется. Однако читать текст, соблюдая привычное ритмико-синтаксическое построение строк, неудобно, так как нарушается смысл. Изменение ритма поэт стремится осуществить, сохраняя размер. И этот отрывок текста читается с изменением привычного ритма:

Терісі — темір,
Сүйегі — болат,
шегі — сым,
демі — от...

Создается впечатление отступления от принятого размера.

Следует отметить, что подобное изменение ритма в этом произведении более не встречается (это относится и к другим произведениям поэта), но стремление придать отдельным словам и фразам большую интонационную самостоятельность ясно ощущается при чтении многих стихов этой поэмы.

Несколько необычное для стихотворной речи интонационное синтаксическое деление стихов, четкое выделение отдельных фраз, особо сильное звучание в них эмоционально-логических ударений, способствующие усилению прозаизма, простоты и многообразия поэтической интонации, составляют характерную черту многих стихов С. Муканова. Стремление ввести в поэзию некоторые свободные синтаксические конструкции, которые отличаются близостью к прозаической речи и в то же время обращают на себя внимание своеобразным, необычным построением, становится одной из характерных черт его поэтического стиля.

С отмеченными особенностями поэтического языка связан ряд художественных приемов, посредством кото-

¹⁵ Мұқанов С. Таңдамалы шығармалар. Т. 2. Алматы, «Жазушы», 1977, 176-б.

рых поэт разнообразит ритмику и интонационное движение стихотворной речи: разбивка стихов на отдельные части, употребление переноса, усиление ритмико-интонационной роли паузы и т. д. Среди них едва ли не наибольший интерес представляет перенос, когда слова, образующие единое смысловое сочетание, разрываются на границе, отделяющей один стих от другого.

Не будет преувеличением сказать, что установление принципа переноса в казахском стихосложении в значительной мере является заслугой С. Муканова. Выше приводились примеры переноса в семи- и восьмисложных стихах. Обратимся теперь к стихотворению С. Муканова «Майға сәлем» («Привет маю»), написанному одиннадцатисложным размером, в котором стремление к подчеркнуто прозаическому построению предложений и фраз в поэтической речи проявляет себя с большой силой. В стихах

Жер жібек, барқыт киіп,
Жасыл желек
Бүркенеді үйеңкі, терек, қайың¹⁶

сочетание «жасыл желек» по смыслу резко отделено от предыдущих слов в этой строке. Кроме того, оно ритмически отделено путем переноса и от предыдущих слов в этой строке, хотя «жасыл желек бүркенеді» («накинув зеленое покрывало») составляет единую фразу.

В следующем примере

Қош келдің!
Жансыздарға жан бер тербет!
Өсімдік, өзен, тоғай саған шөлдеп
Сағынды.
Завод, колхоз ішін кезіп,
Бұданда өс, өркенде, көркей, ер жет¹⁷—

слово «сағынды» в словосочетании «шөлдеп сағынды» («тоскуя ждет») сознательно отрывается от предложения и ставится в начале следующего стиха, чем интонационно-ритмически заметно выделяется. Очень важно и то, что новое предложение («завод, колхоз ішін кезіп») начинается здесь, как и некоторые предложения в других стихах, с середины строфы. Все это заметно меняет привычное звучание одиннадцатисложного стиха, позволяет добиться

¹⁶ Мұқанов С. Таңдамалы шығармалар, 118-б.

¹⁷ Там же, с. 119.

интонационного разнообразия поэтической речи, не нарушая при этом ритмического строя размера.

Одним из существенных новшеств поэта в области казахского стихосложения явилось также стремление поэта создавать ритмико-интонационное многообразие звучания стиха на основе усиления роли паузы.

— Жоқ! — дейді топтан біреу —
Тамақ, киім
— Бар.
Бұл кезде қарын тоқ, бүтін иін¹⁸, —

здесь слова «бар, бұл кезде», входящие в одну поэтическую строку, требуют по смыслу разделения их паузой, ибо первое из них завершает предыдущее предложение, а другие начинают новое.

Разбивка стихов в подобных примерах возникает свободно, неожиданно. И при этом, как и в других случаях четкого, сильного выделения отдельных фраз, очень заметно повышается роль эмоционально-логических ударений.

Последняя особенность стиха поэта очень ярко выразилась и в его стихотворении «Поэзия маршалы» («Маршал поэзии»), посвященном Маяковскому. Интонационная самостоятельность слов, нередко отделяемых друг от друга ощутимой паузой, желание во всем — в поэтической лексике, интонационно-синтаксическом построении предложений — в полной мере использовать возможности стиха декламационного склада, приподнятого ораторского стиля составляют достоинства поэтической формы этого произведения.

В своих произведениях С. Муқанов борется за то, чтобы сделать стих более живым, близким к разговорной интонации. Бесспорно, обогащение поэтического языка в таком направлении и умение сохранить при этом в полной мере гибкость, гармонию и звучность стихотворной речи представляют собой одну из трудных творческих задач. Подобные опыты удаются далеко не во всех случаях даже самым талантливым поэтам. Чрезмерное увлечение поисками нового в стиле и форме стиха имело место и у С. Муқанова, о чем впоследствии говорил сам поэт. Но неопценимое значение этих опытов С. Муқанова состоит в

¹⁸ *Муқанов С. Тандамалы шығармалар, т. 1, 146-б.*

том, что они открывают перед казахским стихосложением большие перспективы, новые возможности дальнейшего совершенствования ритмики и стихотворной техники поэзии. Если рассматривать их в целом, то мы вправе, имея в виду развитие казахского стихосложения в современных условиях, характеризовать их как явление, довольно характерное для нашей литературы. Несомненно, заслуживает пристального внимания та большая творческая изобретательность, которую проявил в этом отношении С. Муканов. Постоянно обращаясь в работе над совершенствованием и развитием формы стиха к богатейшему источнику его — народной речи, С. Муканов сумел раскрыть в своем творчестве новые возможности казахского поэтического языка.

Новаторская по своей направленности работа Сейфуллина, Джансугурова, Муканова над стихом, продолжаемая другими поэтами, свидетельствует, что казахский стих может развиваться, совершенствуя свой сложившийся ритмический строй. Дальнейшее усиление в поэтической речи разговорной интонации способствует новому развитию глубоко самобытных, своеобразных черт казахского стиха, их обогащению.

В современной казахской литературе в связи с интенсивным развитием многочисленных жанров и форм профессиональной письменной поэзии стало возможным использование самых разнообразных по характеру форм стиха, расширилась сфера употребления стихотворных размеров, возникли условия для дальнейшей разработки строфики, рифмовки, внедрения новых строфических форм и способов рифмовки, для широкого употребления таких ритмико-интонационных и ритмико-синтаксических средств, как пауза в середине стиха, перенос и других приемов, основанных на несовпадении ритмического и синтаксического членения стихотворной речи, и т. д.

Большое значение для развития казахского стихосложения имеет и поэтическая деятельность писателей Б. Майлина, А. Тажибаева, К. Аманжолова, Т. Жарокова, Г. Орманова, Х. Ергалиева, Х. Бекхожина, С. Мауленова, Дж. Мулдагалиева, М. Алимбаева, И. Мамбетова, М. Макатаева и др. В произведениях этих поэтов встречаются многочисленные примеры обновленного использования стихотворных форм, применения новых строфических форм и способов рифмовки.

Современные поэты нередко обращаются к ритмам свободного стиха, имеющим в казахской поэзии давнюю поэтическую традицию. Значительных успехов в развитии своеобразных черт этого стиха достиг, например, поэт А. Токмагамбетов, создавший яркие произведения басенного жанра. Заслуживают внимания в этом отношении поиски С. Сейфуллина, И. Джансугурова, Б. Майлина, Д. Абилева, А. Сарсенбаева, Х. Бекхожина, А. Тажибаева, С. Мауленова, Ф. Унгарсыновой, Т. Мулдагалиева и др. В качестве примера можно назвать также стихотворения «Айтшы, теңіз, сырынды» Д. Абилева, «Мазасыз Украина түні» А. Сарсенбаева, «Құрдасқа» А. Тажибаева, «Арабат ұлына» Х. Бекхожина, «Адам өлмейді» С. Мауленова, «Коммунист» Ф. Унгарсыновой.

Использование форм свободного стиха (верлибра) в казахской поэзии, в которой употребляются размеры, строго соблюдающие слоговой ритм, может показаться неожиданным, более того, совершенно противоречащим самому духу силлабизма, характерному для казахского стихосложения. Однако изучение образцов свободного стиха в казахской поэзии подтверждает, что он по-своему опирается на некоторые элементы силлабического стиха. В нем так или иначе используются как стержневые моменты уже устоявшиеся в национальной поэзии ритмические формы, хотя строки, имеющие определенную ритмическую структуру, свободно варьируются и даются в сочетании со строками совершенно других типов. Кроме того, имеются некоторые ритмические структуры стихотворных форм с характерным интонационно-синтаксическим построением, которые очень часто встречаются в свободном стихе и которые прежде употреблялись в некоторых жанрах казахской народной поэзии. В свободном стихе рифма используется неизменно, нередко употребляется и деление стихов на строфы. Формы свободного стиха заметное развитие получили в современной поэзии, обогатилась его ритмика. Это объясняется, по-видимому, тем, что свободный стих дает возможность с большой непосредственностью воспроизводить в стихотворном произведении оттенки разговорной, речевой интонации.

Следует отметить, что стремление приблизить стихотворную речь к живой разговорной, речевой интонации — общая тенденция современного казахского стиха, в которой ранее были сильны традиции напевности, речитатив-

ности исполнения стиха. Это явление характерно для поэтического искусства также и других народов СССР, в литературе которых до революции были сильны устные традиции. И в настоящее время формы профессиональной поэзии усиленно развиваются. Стремление к максимальному воссозданию ритмико-интонационных особенностей живой речи в современной поэзии не должно вести к полному отказу от применения строго соразмерных форм, которые закреплены богатой литературной традицией, как это имеет место в казахской поэзии и в поэзии некоторых других народов Средней Азии. Ритмику свободного стиха в казахской поэзии было бы неправильно противопоставлять силлабическому строю общеупотребительных стихотворных форм, представлять их как взаимоисключающие друг друга. На самом деле в свободном стихе в несколько своеобразной форме проявляется общая тенденция стихотворной речи — стремление к сочетанию размеренности и гибкости, к ритмическому разнообразию, к живости, непосредственности интонации.

В наше время в казахской поэзии стихотворное новаторство становится все более широким и многогранным, все полнее и глубже охватывает самые различные стороны ритмики интонационно-синтаксического строя поэтической речи. В лучших произведениях видных мастеров поэзии разносторонне выявляются новые свойства казахского стихотворного языка, творчески претворяются богатые выразительные возможности языка поэзии.

Современная казахская поэзия дает богатый материал для изучения проблем стиха. Всестороннее освещение проблем казахского стихосложения, особенно современного стиха, требует усилий многих специалистов, и не только ученых-литературоведов, а также поэтов и критиков, языковедов и искусствоведов.

Предметом отдельного исследования может стать, например, изучение рифмы и строфы в казахской поэзии. Большой интерес могла бы представлять детальная разработка эпического стиха в связи с поэтикой эпоса.

Заслуживает специального исследования стих многих талантливых современных поэтов. При этом, возможно, целесообразнее ставить вопрос шире — о поэтическом стихотворном мастерстве того или иного поэта в целом. Некоторые вопросы современного стиха, пожалуй, пло-

дотворнее изучать прежде всего в плане литературно-критическом и идти к обобщающим теоретическим исследованиям после накопления фактов, их тщательного анализа.

Специального изучения требуют также вопросы стихосложения в связи с проблемой поэтического перевода. Расширять разработку этой темы можно, кроме того, в направлении углубления вопросов поэтической интонации, поэтического синтаксиса.

Достигнутые успехи в области изучения казахского стихосложения, как и общих теоретических проблем, несомненно, послужат основой для творческих исследований по казахскому стихосложению, вызовут обмен мнениями, научные споры и явятся тем самым отправным пунктом для дальнейших исследований.

КАЗАХСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Литературоведческая наука может правильно определить свои задачи лишь при условии, если она будет в полной мере учитывать теснейшую связь современной литературы с жизнью советского народа. Основные направления исследований, главные проблемы и темы, разрабатываемые казахским литературоведением, как и литературоведением любой из национальных республик, теснейшим образом связаны с общими проблемами советского литературоведения и определяются потребностями развития единого многонационального литературного процесса в нашей стране, задачами, стоящими перед советской литературой на современном этапе коммунистического строительства, вытекающими из решений XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Решения съезда, как и другие важнейшие партийные документы, воплощают в себе коллективный разум партии, созидательный опыт народа. И не только для творческой деятельности наших писателей, но и для литературоведения, исследователей литературы имеет исключительно важное значение глубокое понимание важнейших процессов современности. Ибо детальное изучение путей формирования духовной культуры развитого социализма невозможно без правильного понимания природы и отличительных особенностей развитого социалистического общества. Изображение современного человека в литературе неразрывно с пониманием социалистического образа жизни.

Глубокое осмысление национального литературно-художественного опыта в тесной связи с художественной

практикой всей многонациональной советской литературы в свете современных задач — одно из важнейших условий успешного развития казахского литературоведения.

Литературоведческой наукой в Казахстане достигнуты значительные успехи, накоплен немалый опыт. Интересы дальнейшего развития литературоведения в соответствии с новыми задачами требуют изучения и обобщения этого опыта, вызывают необходимость подведения итогов разработки узловых проблем с тем, чтобы наметить пути дальнейшего их изучения. Поэтому является актуальным обсуждение общих тенденций и перспектив развития науки, а также ее методологических принципов. Без этого трудно правильно определить основные направления исследовательской работы на новом этапе развития науки, наметить важнейшие аспекты исследований.

Попытка охватить единым взором весь процесс развития литературоведения в республике весьма затруднительна. Начало систематического изучения казахского литературно-художественного творчества было положено еще в дореволюционную эпоху и заключалось в основном в сборе и публикации образцов устно-поэтического творчества и произведений поэтов и певцов, осуществлявшихся усилиями отдельных деятелей казахской культуры, а также русских ученых-востоковедов.

Особенно следует отметить таких ученых, как В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, К. Н. Березин, Н. Н. Пантусов, П. М. Мелиоранский, Н. И. Ильминский, А. В. Васильев, А. Е. Алекторов. Огромное значение имела деятельность казахских просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина, а также неутомимого собирателя фольклора А. Диваева. В казахском литературоведении, в многочисленных трудах по литературоведению, в том числе обобщающего характера, по достоинству оценивается важное значение этой огромной собирательской работы. Имеются отдельные исследования, а также научные издания текстов. Задача состоит в том, чтобы расширить изучение, исследование деятельности этих ученых, подготовить и осуществить более полные издания фольклорных текстов, собранных ими.

За годы Советской власти достигнуты значительные успехи не только в собирании, но и в издании произведе-

ний народного поэтического творчества. Работа по собиранию и изданию произведений устно-поэтического творчества певцов и поэтов, как и издание произведений современных писателей, проводилась планомерно, в больших масштабах. Заметно продвинулось вперед научное изучение казахского фольклора и истории казахской письменной литературы, которые превратились в самостоятельные отрасли науки. Становление и развитие критики и литературоведения в республике прежде всего определялись потребностями бурно развивающейся казахской социалистической литературы, проблемами изучения и осмысления ее насущных проблем. С задачами строительства новой, социалистической культуры неразрывно связана необходимость марксистско-ленинского взгляда на литературное наследие.

Руководствуясь ленинским принципом партийности литературы, ленинским учением о двух культурах в каждой национальной культуре прошлого, казахская литературная критика и литературоведение добились значительных успехов в разработке важнейших проблем казахской современной и дореволюционной литературы.

Литературоведами Казахстана написано и опубликовано большое количество статей и исследований, монографий, посвященных отдельным вопросам истории литературы и современного литературного процесса, творчеству видных поэтов, писателей. Созданы многочисленные учебники и учебные пособия для школ и филологических факультетов вузов республики. Издан ряд крупных коллективных трудов, имеющих обобщающий характер как по казахской советской, так и по дореволюционной литературе и народному устно-поэтическому творчеству.

Большой вклад в развитие казахского литературоведения внесли М. Ауэзов, С. Сейфуллин, С. Муканов, Х. Джумалиев, Е. Исмаилов, М. С. Сильченко, Г. Мусрепов, А. Маргулан, М. Каратаев, Н. С. Смирнова, Б. Кенжебаев и др. Некоторые из этих исследователей явились зачинателями литературоведческой науки в республике, активно способствовали становлению целого ряда научных направлений, составивших отдельные ветви современного казахского литературоведения. Так, например, с именем Мухтара Ауэзова связаны наиболее значительные успехи в изучении жизни и творчества Абая Кунанбаева, становление ряда направлений в на-

шей фольклористике, развитие таких важных отраслей литературоведения, как изучение русско-казахских литературных связей, литератур народов СССР и т. д.

Разработке проблем современной литературы посвящены труды литературоведов Т. Нуртазина, А. Тажибаева, С. Кирабаева, М. Базарбаева, Б. Шалабаева, А. Шарипова, Р. Бердибаева, З. Кабдолова, М. Дюсенова, Т. Какишева, Х. Адибаева, М. Хасенова, Б. Наурызбаева, А. Нуркаторова, Н. Габдуллина, А. Нарымбетова, Ф. Оразева, М. Атимова, Р. Нургалиева и др.

Вопросы истории литературы, фольклористики и литературных связей освещаются в работах И. Дюсенбаева, М. Габдуллина, А. Конратбаева, М. Фетисова, Е. В. Лизуновой, Л. Ауэзовой, И. Габдирова, К. Кереевой-Канафиевой, А. Дербисалина, Ш. Сатпаевой, Б. Уахатова, Х. Суюншалиева, М. Божеева, Т. Сыдыкова, С. Сеитова, О. Нурмагамбетовой, С. Каскабасова, Е. Турсунова, М. Магауина, Р. Камысова и др.

Многие из литературоведов и критиков пишут как на казахском, так и на русском языке. Всем им доступны исследовательские работы на русском языке.

В разработке проблем казахского литературоведения наряду с профессиональными литературоведами и критиками, преподавателями вузов активно участвуют многочисленные представители интеллигенции, учителя средних школ и др.

Огромное значение для изучения литератур народов СССР, в том числе тюркоязычных литератур, имеет русский язык, русская литература, богатый опыт русского литературоведения. Можно без преувеличения сказать, что молодая литературоведческая наука в Казахстане, как и во многих других республиках, сложилась под непосредственным воздействием русского литературоведения.

Казахские литературоведы опираются на богатый опыт русской литературной науки, осуществляют разработку вопросов литературы в тесном контакте с литераторами всех республик Советского Союза.

Для развития казахского литературоведения имеют существенное значение труды видных советских ученых, в которых освещаются общие проблемы советской литературы или затрагиваются те или иные вопросы казахской литературы (В. М. Жирмунский, Г. Ломидзе,

З. Кедрина), а также работы многих крупных исследователей литератур советских республик, в том числе украинских, белорусских, узбекских, татарских, таджикских, азербайджанских, киргизских, туркменских авторов.

Необходимо и впредь творчески использовать достижения русского советского литературоведения, русской филологии, используя в качестве образца лучшие труды видных советских литературоведов. Следует расширять обмен опытом между литературоведами — представителями всех народов нашей страны.

Необходимо также отметить немаловажную роль ценных высказываний видных советских писателей, касающихся тех или иных явлений казахской литературы.

Как отмечалось выше, казахские литературоведы провели огромную работу по изучению богатейшего литературного наследия. Тем не менее наряду с достижениями имеются еще нерешенные проблемы.

В работах историко-литературоведческого плана порой недостает четкости конкретно-исторического анализа явлений литературы. Задача заключается в том, чтобы вести дальнейшую более углубленную разработку истории дореволюционной казахской литературы в тесной связи с историей народа, с освободительной революционной борьбой народов России. Еще не завершена полностью работа по выработке целостной концепции процесса исторического развития казахской литературы в дореволюционную эпоху, охватывающей все основные этапы истории народа. Целый ряд представителей литературы прошлого, оставивших довольно внушительное творческое наследие, еще не получили должной, достаточно определенной оценки. Разумеется, здесь неуклонно должен соблюдаться принцип классового подхода к литературе прошлого. Изучение всей дореволюционной литературы, всего устно-поэтического творчества, равно как и современной литературы, должно быть подчинено современным задачам.

В работах литературоведов Казахстана довольно обстоятельно освещены многие вопросы, связанные с развитием современной казахской поэзии, прозы и драматургии. Немало сделано литературоведами в разработке проблем интернациональных черт и национального своеобразия современной казахской литературы,

традиций и новаторства, развития метода социалистического реализма в казахской советской литературе.

Эпическая проза — ведущий жанр советской казахской литературы. Естественно, что творческий путь и произведения ведущих писателей-прозаиков не раз являлись объектом исследования.

В некоторых литературоведческих трудах казахских авторов дается анализ внутренней структуры изучаемых произведений казахской прозы, подробно рассматривается идейно-художественная функция сюжета, характеров, конфликтов, композиции, изображения типических обстоятельств.

К числу теоретических вопросов, разрабатываемых на основе привлечения фактов и явлений казахской литературы, следует также отнести проблему положительного героя и его эволюцию в современной казахской литературе, некоторые вопросы диалектики мировоззрения и творчества писателя в произведениях казахских прозаиков, вопросы об исторической правде и художественном вымысле в произведениях эпической прозы.

В работах многих литературоведов, изучающих литературный процесс последних лет, подчеркивается тяготение казахской прозы к монументализму, стремление ее к психологизму, передаче диалектики души современного человека.

Заметные успехи достигнуты в изучении проблем поэтики, теории стиха, а также проблем, связанных с изучением языка, жанровой, композиционной структуры произведения.

В литературоведческих трудах различного рода так или иначе освещаются или затрагиваются такие вопросы поэтики, как своеобразие жанровых форм в литературе, композиция в поэтических произведениях, композиционно-сюжетная структура в эпических жанрах, в том числе в произведениях крупной прозы, проблемы поэтической образности языка, поэтического стиля и поэтического синтаксиса, ритмико-интонационного и звукового построения стихотворной речи и т. п.

Изучение общетеоретических проблем, в том числе вопросов поэтики на основе фактов и явлений той или иной национальной литературы, является актуальной задачей литературоведения. Это важно как с точки зрения общей теории литературы, так и в плане изучения

национального живого историко-литературного процесса. Рассмотрение национальной литературы в свете общих проблем теории литературы и поэтики особенно важно потому, что дает возможность для широкого осмысления национального историко-литературного процесса в тесной связи с литературами других народов, с общесоветским литературным процессом.

Изучение и обобщение путей развития любой национальной литературы, имеющей богатые традиции, значительные достижения, несомненно, дают ценный материал для широкого осмысления многих общих проблем поэтики, важных для дальнейшего развития всей нашей многонациональной советской литературы.

Круг проблем, охватываемых поэтикой, весьма широк. Сюда входят многие вопросы, связанные с особенностями современного литературного процесса, весьма богатого и многопланового. Анализ современной литературы в теоретическом аспекте тесно связан и опирается на достижения литературной критики и результаты историко-литературных исследований.

При изучении современной поэзии очень важно видеть тематическое и стилевое многообразие лирической поэзии, особенно последних лет, новизну художественного мышления, характерную для лучших образцов поэзии.

Значительное место уделяется вопросам литературных связей, например, взаимосвязей казахской литературы с украинской, белорусской, узбекской, киргизской, татарской, туркменской, азербайджанской и другими литературами.

Исследование русско-казахских литературных связей представляет собой самостоятельную отрасль литературоведения. Этой проблеме посвящены статьи крупных специалистов, многие докторские и кандидатские диссертации, сотни различных статей. Тем не менее эта важная отрасль науки нуждается в дальнейшей глубокой разработке.

Более углубленного изучения требуют также взаимосвязи казахской литературы с литературами народов Советского Востока, народов Средней Азии, узбекского, азербайджанского, киргизского и других тюркоязычных народов.

Казахское литературоведение все более руководст-

вуется той непререкаемой истиной, что нельзя изучать творчество отдельных писателей вне историко-литературного процесса, а национальный литературный процесс — вне культурного развития других народов. Большое значение для глубокого понимания процессов развития современной литературы имеет выдвинутое партией теоретическое положение о советском народе как новой исторической общности. Оно весьма важно с точки зрения дальнейшей разработки проблемы единства, взаимосвязи и взаимодействия народов СССР, понимания того, как реально осуществляется этот процесс в современных условиях.

Анализ произведений современной литературы необходимо давать в тесной связи с такими важнейшими общими проблемами, как изображение характера современного человека, которое отражает социалистический образ жизни, обогащение интернациональных черт в казахской литературе, составляющее одну из важнейших тенденций жизни советского народа как новой исторической общности.

Большим достижением советского литературоведения в научном изучении литератур народов СССР явилось создание шеститомного обобщающего труда «История советской многонациональной литературы», в котором освещены основные вехи и главные тенденции развития национальных литератур за 60 лет, прошедших после победы Великого Октября, и в написании которого приняли участие многие виднейшие литературоведы нашей страны. Плодотворный опыт составления этого коллективного труда необходимо полностью учитывать в новых работах, в том числе в исследованиях, посвященных конкретным темам. Многие факты, явления, излагаемые в работе, посвященной одной национальной литературе, сходны с фактами и явлениями в других литературах, поэтому, освещая литературные явления, следует чаще обращаться к фактам из литератур других народов. Литературоведы в этом отношении, пожалуй, все еще недостаточно оперативны. Отчасти это объясняется трудностью привлечения материалов нескольких литератур, а также сложностью анализа произведений, написанных на различных языках.

В определенный период времени в работах литературоведов художественное произведение нередко рас-

смаatrивалось как простая иллюстрация к событиям исторической, социальной жизни. В отдельных литературоведческих трудах такая упрощенная интерпретация литературных произведений встречается и до настоящего времени.

Порой теоретическое оснащение даже в солидных работах осуществляется в основном в форме довольно обильного цитирования отдельных трудов, без обстоятельного освещения сути самой проблемы. С другой стороны, обращает на себя внимание слабость источниковедческой базы некоторых историко-литературных исследований.

Сейчас остро стоит вопрос о необходимости создания фундаментальных трудов, работ обобщающего характера. Необходимо определить критерии фундаментальности в филологических науках. Становится все более очевидной и потому не требует особых доказательств та истина, что фундаментальность исследования нельзя понимать как объемность книги, как широту тематики. Следует выдвигать более четкие критерии определения важности, научной и практической ценности трудов. Разумеется, трудно выработать требования, единые для всех историко-литературных, теоретических, текстологических работ. Однако несомненно, что, когда речь идет о важности, фундаментальности исследования литературоведов, мы должны иметь в виду прежде всего широту замысла, глубину исследования, проблемность и научно-теоретический уровень работы, оснащенность ее ценными материалами, новизну решения проблемы.

При определении ценности, значительности научных трудов во главу угла мы должны ставить, руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, актуальность проблематики освещаемых вопросов, их органичную связь с практикой, с задачами коммунистического строительства на современном этапе.

История литературы, народное устно-поэтическое творчество, особенно современный литературный процесс, насыщены разнообразными фактами, здесь имеет место множество сложных явлений. Перед литературоведом, изучающим историю литературы или современную литературу, возникает необходимость охватывать очень большой круг литературных явлений и фактов, ибо без этого невозможны какие бы то ни было обобщения и выводы. В

то же время столь же важно сосредоточить внимание на важнейших особенностях литературного процесса. Сочетать и то и другое нелегко, но необходимо.

В казахском литературоведении мы встречаем разнообразные сложившиеся в литературоведческой практике типы исследований: монографии, обобщающие труды (история литературы, очерки), работы, посвященные отдельным жанрам, проблемам, писателям, литературно-критические, историко-литературные, текстологические и т. д.

Дифференциация науки и процесс обособления целого ряда научных дисциплин внутри литературоведения — явление закономерное, оно характерно и для литературоведения Казахстана. Это обстоятельство также способствует изучению частных тем, диктует необходимость детального, скрупулезного анализа множества конкретных фактов, исследования узкофилологических вопросов. Нередко, чтобы охватить все разнообразие литературных явлений, произведений, творческих индивидуальностей, исследователи выдвигают большое число частных, мелких тем. Мелкотемье, многотемье не только ведут к распылению научных сил на решение множества разрозненных, сравнительно небольших тем. Такая практика, когда каждый работает над своей узкой темой, порождает склонность к индивидуализму в научном творчестве, узость кругозора, интересов. Исследователь порой не ощущает больших, магистральных, более общих проблем науки. Интересам общества, интересам развития науки следует подчинить личные интересы отдельных научных сотрудников, «местные» интересы научного учреждения.

Необходимо шире развернуть теоретическое, проблемное изучение явлений литературы, развивать теоретические аспекты исследований. Это очень важно для литературоведческой науки в Казахстане, как и в ряде других наших республик, где теоретические направления получили развитие сравнительно недавно и теоретические работы составляют незначительную часть в общем потоке литературоведческих и литературно-критических работ.

Есть все основания утверждать, что ныне принципы научно-теоретического, проблемного подхода к изучению явлений литературы все более ощутимо утверждаются в литературоведческих трудах, посвященных самым разным вопросам литературы. Однако это не отменяет необходимости увеличения числа трудов, специально посвященных

теоретическим проблемам. Напротив, важно усилить разработку теоретических аспектов исследования литературы, превратить теоретические исследования в самостоятельную отрасль науки, что, несомненно, благотворно скажется на развитии литературоведения в целом, будет способствовать повышению научно-теоретического уровня исследований, имеющих самый различный характер и направленность.

Разумеется, не может быть и речи о каком-то противопоставлении теоретических работ и историко-литературных трудов или же о противопоставлении теории литературы литературной критике. Опасения этого рода лишены всякого основания. Противопоставление друг другу, скажем, теории литературы и литературной критики было бы так же беспочвенно, как, например, противопоставление поэзии и музыки или поэзии и прозы. Совершенно ясно, что каждый из этих видов литературы и искусства имеет свои преимущества перед другими, уступая им в чем-то в силу своей специфики. Литературоведение и критика неразрывно связаны, взаимно обогащают друг друга. Дальнейшее развитие литературоведения, в том числе углубление его теоретических аспектов, возможно лишь при условии успешного развития литературной критики.

Литературоведам следует чаще обращаться к трудам обществоведов. Советский народ как новая историческая общность, социалистический образ жизни, духовные ценности развитого социалистического общества, диалектика соотношения национального и интернационального — эти и другие важнейшие проблемы современности разрабатываются философами, социологами, историками.

Необходимо значительно расширить круг идейно-эстетических и художественных проблем, выдвигаемых нашими литературоведами при изучении современного литературоведческого процесса. Вместе с тем следует сосредоточивать силы на самых актуальных направлениях исследований, вести разработку проблем целеустремленно, накапливать материал для новых обобщающих капитальных трудов (очерков по истории литературы) и крупных монографий, посвященных важным проблемам, творчеству видных деятелей литературы.

В литературоведческих трудах очень важно глубже и полнее раскрывать интернациональные черты национальных литератур советских народов, единство общесоюзного

литературного процесса. Проблематика научных исследований в области литературоведения должна быть теснейшим образом связана с задачами идеологической борьбы на современном этапе.

Казахское литературоведение имеет свои сложившиеся направления, располагает, как уже отмечалось, значительным контингентом исследователей. Достигнутые успехи литературоведения, в целом довольно высокий общий уровень литературоведческой и литературно-критической мысли, освещение в имеющихся работах целого ряда проблемных теоретических вопросов — все это создает достаточные предпосылки для перехода к новому, более высокому этапу развития литературоведения в соответствии с задачами, которые выдвинуты перед литературной наукой и литературной критикой в современных условиях историческими решениями XXV съезда КПСС и XIV съезда Компартии Казахстана.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Абай Кунанбаев 6, 7, 11—47,
67—69, 72—79, 85—95, 97, 98,
100—105, 107—113, 180, 181,
189, 197—202, 226, 239, 273,
283, 284, 286, 288, 296
«Азим» 78
«Восьмистишья» 18, 22
«Вот и старость — сбыться
мечтам не дано» 18
«Вот и старость — скорбны
думы, чуток сон» 18
«Измучен, обманут я всеми
вокруг» 18
«Искандер» 30, 73, 74, 75, 78
«И ты думаешь, будто я хладен
и нем» 58
«Как сберутся на совет» 30
«Масгуд» 30, 62, 63, 64, 68, 69,
73, 78
«Назидания» 109
«Наконец волостным я стал»
28, 30
«Наших множество детей» 20
«Не для забавы я слагаю
стих» 26
«Не хвастай — коль не учен» 21
«Ночь без ветра и светлая
луна...» 24
«Ноябрь — преддверие
зимы» 24
«О, казахи мои» 18
«Осень» 24
«О, сердце, свой жар остуди» 15
«Поэзия — властитель язы-
ка» 25

«Птицы — мысли во всех на-
правлениях летят» 27
«Разве не должен, мертвый,
я глиной стать» 27
«Управитель начальству рад»
16, 30, 108
«Что ты ищешь, моя душа» 24
«Что чувствуешь, сердце мое» 24
«Адамның кейбір кездері» 45,
47, 48, 105, 111
«Ал сенейін, сенейін» 39, 40,
104, 105
«Біреудің кісісі өлсе, қаралы-
ол» 105
«Ғашықтық іздеп тантыма» 53
«Жүректе көп қазна бар, бәрі
жақсы» 56, 57
«Күлімсіреп аспан тұр» 42, 43
«Күнді уақыт итеріп» 48, 49
«Қайтсе жеңіл болады жұрт би-
лемек» 50, 51
«Қасиетті дұға» 111
«Құлақтан кіріп бойды алар»
36, 37
«Мен жазбаймын өленді ермек
үшін» 105
«Мен көрдім ұзын қайың құла-
ғанын» 59, 60
«Ой» 111
«Өлең — сөздің патшасы, сөз
сарасы» 105
«Рахат, мені тастап қоймадың
тыныш» 54
«Сұрғылт тұман дым бүркіп» 62
Абдуллин Х. 183

«Земляки» 183
 «Под небом Турана» 183
 Абдурахманов М. 183
 Абетов Г. 62
 Абилов Д. 114, 141, 154, 182, 219, 303
 «Сердце Алтая» 141
 «Слово о Ленине» 156
 «Айтшы теңіз, сырынды маған» 303
 Абишев А. 213
 «Дружба и любовь» 214
 Адиебаев Х. 230, 309
 Азербайев К. 124
 Айбек 176
 «Айман-Шолпан» 189
 Айни С. 176, 229
 Айтиев А. 192, 208
 Айтматов Ч. 176
 Алдабергенов С. 214
 «Обновление» 214
 Алексеев М. П. 69
 Алимбаев Д. 124
 Алимбаев М. 114, 156, 302
 «Мой Казахстан» 167
 Алимжанов А. 161, 176, 218, 231
 «Стрела Махамбета» 218, 231
 Алимкулов Т. 114, 213
 «Белый конь» 213
 «Алпамыс» 189
 Алтайский К. Н. 180, 245
 «Джамбул, сын Джабая» 180, 181
 Алтынсарин И. 12, 13, 85, 97, 98, 113, 189, 307
 Аманжолов К. 80, 114, 115, 154—156, 182, 241, 261, 264, 302
 «Вышли в поле колхозники» 154
 «Казахстан» 155
 «Легенда о смерти поэта» 261
 «Наш дастан» 155
 «Песня доярки» 155
 «Песня молодости» 155
 Андреев Н. А. 72
 Анов Н. И. 178, 180
 «Ак-Мечеть» 180
 «Крылья песни» 180
 Анский Б. И. 56
 Аристотель 31, 77
 Атимов М. 230, 309

Ауэзов М. О. 11, 13, 16, 17, 34, 63, 64, 78, 80, 95, 96, 102, 112—114, 147, 148, 159, 160, 171, 174—176, 177, 180—184, 197, 199—203, 212, 213, 215, 222, 224, 227, 229, 230, 231, 238, 249, 273, 274, 308
 «Племя младое» 202, 203, 213
 «Абай» 197
 «Путь Абая» 95, 159, 177, 184, 197—201, 224, 231
 Ауэзова Л. М. 309
 Ахметбеков К. 214
 «Седая степь» 214
 Ахметбеков Н. 124, 127
 Ахтанов Т. 161, 173, 176, 231
 «Буран» 213
 «Грозные дни» 210, 231
 Ахундов М. Ф. 114
 Бажан М. 176, 278
 Базарбаев М. 273, 309
 Байганин Н. 124
 Байзаков И. 124, 132, 139, 180, 262
 «Бай и красноармеец» 129
 Баймагамбетов К. 127
 «Властитель» 127
 Бакбергенов С. 210, 213
 «Кентау» 214
 «Человек и тень» 213
 Бакиров М. 277
 Бахтиязов И. 183
 Бахтия И. 183
 Бедный Демьян 173
 Бейсов Т. 169
 Бекежанов Н. 124
 Бекимов М. Н. 79
 Бекхожин Х. 80, 81, 114, 154, 183, 240, 302, 303
 «Великий перевал» 81
 «Арапат ұлына» 303
 «Арапат улына» 303
 Белинский В. Г. 18, 29, 47, 85, 86, 97, 100—107, 160, 187, 239
 Белослюдов А. Н. 112
 Бельгер Г. 183
 «В Алма-Ате» 183
 Бердибаев Р. 230, 309
 Березин И. Н. 307
 Бертельс Е. Э. 73
 Бетховен Л. 171

- Бимбоэс А. 95
 Богаранский И. 36
 Божеев М. 308
 Бокин Т. 126, 191
 Брагинский И. С. 231
 Брежнев Л. И. 160, 161, 163, 165, 185
 Бродский Д. 27
 Брюсов В. 277
 Бунин И. А. 17
 Бусаков Дж. 183
 «Водоворот» 183
 Быков В. 176
 Валиханов Ч. Ч. 6, 12, 13, 85, 86, 97, 98, 113, 180, 307
 Варкентин И. 183
 «Казахстан» 183
 Васильев А. В. 307
 Васильев П. Н. 179
 Введенский Арс. И. 56
 Вебер Р. 183
 «Караганда» 183
 Веселовский А. Н. 95
 Вургун С. 176
 Габдиров И. Х. 169, 309
 Габдуллин Н. 309
 Гамзатов Р. 166, 176
 Гатов А. 19, 24
 Гиппиус Е. В. 62
 Гладков Ф. 173
 Глинка М. И. 17, 61
 «Иван Сусанин» 61
 Глоба А. 22, 64, 70, 75
 Гоголь Н. В. 97, 113, 231
 Горький М. 31, 113, 114, 122, 123, 132, 167—173, 183, 232
 «В. И. Ленин» 133
 «Детство» 170
 «В людях» 170
 «Мать» 183
 «Мои университеты» 170
 «Песня о Буревестнике» 169
 «Песня о Соколе» 169
 Григ Э. 171
 Гросс С. С. 17
 Даль В. И. 83
 «Бикей и Мауляна» 83
 Даулетбаев Б. 214, 217
 «Долг» 214, 217
 Дельвиг А. А. 61
 «Не осенний мелкий дождичек» 61, 62
 Дербисалин А. 309
 Десняк О. 182
 «Тургайский сокол» 182
 Джаксыбаев А. 214—217
 «Поединок» 214—216
 Джамбул Джабаев 124, 129, 132, 171, 176, 181—183, 260
 Джами 74
 Жангильдин А. 126, 192
 Джансугуров И. 80, 96, 113—115, 135, 136, 140, 146—148, 150, 169, 170, 173, 176, 181, 183, 194, 239, 240, 245—264, 277, 294, 296—298, 302, 303
 «Главари политики» 297
 «Единство трех желаний» 136
 «Золотая чаша» 246
 «Кулагер» 248, 256, 263
 «Кюй» 260
 «Кюйши» 248, 249, 254, 256
 «Мавзолей» 140
 «На заводе» 245
 «Паровоз» 257
 «Песня радости» 258, 263
 «Песня хлебороба» 298
 «Сегодняшняя степь» 297
 «Степь» 150, 248, 261
 «Товарищи» 194
 «Умер Ленин» 136
 «Жастар» 260
 «Канды кыран» 262
 «Көшкі» 297
 «Саудагер тамашасы» 296
 «Элеватор» 296
 Джумалнев Х. 272, 308
 Диваев А. 307
 Добролюбов Н. А. 12, 85, 100
 Долгополов Н. И. 17
 Досжанов Д. 219
 Достоевский Ф. М. 98, 180
 Дуйсенов М. 273, 309
 Думбадзе Н. 176
 Дуров С. Ф. 97
 Дюсенбаев И. 62, 309
 Елеукунов Ш. 230
 Ергалиев Х. 114, 141, 146, 240, 302
 «Ленин говорит» 141, 146
 «Ер таргын» 189
 Ерубаев С. 214
 «Мои ровесники» 214

- Есенберлин И. 161, 176, 214, 216, 217, 230
 «Буланный меч» 218
 «Влюбленные» 216, 217
 «Жестокость» 218
 «Опасная переправа» 216, 217
 «Опасная переправа» 216, 217
 «Отчаяние» 218
 «Схватка» 214, 216, 217
 Есенжанов Х. 153, 208, 210, 230
 «Крутое время» 208
 «Много лет спустя» 208
 «Яик — светлая река» 153, 208
- Жангабылов С. 130
 Жапанов К. 99
 Жармагамбетов К. 114
 Жароков Т. 80, 114, 154—157, 182, 240, 260, 261, 266, 278, 303
 «Лес в пустыне зашумел» 265
 «Поток» 259
 «Республика моя» 155
 «Песня о партии» 156
 «Песня чабана» 155
 Железнов П. 265
 Жетписбаев А. 99
 Жирмунский В. М. 277, 309
 Жуковский В. А. 75—78
 Жунусов С. 213, 219
 «Дом в степи» 218
- Затаевич А. В. 95, 171
 Зелинский К. Л. 230, 276
- Иванов В. С. 179
 Ильминский Н. И. 307
 Иманбаева Ш. 113
 Иманов Амангельды 126, 127, 182, 192
 Исаковский М. В. 240
 Исаков К. 219
 Искандеров К. 183
 Исмаилов Е. 272, 273, 308
- Кабдолов З. 214, 215, 217, 273, 309
 «Пламя» 214, 215
 Казаков Ю. П. 181
 Каирбеков Г. 114, 257, 264—266, 261
- Какишев Т. 309
 «Камбыр батыр» 189
 Камысов Р. 309
 Карабан П. 18
 Каратаев М. К. 115, 135, 141, 173, 273, 308
 «Гудок в степи» 208
 Карп П. 134
 Касевич В. Б. 71, 72
 Каскабасов С. 75, 309
 Кафанов А. 141
 Кашаганов 95
 Кашгарский Махмуд 74
 Кедрина З. С. 230, 310
 Кекилев А. 277
 Кекильбаев А. 219
 Кенесбаев С. К. 225, 242, 273
 Кенжебаев Б. 271, 273, 308
 Кербабаяв Б. 176, 228
 Кереева-Канафиева К. Ш. 309
 Керимбеков С. 124
 Керимжанова Б. 277
 Кирабаев С. 230, 273, 309
 Книпович Е. 231
 «Кобланды» 189
 Ковальский Т. 277
 «Когда все пьют дождевую воду, ее приходится пить и королю» 172
 «Козы-Корпеш и Баян-Слу» 83, 189
- Коларз В. 159
 Колас Якуб 176
 Конратбаев А. 309
 Корнейчук А. 176
 Корш Ф. В. 277
 Косенко П. 180
 Костюхин Е. А. 74
 Крылов А. И. 12, 17, 28, 78, 85, 86, 99, 100, 112, 199
 «Бедный и богач» 28
 «Ворона и лисица» 28
 «Вороненок» 28
 «Дуб и трость» 28
 «Крестьянин в беде» 28
 «Лягушка и вол» 28
 «Осел и соловей» 28
 «Пестрые овцы» 28
 «Стрекоза и муравей» 28
- Крылов В. А. 59, 61
 «Разбитое сердце» 59
 Кубеев С. 113, 189, 190
 «Калым» 190, 191

Кугультинов Д. 176
Кузнецов П. Н. 181
Куйбышев В. В. 126
Кулиев К. 166, 176
Кунаев Д. А. 159, 172
Кунанбаев К. 17, 35
Купала Янка 176
«Кыз-Жибек» 181, 189

Лацис В. Т. 176
Левенштейн Р. 59
Левшин А. И. 82, 83
«Лейла и Меджнун» 189
Ленин В. И. 5, 6, 119—126,
129—143, 145, 150, 152,
155, 156, 162, 164, 172, 179

Леонидзе Г. Н. 166, 176
Леонов Л. М. 33, 113, 172

Лермонтов М. Ю. 8, 12, 17,
28, 29, 35—40, 44—49, 51,
53—56, 58, 59, 78, 85, 86,
94, 97, 99—108, 110—116,
183, 189, 199, 226
«Бородино» 36, 103
«Вадим» 31, 36, 100, 189
«В альбом» 100, 102, 110
«Вечер» 48, 100
«Выхожу один я на доро-
гу» 28, 42, 45, 100, 110—
112
«Герой нашего времени»
107, 114, 115
«Горные вершины» 112
«Дары Терека» 28, 100, 112
«Демон» 100
«Дума» 28, 100, 102, 103,
107, 109—112
«Журналист, читатель и
писатель» 45, 102, 105, 107
«Звуки» 36, 102
«Измаил-бей» 50
«И скушно и грустно» 53,
102, 107
«Исповедь» 39, 104
«Кинжал» 28, 100, 112
«Молитва» 111
«На буйном пиршестве за-
думчив он сидел» 100, 102
«Не верь себе» 100, 102,
106, 107
«Парус» 28, 100, 110, 112

«Пленный рыцарь» 100, 110
«Смерть поэта» 115
«Утес» 100
«Хоть давно изменила мне
радость» 54
«Я не хочу, чтоб свет уз-
нал» 102

Лизунова Е. В. 230, 308
Липкин С. И. 181
Липранди И. П. 82
Ломидзе Г. И. 177, 230, 272,
276, 310
Луконин М. 181
Львов М. 181
Львович Дм. 95

Магауин М. 309
Майкутов А. 192
Майлин Б. 113, 146—148, 151,
152, 176, 193, 194, 196,
227, 230, 296, 302, 303
«Азамат Азаматович» 152,
194
«Бедняку» 152
«В гостях у смерти» 152
«Коммунистка Раушан»
193
«Мыркимбай» 152
«Памятник Шуге» 193
«Песня о коллективизации»
152
«Поздравляем с праздни-
ком» 152
«Раздел» 152
«Рассказ Амиржана» 152
«У подножия Коктерека»
152

Макатаев М. 143, 156, 302
«Ильич» 143, 156
Македонский Александр 73, 74,
76, 77
Макшеев А. И. 180
Малабаев Р. 126
«Октябрь — свет» 126
Мамбетов И. 115, 301
Мануйлов В. А. 56
Маргулан А. Х. 273, 307
Марков С. Н. 179, 180
«Идущие к вершинам» 180
Масенко Т. 182
«Сто дум Абая» 182
Мауленов С. 114, 142, 154, 155,

- 182, 183, 240, 264, 302, 303
 «Вечер на Магнитке» 155
 «В мартеновском цеху» 155
 «Ленин в своем кабинете» 142, 156
 «Ночь Магнитки» 155
 «Адам өлмейді» 303
 «Махабхарата» 77
 Махтумкули 113
 Маяковский В. В. 113, 114, 122, 133, 136, 139, 140, 147, 172, 173, 239—243, 264, 265, 277—280, 295
 «Владимир Ильич Ленин» 133, 136, 172
 Межелайтис Э. 176
 Мелиоранский П. М. 307
 Михаэлис Е. П. 17
 Модзалевский Л. Б. 84
 Момыш-улы Б. 161, 210, 211
 «За нами Москва» 210
 Моцарт В. А. 171
 Муканов С. 112—114, 139, 146—147, 152, 154, 156, 170, 176, 180—182, 185, 189, 190, 194, 217, 230, 231, 239, 240, 255, 256, 261, 263, 264, 272, 273, 277, 296, 298, 302
 «Ботагоз» 152, 195, 217, 231
 «Коммунистическая партия» 156
 «Маршал поэзии» 301
 «Моя республика» 155
 «Мчись, мой черногривый скакун» 298
 «Привет Маю» 300
 «Промелькнувший метеор» 195
 «Светлая любовь» 195
 «Слово — боевое оружие»
 «Сыр-Дарья» 154, 195, 196, 231
 «Таков колхозный аул» 261
 «Школа жизни» 170, 195, 231
 Мулдагалиев Дж. 114, 153, 155, 156, 183, 240, 256, 257, 261, 264, 267, 302
 «Девушка колхозница» 155
 «Коммунисты» 156
 «Я — казах» 155, 267
 Мулдагалиев Т. 303
 Муратбеков С. 219
 Мурзалиев К. 183, 262
 Мурсеит 35, 56, 62
 Муртазаев Ш. 214, 215, 217, 230
 «Взрыв», 214, 215
 Мусоргский М. П. 171
 Мусрепов Г. М. 113, 147, 160, 170, 173, 176, 180, 203, 204, 207, 210, 230—232, 239, 273
 «Пробужденный край» 204—206, 214, 231
 «Солдат из Казахстана» 203, 204, 210
 Мустафин Г. 113, 176, 207, 208, 214, 217, 230, 231, 273
 «Қарағанда» 214, 231
 «Миллионер» 154, 207, 231
 «Очевидец» 208
 «После бури» 207, 217
 Навои 31, 74, 113
 Надинский С. 142
 Нажимеденов Ж. 219
 Нарымбетов А. 309
 Наурызбаев Б. 230, 309
 Некрасов А. Н. 28, 85, 97, 112, 113, 183, 199
 Низами 31, 74, 77, 113
 Никольская А. Б. 10, 181
 Новиченко Л. Н. 275
 Нурғалиев Р. 309
 Нуркатов А. 309
 Нурмагамбетова О. 309
 Нурмаков Н. 192
 Нурпеисов А. 153, 173, 176, 208
 «Кровь и пот» 153, 208—210, 230, 231
 «Курляндия» 210
 Нуртазин Т. 230, 273, 309
 Нуршаихов А. 210
 Озеров Л. 181
 Олуорс Э. 158
 Оразаев Ф. 309
 Орманов Г. 80, 114, 154, 155, 266, 302
 «Волны урожая» 154
 «Песня хлеборобов» 155
 Осипов Ю. М. 72
 Оскоцкий В. Д. 212, 231
 Островский Н. А. 113, 172

- Пантиелев А. Н. 181
Пантусов Н. Н. 307
Пиксанов Н. К. 169
Плещеев А. Н. 180
Погодин Н. Ф. 173
 «Аристократы» 173
Полонский Я. М. 17, 56, 57
 «Сердце» 56
Потанин Г. Н. 83, 100, 307
Пугачев Е. 82, 84, 85
Пушкин А. С. 8, 11, 17, 28, 29,
 32, 78—97, 99, 100, 103,
 112—114, 166, 183, 197, 199
 «Борис Годунов» 81
 «Ворон к ворону летит»
 298
 «Дубровский» 79
 «Евгений Онегин» 28, 29,
 79, 80, 85, 86, 93—95
 «История Пугачева» 84
 «Каменный гость» 80
 «Капитанская дочка» 79—
 82, 84, 85
 «Метель» 80
 «Обвал» 297
 «Пророк» 79, 82
 «Разговор книгопродавца с
 поэтом» 105
 «Руслан и Людмила» 81
 «Сказка о мертвой царевне
 и о семи богатырях» 81
 «Сказка о рыбаке и рыб-
 ке» 79
 «Скупой рыцарь» 80
 «Станционный смотритель»
 80
Пфеффер Н. 183
 «Утро Алма-Аты» 183
Радлов В. В. 277, 307
Рамазанов М. 95
Рейн Э. Ф. 231
Рено Тристан 231
Римский-Корсаков А. Н. 61
Рождественский В. А. 179—181,
 251, 252
Рубинштейн А. 17, 59, 61
Руставели Шота 166
Рыльский М. Ф. 166, 182
Рысалиев К. 277
Рытхеу Ю. 175, 176
Сайн Ж. 115, 156, 182
 «Слово о вожде» 156
Салтыков-Щедрин М. Е. 17, 20,
 28, 78, 85, 97, 199
Салье М. А. 69
Самади З. 183
 «Тайна годов» 218
Санбаев С. 218
Сарсенбаев А. 154, 184, 303
 «Мазасыз Украина түні»
 303
Сатпаева Ш. К. 309
Седельников А. П. 94, 111
Сенцов С. 114, 182, 308
Сейфуллин С. 4, 81, 114, 133,
 134, 136—140, 146—150,
 173, 176, 181, 183, 214, 230,
 239, 240—246, 256, 277,
 283—296, 302, 303, 308
 «Альбатрос» 136, 149, 288,
 291
 «Баловник» 244
 «Джигиты» 148
 «Землекопы» 214
 «Маржан» 245
 «Марсельеза казахской мо-
 лодежи» 148, 243
 «Мы» 148
 «Наша жизнь» 150
 «Новая песня степей» 148
 «Плоды» 150
 «Рабочим» 148
 «Советстан» 149, 243, 288,
 290, 291
 «Тернистый путь» 149, 192
 «Товарищи» 148
Сельвинский И. Л. 130, 181
Семенов В. П. 94, 112
Сералин М. 113, 253
Серафимович А. С. 173, Г
Серебрякова Г. И. 173
 «Юность Маркса» 173
Сидоренко Н. 181
Сильченко М. С. 63, 308
Скабичевский А. 56
Сланов Г. 214
 «Огнедышащая гора» 213
Смеляков Я. В. 181, 266
Смирнова В. 231
Смирнова Н. С. 273, 308
Снегин Дм. 179, 180
 «В городе Верном» 180

- Соболев Л. И. 114, 181, 197, 201, 211
- Стальский Сулейман 171
- Старшинов Н. 157
- Сулейменов О. 161, 176, 268—270
«Молитва батыра Мамбета перед казнью» 268
- Султанмуратов А. 131
- Сундетов М. 219
- Суюншалиев Х. 309
- Сыдыков Т. 309
- Тажибаев А. 80, 81, 114, 154, 176, 182, 240, 302, 303, 309
«Родная земля» 155
«Күрдаска» 303
- Танк, Максим 176
- Тарловский М. 181
- «Тахир и Зухра» 189
- Тахташ Х. 276
- Твардовский А. Т. 113, 166
- Томашевский Б. В. 277
- Тимофеев Л. И. 277
- Тихонов Н. С. 172
- Тлегенов Б. 219
- Тлеков Ж. 210
- Тлеулин Р. 99
- Тогузаков К. 114, 115
- Токмагамбетов А. 139, 182, 303
- Токтаров Р. 218
- Толстой А. Н. 173
- Толстой Л. Н. 17, 20, 78, 85, 97, 100, 103, 232
«Война и мир» 103
- Торайгыров С. 113, 190, 219
«Камар-слу» 190, 191
«Кто виноват?» 190
- Тренев К. А. 173
«Любовь Яровая» 173
- Тулуб З. 181
«В степи бескрайней за Уралом» 181
- Тургенев И. С. 17, 62, 64, 68, 69, 100
«Восточная легенда» 62, 64, 68, 69, 232
«Стихотворения в прозе» 68
«Дворянское гнездо» 173
- Турсун-заде М. 176
- Турсунов Е. 309
- «Тысяча и одна ночь» 69, 78, 189
- Тычина П. Г. 176, 182
- Уахатов Б. 309
- Уиллер Дж. 158
- Унгарсынова Ф. 303
«Коммунист» 303
- Упит А. М. 176
- Ускембаев Х. 100
- Усманов Х. 276
- Утетлеуов Б. 113
- Фадеев А. А. 33, 113, 117
- Файзи А. 239
«Фархад и Ширин» 189
- Федин К. 113, 172, 188, 212
- Фетисов М. И. 97, 139, 231, 309
- Фирдоуси 31, 74
«Шахнамэ» 74, 77, 189
- Фрунзе М. В. 126, 127
- Фурманов Д. А. 126, 172, 183
«Чапаев» 183
- Ханыков В. Н. 69
- Хамраев М. 276
- Хамраев Х. 183
- Хасанов Х. 183
- Хасенов М. 214
«Риск» 214
- Хасенов М. 309
- Хосров Амир 74
- Хусаннов Г. 277
- Чавчавадзе И. Г. 113
- Чапаев В. И. 126
- Чернышевский Н. Г. 12, 17, 85, 97, 101, 228, 234
- Чехов А. П. 113, 232
- Чиковани С. И. 176
- Шаймерденов С. 214, 216
«Гнев» 214
- Шалабаев Б. 230, 309
- Шангитбаев 114
- Шарипов А. 309
- Шашкин З. 153, 208, 214, 215, 217
«Токаш Бокин» 153, 208
«Темиртау» 214, 215
- Шевченко Т. Г. 113, 166, 181, 182

«Близнецы» 182
«Варнак» 182
«Несчастный» 182
«Топор был за дверью у
господа бога» 182
Шейхзаде М. 277
Шекспир В. 173
 «Отелло» 173
 «Укрощение строптивой»
 173

Шипин О. 123
Шолохов М. 113, 171—173, 188
Шопен Ф. 171
Шубин П. 266
Шукуров З. 214
 «Гордиев узел» 214
Шухов И. П. 179, 180

Энхенбаум Б. М. 61

Ядринцев Н. М. 97

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
-----------	---

Часть I. Художественные традиции: Абай и истоки казахско-русских литературных связей

Глава первая. Абай и его художественные традиции	11
Глава вторая. Литературные связи Абая (вопросы текстологии)	35
Глава третья. Пушкин и казахская литература	79
Глава четвертая. Значение лермонтовского наследия для развития казахской литературы	97

Часть II. Современные процессы развития казахской литературы

Глава пятая. Великий Октябрь и казахская литература	119
Глава шестая. Казахская советская литература в русле общесоюзного литературного процесса	161
Глава седьмая. Пути развития эпической прозы	187
Глава восьмая. Новаторские поиски в современной поэзии и обогащение поэтического языка	234
Глава девятая. Проблемы стихотворного новаторства в современной поэзии	272
Глава десятая. Казахское литературоведение на современном этапе	306
Указатель имен и художественных произведений	318

ИБ № 347

Заки Ахметович Ахметов

**Современное развитие и традиции
казахской литературы**

*Утверждено к печати Ученым советом Института
литературы и искусства им. М. О. Ауэзова
Академии наук Казахской ССР*

Редактор *Л. С. Жандаулетова*

Худож. редактор *А. Б. Мальцев*

Техн. редакторы *Л. С. Муранова, З. П. Ророкина*

Корректор *С. Г. Новикова*

Сдано в набор 6/II 1978 г. Подписано к печати 14/IV 1978 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 17,2.

Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 1700. УГ21066.

Зак. 21. Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.

Типография издательства «Наука» Казахской ССР.

Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата,
ул. Шевченко, 28.